

Центр научных работников и преподавателей иудаики в ВУЗах «Сэфер»
Genesis Philanthropy Group
Международный институт по изучению Катастрофы, Яд Вашем
Научно-просветительный центр «Холокост»

**ВОЙНА, ХОЛОКОСТ
И ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ**
**Материалы XX Международной
ежегодной конференции
по иудаике**

Том IV

ספר

ЦЕНТР-ФОНД
ХОЛОКОСТ

Академическая серия
Выпуск 48

Москва
2013

The Moscow Center for University Teaching of Jewish Civilization "Sefer"
Genesis Philanthropy Group
The International Institute for Holocaust Research at Yad Vashem
Russian Research and Educational Holocaust Center

**WAR, HOLOCAUST
AND HISTORICAL MEMORY**
**Proceedings of the 20th
Annual International Conference
on Jewish Studies**

Volume IV

ספר

ЦЕНТР • ФОНД
ХОЛОКОСТ

Academic Series
Issue 48

Moscow
2013

Редколлегия:

И. Альтман, А. Зельцер (отв. ред.)

Редактор:

Е. Кузнецова

Editorial Board:

I. Altman, A. Zeltser (editor-in-chief)

Editor:

E. Kuznetsova

Издание осуществлено при финансовой поддержке

Published with the support of

Благотворительного фонда «Генезис»
Genesis Philanthropy Group

Оформление: Сергей Трофимов

Верстка: Ольга Волкова

ISBN %%%%

© Центр научных работников и преподавателей
иудаики в ВУЗах «Сэфер», 2013
© Коллектив авторов, 2013
© Центр «Сэфер», оригинал-макет, 2013

От Редколлегии

На протяжении последних двух десятилетий тема истории советских евреев в годы Холокоста перестала быть периферийным явлением, заняв достойное место среди работ по истории европейских евреев в годы Второй мировой войны.

Убедительным примером этого стали доклады, прочитанные на специальной секции «Война, Холокост и историческая память» в рамках XX Международной конференции по иудаике, организованной в Москве 3–5 февраля 2013 г. Центром «Сэфер». Соорганизатором конференции выступил Еврейский музей и Центр толерантности в Москве.

Уже третий год секция, посвященная проблемам Холокоста, становится возможной благодаря инициативе и поддержке фонда «Genesis Philanthropy Group».

Секция была организована Центром «Сэфер», Центром изучения истории советских евреев в годы Шоа (Холокоста) при Международном институте изучения Шоа (Холокоста) мемориала Яд Вашем (Иерусалим), созданном при поддержке фонда «Genesis Philanthropy Group», и Российским научно-просветительным центром «Холокост» (Москва).

На заседаниях секции «Война, Холокост и историческая память» были представлены доклады 24 исследователей из России, Украины, Литвы, Беларуси, Великобритании, Германии и Израиля. Проблематика этих докладов охватывала широкий диапазон тем, в большинстве своем связанных как с историей советских евреев в годы Холокоста, вопросами специфики Холокоста на территории СССР, так и с памятью о Холокосте в послевоенные годы и в постсоветском обществе, с историографией Холокоста советских евреев и отражением темы Холокоста в мемориальном ландшафте и искусстве. Все эти вопросы рассматривались в рамках изучения Холокоста советских евреев в це-

лом и в контексте исследований особенностей нацистской политики и поведения советских евреев и их соседей — в конкретных местах и отдельных регионах.

Работа секции проходила в обстановке дискуссии, связанной, в первую очередь, со специфическими источниками и степенью достоверности тех материалов, которыми приходится пользоваться всем исследователям Холокоста советских евреев, и с методологическими трудностями, возникающими в этой связи. Все эти особенности нашли отражение и в публикуемых ниже докладах.

Не все прозвучавшие на конференции доклады вошли в предлагаемый вниманию читателя сборник материалов, однако представляется, что они достаточно полно отражают направление научных интересов исследователей, занимающихся темой Холокоста. Не всегда редколлегия разделяет мнение и методологические подходы авторов статей. Но эти взгляды и подходы отражают определенные тенденции, которые существуют в современном обществе и в сегодняшней науке. Они могут служить основой для будущих обсуждений, в том числе в рамках конференций «Сэфера».

Александр Ермаков
(Ярославль)

**КРИТИКА НАЦИСТСКОГО АНТИСЕМИТИЗМА
И АНТИЕВРЕЙСКОЙ ПОЛИТИКИ ТРЕТЬЕГО РЕЙХА
В СОВЕТСКОЙ ПРОПАГАНДЕ 1933—1939 гг.:
ЭТАПЫ И ОСОБЕННОСТИ**

В зарубежной и российской научной литературе давно ведутся споры о полноте и качестве информации, которую получали советские граждане о Холокосте в годы Великой Отечественной войны. Представляется, что меньшее внимание исследователей привлекает вопрос о том, какие сведения об антисемитской идеологии и политике нацистов распространялись в СССР в предшествовавшие годы — с момента прихода Гитлера к власти в январе 1933 г. и до мая 1939 г., когда начались переговоры между СССР и Германией о подписании пакта о ненападении.

Фрагментарное использование сведений о критике нацистского антисемитизма в советской пропаганде в этот период позволяло историкам сделать лишь выводы о том, что пропагандистская борьба против дискриминации и преследования нацистами евреев была одним из «козырей», работавшим «на положительный образ Страны Советов в мире»¹, и что до нападения Германии на СССР 22 июня 1941 г. «в советском информационном пространстве уже появлялись сообщения о нацистском антисемитизме»². Вопросы о периодичности, полноте и достоверности этой информации не стали предметом систематического изучения, как и вопрос о том, какое место занимала критика антисемитской идеологии и политики Третьего рейха среди других «козырей» антифашистской пропаганды в Советском Союзе. В настоящей статье предпринимается попытка приблизиться к ответам на эти вопросы, в частности, определить этапы советской пропагандистской атаки на нацистский антисемитизм и показать содержательные особенности его критики в СССР.

Этапы критики антисемитской политики нацистов в советской пропаганде 1933–1939 гг.

Анализ интенсивности появления пропагандистских материалов в 1933–1939 гг., их объема и содержания дает основания выделить в развитии советской критики нацистского антисемитизма *четыре этапа*.

Первый этап охватывает период от установления гитлеровской диктатуры до завершения апрельского бойкота евреев (30 января — начало апреля 1933 г.). С конца февраля по конец марта на фоне сообщений о зверских расправах штурмовиков над коммунистами, социал-демократами, профсоюзными деятелями в советских газетах публиковались отрывочные сведения о гонениях на немецких евреев, а в последних числах марта 1933 г. в СМИ появились данные о подготовке и проведении в Германии антиеврейского бойкота.

Сначала советские газеты делали акцент на том, что усиление политической реакции в Германии после прихода Гитлера к власти характеризуется «террористическими мероприятиями против рабочего класса и его коммунистического авангарда»³, хотя евреи также упоминались среди объектов нацистской травли. 3 марта 1933 г. в «Правде» появился материал лондонского корреспондента газеты Б.Р. Изакова о том, что национал-социалисты разрабатывают планы «организации широких еврейских погромов по всей Германии» и «ждут последнего слова, чтобы напасть на евреев»⁴. 13 марта, рассказывая о расправах национал-социалистов над коммунистами, социал-демократами и лишении депутатов рейхстага от КПГ мандатов, «Правда» обмолвилась: «Усиливается также погромная травля еврейского населения». Эта травля выражалась в «нападениях национал-социалистов на универмаги и избиениях покупателей»⁵. На следующий день в главной партийной газете СССР впервые была напечатана специальная заметка с названием «Еврейские погромы»⁶.

В течение марта 1933 г. в советской прессе неоднократно помещалась информация об избиении в Германии евреев — иностранных граждан, об убийствах немецких евреев, интернировании их в концентрационные лагеря и первых дискриминационных мерах. Газеты писали, что десятки тысяч немецких евреев бегут в сопредельные страны: Австрию, Францию, Чехословакию, Швейцарию, Польшу и Данию. При этом одни публикации были специально посвящены положению евреев, в других они упоминались среди прочих категорий беженцев. Например, по сообщению ТАСС от 16 марта, «ежедневно во Францию

прибывает более 400 евреев, спасающихся от угрозы погромов. Такая же картина наблюдается и на датской и чехословацкой границах»⁷. А через неделю «Правда» преподнесла информацию следующим образом: «В последние дни усилилось массовое бегство германских эмигрантов в Чехословакию. Бегут интеллигенты, торговцы, ремесленники, бегут целыми семьями. Среди них много евреев»⁸.

29 марта 1933 г. в Германии было обнародовано воззвание руководства НСДАП о проведении 1–3 апреля антиеврейского бойкота. На следующий день информация о нем появилась в мировой и советской прессе. До 7 апреля центральные газеты СССР ежедневно помещали материалы о бойкоте. По ряду вопросов советская пропаганда полностью солидаризировалась с мнением зарубежных стран. В частности, отмечалось, что бойкот «фактически уже начался» на три дня раньше его официального срока, что он не является стихийным ответом на антигерманское движение за границей, а проводится по заранее намеченному правительством плану. «Правда» цитировала мнение лондонской «Таймс»: «В бойкоте нет ничего стихийного в такой же мере, как в германских массах, если их оставляют в покое, нет активного антисемитизма; последний является продуктом пропаганды еще небывалого масштаба». Советских граждан информировали о протестах в ряде стран Европы, США и государствах Латинской Америки. Оценки бойкота как «бесстыдного, отвратительного, подлого дела» и «представления из средневековой истории в современной оправе» также были заимствованы из английских газет⁹.

Пятого апреля «Правда» вышла с обычными для первых месяцев 1933 г. материалами о репрессиях против немецких рабочих, коммунистов, комсомольцев, социал-демократов. В конце публикации находилась короткая фраза: «По сообщению вечерних газет, германское правительство постановило прекратить антиеврейский бойкот»¹⁰. Позднее информация была дополнена сведениями о том, что нацисты «на этот раз вынуждены были отступить перед категорическими настояниями националистов» К. фон Нейрата, Ф. фон Папена, Я. Шахта и президента П. фон Гинденбурга¹¹.

Освещая апрельский бойкот, советская пресса отметила случаи самоубийств евреев — предпринимателей, акционеров, адвокатов, судей, лиц свободных профессий. Были зафиксированы и первые административные последствия бойкота: увольнение учителей-евреев из берлинских школ, прекращение выдачи денежных и натуральных по-

собий неимущим учащимся еврейского происхождения в Берлине. Однако закон «О защите профессионального чиновничества», изданный гитлеровским правительством 7 апреля и содержащий «арийский параграф», был в те дни полностью обойден вниманием советской пропаганды. В газетах говорилось лишь об отдельных мерах нацистских властей, принятых на основании закона: распространении действия «арийского параграфа» на рейхсвер и «чистке» преподавательского состава Франкфуртского университета от «неарийских» элементов. Только в 1935 г. полный текст закона «О защите профессионального чиновничества» был включен в сборник документов «Конституции буржуазных стран» и прокомментирован известным советским юристом И.П. Трайниным¹².

Второй этап критики антисемитской политики нацистов продолжался в СССР с апреля 1933 г. до аншлюса Австрии в марте 1938 г. В течение этого пятилетия приоритетными темами советской пропаганды были репрессии против немецких антифашистов, безработица, продовольственные и финансовые трудности Германии, ее вмешательство в испанский конфликт и подготовка к войне. Информация о преследовании гитлеровцами евреев была краткой, разрозненной, чаще всего ей придавался вид различных курьезных случаев, размещавшихся в газетах под рубрикой «Быт и нравы за рубежом». Тем не менее это давало обычному советскому читателю возможность понять, что анитсемитская политика нацистов в те годы развивалась и принимала все новые формы.

Внимание советской общественности не раз привлекалось к антисемитским выпадам в нацистских школьных учебниках и к преследованиям, которым подвергались в Третьем рейхе «осквернители расы». В частности, известный советский историк И.И. Зильберфарб написал в 1938 г. гневную статью о нацистской политике в области брака и семьи, в которой оставил, однако, вне поля зрения читателя идеологическую основу этих событий: «Развернута фашистская террористическая практика, доходящая до совершенно невероятных гнусностей... Властители современной Германии разрушают многолетние «смешанные» браки путем насильственного развода, насильственно отнимают детей у «расово неблагонадежных родителей» и творят такие мерзости, о которых трудно даже говорить»¹³.

Хотя советская пресса довольно подробно освещала съезды НСДАП, в том числе съезд 1935 г., о существовании Нюрнбергских расовых

законов говорилось лишь в одном материале корреспондента «Известий» в Германии Д.П. Бухарцева. Подробное изложение содержания нового законодательства автор предварял мыслью о том, что антисемитские законы являются «средством для успокоения массы недовольных членов национал-социалистской партии»¹⁴. Суть и последствия расовых законов стали широко известны в СССР лишь из письма верховного комиссара комиссии о беженцах при Лиге Наций Джеймса Макдональда, опубликованного в «Известиях» в январе 1936 г. Макдональд с возмущением рассказывал, что в соответствии с Нюрнбергскими законами 435 тысяч немецких евреев потеряли гражданство. «Лишенные всякого права сноситься с «арийцами», евреи и «неарийцы» подвергаются всякого рода издевательствам, — констатировалось в письме. — Ни пол, ни возраст не спасают их от преследований. Даже дети евреев и «неарийцев» не защищены от жестоких форм преследования. В партийных изданиях, находящихся под непосредственным руководством правительства, «арийским» детям проповедуется ненависть по отношению к еврейским и «неарийским» христианским детям; арийских детей побуждают шпионить среди еврейских и неарийских детей и требовать от своих родителей, чтобы они искоренили еврейство в целом»¹⁵. Позднее речь о Нюрнбергских законах не раз заходила в связи с желанием подчеркнуть гуманизм советского интернационалистского мировоззрения в ходе обсуждения проекта новой советской конституции летом-осенью 1936 г.

В ходе этого второго этапа пропагандистского наступления на нацистский антисемитизм в Советском Союзе был издан ряд публицистических и художественных произведений. Среди них — перевод пьесы немецкого писателя-антифашиста Фридриха Вольфа «Желтое пятно» («Конец доктора Мамлока»). Пьеса была растиражирована стеклографическим методом в количестве всего 340 экземпляров и сначала не приобрела широкой известности¹⁶. Знакомство с произведением Вольфа более широкой аудитории состоялось благодаря постановке К.А. Давидовским и С.А. Марголиным спектакля «Профессор Мамлок». Главные роли исполняли заслуженный артист Б.И. Писецкий (доктор Гельпах) и народный артист Е.О. Любимов-Ланской (Мамлок). Премьера спектакля состоялась в театре им. МОСПС в апреле 1935 г.

В том же году в переводе И.А. Горкиной вышел роман Л. Фейхтвангера «Семья Оппенгейм», который был затем несколько раз переиздан в Москве и в различных областных издательствах. Хотя авторы

статьи, появившейся в «Литературной энциклопедии» в начале 1939 г., написанной, видимо, несколькими месяцами ранее, упрекали Фейхтвангера в национализме и в том, что ему «не удалось дать образы настоящих борцов и революционеров», они отмечали и явные достоинства романа: «Если судить поверхностно, этот роман всего-навсего повествование о страданиях еврейской буржуазной семьи в период крушения буржуазной демократии в Германии. Но этот «частный случай» как бы вбирает в себя все наиболее характерное для времени, о котором идет речь»¹⁷.

Массовыми тиражами издавались в СССР публицистические произведения советских авторов, в том числе книги Н. Корнева «От Носке до Гитлера» и «Третья империя в лицах». В первой давалась характеристика антисемитских карикатур, помещаемых в геббельсовской газете «Ангрифф», а во второй специальный биографический очерк посвящался Юлиусу Штрейхеру. Автор доказывал, что зоологический антисемитизм имманентен нацизму и «отвратительный образ» Штрейхера как нельзя лучше характеризует «звериный лик германского фашизма»¹⁸.

Третий этап критики в СССР нацистского антисемитизма пришелся на март — первую декаду декабря 1938 г. Его хронологические рамки определяются травлей евреев в оккупированной нацистами Австрии и реакцией на «имперскую хрустальную ночь» — общегерманский еврейский погром в ночь с 9 на 10 ноября 1938 г.

Вермахт вошел в Австрию 12–13 марта 1938 г., а уже через неделю советская пресса в материалах о фашистском терроре привела данные о гонениях на австрийских евреев: погромах, арестах, самоубийствах, бойкоте магазинов, грабеже имущества и узаконенных конфискации. После небольшого перерыва в мае — начале июля 1938 г. появилась новая серия материалов об изъятии из библиотек книг авторов еврейского происхождения, «ариизации» собственности, увольнениях рабочих и служащих-евреев, изгнании «неарийцев» из сферы культуры и искусства.

В сентябре 1938 г. в СССР вышел в прокат фильм режиссеров А.И. Минкина и Г.М. Раппопорта «Профессор Мамлок», хорошо встреченный зрителями и критикой¹⁹. Вскоре киносценарий этого фильма был опубликован тиражом 8 тысяч экземпляров²⁰.

Одиннадцатого ноября 1938 г. советская пресса опубликовала первые сообщения об «имперской хрустальной ночи». Пользуясь материалами британских СМИ, корреспондент «Известий» передал по те-

лефону, что погромы происходят во многих городах Германии, сопровождаются побоями, разгромом магазинов, сожжением синагог, грабежами, арестами десятков тысяч евреев²¹. После этого в течение полутора недель газеты ежедневно сообщали новые подробности о погромах и бурном возмущении за границей. Наконец, 22 ноября «Известия» опубликовали и советские протесты — статьи академиков Б.Е. Веденеева и С.И. Вавилова, народной артистки СССР В.Н. Пашенной.

Апогеем пропагандистской кампании «в связи с изуверствами фашистских погромщиков в Германии» стали митинги советской интеллигенции. Самый крупный из них состоялся 27 ноября в Московской государственной консерватории. На митинге выступали писатели А.Н. Толстой, А.Е. Корнейчук и Л.С. Соболев, народные артисты РСФСР С.М. Михоэлс, А.Б. Гольденвейзер и Н.С. Ханаев, народный артист СССР Н.П. Хмелев, президент Всесоюзной академии архитектуры В.А. Веснин, заслуженные деятели искусств художник А.М. Герасимов и режиссер Г.В. Александров. Митинг транслировался по радио на весь мир²². В тот же день митинги интеллигенции прошли в Ленинграде, Киеве, Тбилиси, 30 ноября — в Баку и Ростове-на-Дону. Такие же мероприятия были проведены во Фрунзе, Калинин, Красноярске и Пятигорске. 1 декабря 1938 г. центральные газеты вышли с большими материалами под общим заголовком «Зверства фашистских погромщиков вызывают глубокое возмущение у всей советской интеллигенции»²³.

Завершение пропагандистской кампании в связи с «имперской хрустальной ночью» пришлось на первую декаду декабря 1938 г., когда в периодической печати сообщалось о новой волне эмиграции евреев, очередной эскалации антисемитского законодательства в Третьем рейхе и негативной реакции немецкого населения на антисемитские эксцессы.

Четвертый этап критики нацистского антисемитизма — со второй декады декабря 1938 по май 1939 г., когда в преддверии подписания советско-германского пакта о ненападении прекратилась всякая антифашистская пропаганда.

После проведения масштабной пропагандистской кампании по поводу «имперской хрустальной ночи» внимание советских СМИ к преследованиям евреев в Германии стало ослабевать. В январе 1939 г. в газетах появлялась краткая информация о новых арестах евреев и про-

должении изоощренной травли. Речи Гитлера в рейхстаге 30 января 1939 г., в которой он сделал свое пресловутое «пророчество» по поводу новой мировой войны и судьбы «еврейской расы в Европе», была посвящена только небольшая заметка со сжатым пересказом ее содержания. В публикации «пророчество» нацистского вождя не цитировалось, а лишь было замечено, что «в речи Гитлера видное место заняли резкие антисемитские высказывания»²⁴. С середины марта 1939 г. в советских газетах изредка помещались отдельные сведения о притеснениях евреев в оккупированной Чехословакии: погромах, большом количестве самоубийств, конфискации имущества, изоляции от «арийского» населения.

В конце 1938 г. режиссер Г.Л. Рошаль поставил художественный фильм «Семья Оппенгейм». Сценарий был написан Серафимой Рошаль и авторизован Лионом Фейхтвангером, за что И.В. Сталин распорядился выплатить писателю гонорар в сумме 5 тысяч американских долларов²⁵. В фильме снялись народный артист С.М. Михоэлс, заслуженные артисты И.М. Толчанов, А.И. Войчик, Н.С. Плотников, О.Н. Абдулов, М.Ф. Астангов. В начале января 1939 г. кинолента вышла в прокат. Афиша, помещенная в «Правде», гласила: «Фильм рассказывает о борьбе трудящихся Германии за единый народный фронт, против мракобесия и изуверства фашизма, воскрешающего самые мрачные времена средневековья»²⁶.

Незадолго до подписания пакта Молотова-Риббентропа и тем более после его подписания антифашистская пропаганда в СССР, в том числе и критика антисемитской политики гитлеровцев, прекратилась — из книжных магазинов исчезла вся литература антигерманского содержания, в Москве прекратился показ фильмов «Профессор Мамлок» и «Семья Оппенгейм»²⁷. В феврале 1940 г. книга Н. Корнева «Третья империя в лицах» попала в список изданий, подлежащих изъятию из продажи и из библиотек, поскольку критика автором «изуверства германского фашизма» была признана Главлитом «очень острой» и не соответствующей «нашей внешней политике».

Содержательные особенности критики нацистского антисемитизма в СССР

Советская критика нацистского антисемитизма имела ряд особенностей, которые определялись марксистской идеологией классовой борьбы и неизбежной гибели капитализма в интерпретации В.И. Ленина, И.В. Сталина и международного коммунистического движения

1930-х гг. Для обоснования своих оценок авторы газетных публикаций, брошюр и книг нередко использовали речь Ленина «О погромной травле евреев» (март 1919 г.), в которой говорилось: «Когда проклятая царская монархия доживала свое последнее время, она старалась натравить темных рабочих и крестьян на евреев. Царская полиция в союзе с помещиками и капиталистами устраивала еврейские погромы. Ненависть измученных нуждой рабочих и крестьян помещики и капиталисты старались направить на евреев. И в других странах приходится видеть нередко, что капиталисты разжигают вражду к евреям, чтобы засорить глаза рабочего, чтобы отвлечь их взоры от настоящего врага трудящихся — от капитала». Ленин убеждал, что врагами трудящихся являются не евреи, а «капиталисты всех стран». Большинство евреев — это рабочие, труженики, меньшинство — кулаки, эксплуататоры, капиталисты, которые в союзе с богачами всех стран «давят, гнетут, грабят, разъединяют рабочих»²⁸.

Важной для выявления специфики советской пропаганды является речь В.М. Молотова, произнесенная в конце ноября 1936 г. в ходе прений по проекту новой советской Конституции. Анализ этой речи уже проводился исследователями советской национальной политики²⁹, поэтому в настоящей статье целесообразно сделать акцент на содержащейся в выступлении главы советского правительства информации о преследовании евреев в Германии и классовом подходе к оценке событий. Молотов заявил, что «антисемитская политика германских фашистов хорошо известна», и назвал нацистское законодательство «черносотенным». Он поставил в один ряд с Германией демократические буржуазные государства: «В США до крайности доведены ограничения против негров и индейцев... Англия также идет по этому пути». Германский фашизм, продолжал Молотов, разгромил евреев, «причем без разбора: и старых и малых, и виновных и невиновных во враждебном отношении к фашизму». Ортодоксальный характер выступлению Молотова придавали впервые процитированные в СССР «уничтожающие слова» Сталина в его интервью Еврейскому телеграфному агентству в январе 1931 года, в котором тот говорил о сущности антисемитизма: «Антисемитизм, как крайняя форма расового шовинизма, является наиболее опасным пережитком каннибализма. Антисемитизм, как крайняя форма расового шовинизма, выгоден эксплуататорам, как громоотвод, выводящий капитализм из-под удара трудящихся... Коммунисты, как последовательные интернационали-

сты, не могут не быть непримиримыми и заклятыми врагами антисемитизма». Молотов применил эту сталинскую характеристику к национал-социалистам: «Господ фашистов лучше бы всего отнести к такой нации, «нации» «высшего» порядка, которая именуется «нацией» современных каннибалов-людоедов». Председатель СНК говорил о «братских чувствах к еврейскому народу», породившему Маркса, выдвинувшему «замечательных и талантливых руководителей и организаторов во всех отраслях строительства и защиты дела социализма», а также давшему «многочисленных крупнейших представителей науки, техники и искусства». Одновременно Молотов подчеркнул классовый характер отношения советского руководства «к антисемитам и антисемитским зверствам»: «К капиталистам и контрреволюционерам из еврейской нации мы относимся как к эксплуататорам и врагам нашего дела»³⁰.

Кроме того, на оценочных суждениях советских пропагандистов о нацистском антисемитизме отражались определения и характеристики фашизма, данные на XIII пленуме Исполкома Коминтерна и VII конгрессе Коммунистического Интернационала. В соответствии с ними, фашизм является открытой террористической диктатурой «наиболее реакционных, наиболее шовинистических и наиболее империалистических элементов финансового капитала. Фашизм пытается обеспечить за монополистическим капиталом массовый базис среди мелкой буржуазии, апеллируя к выбитому из колеи крестьянству, ремесленникам, служащим, чиновникам и в частности к деклассированным элементам крупных городов»³¹. Буржуазия, как говорилось в документах международного коммунистического движения, «все больше ищет спасения в фашизме в целях осуществления исключительных грабительских мер против трудящихся».

Применение этих положений к освещению антисемитского политического курса Третьего рейха обусловило формирование в советской пропаганде ряда содержательных особенностей.

Во-первых, советским людям методично и вопреки фактам внушалась мысль о классовой сущности нацистского антисемитизма, направленного против трудящихся евреев и не распространяющегося на евреев-эксплуататоров.

Хотя в первых публикациях прессы о еврейских погромах в марте 1933 г. не скрывался тот факт, что нападениям подвергаются универсальные магазины, то есть крупные торговые предприятия, довольно быстро классовая подоплека событий выдвинулась на первый план.

Уже в апреле лондонский корреспондент «Правды» Б.Р. Изаков подчеркивал: «Чрезвычайно характерно, что антиеврейский бойкот совершенно не коснулся еврейских банков. Бойкот был направлен главным образом против трудящихся-евреев и еврейской мелкой буржуазии и интеллигенции»³². В июне 1936 г. «Известия» констатировали, что в Третьем рейхе «евреям запрещается быть врачами, зубными врачами, аптекарями, адвокатами, инженерами, артистами, журналистами и т.д., и т.д. Но еврейским банкирам, промышленникам и торговцам не возбраняется... под сенью фашистской диктатуры... эксплуатировать самых чистокровных арийских пролетариев»³³. В антифашистской брошюре Л.М. Бернара говорилось, что «чудовищная волна антисемитизма обрушивается на беднейшие массы еврейского населения Германии — рабочих, ремесленников, трудящуюся интеллигенцию, и конечно не затрагивает еврейских банкиров, магнатов промышленного капитала... В Германии проектируется установить звание «почетного арийца» для лиц неарийского происхождения, которые будут иметь особые заслуги перед фашистским государством. Классовый характер антисемитской погромной травли, направленной в фашистской Германии исключительно против трудящегося еврейского населения, находит в этом факте свое яркое подтверждение»³⁴. В книге Н. Корнева утверждалось, будто национал-социалисты «не смеют, конечно, и пальцем тронуть» евреев-монополистов. «Евреи-промышленники, еврей-банкиры для них так же неприкосновенны, как арийцы-промышленники и как арийцы-банкиры... Арена антисемитской погромной агитации и деятельности ограничена кругами еврейской мелкой и отчасти средней буржуазии, еврейской трудовой интеллигенции... Народные массы быстро поймут тот великий обман, который заключается в антисемитских лозунгах национал-социалистской партии, отнюдь не направленных против евреев-капиталистов»³⁵.

В 1937 г. произошли серьезные перемены в советской пропаганде внутри страны, направленной с тех пор на усиление советского патриотизма, основанного на исторической преемственности населявших СССР народов, в особенности русских. Подача вопросов внешней политике сместилась с обсуждения существования единого фронта против фашизма на однозначное подчеркивание враждебности и интервенционистских тенденций в отношении СССР³⁶. В этих условиях акцентирование классовых различий перестало, видимо, играть столь однозначную роль. Во всяком случае после «имперской хрустальной

ночи» ноября 1938 г. советская пропаганда признала, что введенный Герингом запрет на предпринимательскую деятельность в торговле и промышленности одинаково распространяется как на мелких, так и на крупных еврейских предпринимателей³⁷. Однако и позже рудиментарные проявления классового подхода в отношении нацистского антисемитизма проявлялись в советской пропаганде. Даже во время Великой Отечественной войны, в октябре 1941 г., И. Эренбург писал о национал-социалистах: «Они говорят: «Мы против евреев». Ложь. У них есть свои евреи, которых они жалуют. У таких евреев в паспорте две буквы — «W.J.» — «ценный еврей»³⁸.

Во-вторых, трактовка антисемитизма как орудия монополистического капитала порождала уверенность в том, что масса трудящихся немцев обладает интернационалистскими убеждениями. Стремлением нацистских властей найти козла отпущения объяснялся, например, разгул травли евреев в аннексированной Австрии: «В целях отвлечения внимания трудящихся масс, открыто выражающих свое недовольство итогами хозяйничанья германских фашистов в Австрии и, в частности, резким повышением цен на продукты первой необходимости, производятся массовые аресты евреев, якобы виновных в росте цен»³⁹.

Пожалуй, впервые мысль об отрицательной реакции масс немецкого населения на еврейские погромы была высказана в публикации «Правды» в июле 1938 г.: «Около разбитых окон и дверей стоят люди; это не погромщики... Здесь стоят женщины, жены рабочих, возвращающиеся с рынка, подростки, идущие на работу, мастеровые, имеющие возможность на миг задержаться, взглянуть на незаурядное зрелище. Все прохожие замедляют шаги перед разбитыми витринами, угрюмо посматривая на дикий разгром и украдкой обмениваясь короткими, но многозначительными фразами... К чести германского народа надо отметить, что эта уличная толпа не проявляет ни малейшего одобрения отвратительному погрому. Напротив, на лицах выражается чувство глубокого отвращения или недоумения, смешанного со стыдом»⁴⁰. В ноябре-декабре 1938 г. в советской прессе часто встречались констатации, подобные заявлению «Учительской газеты»: «Возмущение фашистскими варварами выражают самые широкие слои германского народа. Единодушные сообщения иностранных наблюдателей не оставляют никаких сомнений на этот счет»⁴¹.

В-третьих, столкновение антисемитских эксцессов как симптома скорого краха фашистской диктатуры в Германии побуждало совет-

скую пропаганду проводить аналогии между Третьим рейхом и царской Россией. Уже 25 марта 1933 г. «Правда» заметила, что еврейские погромы в Германии по своей жестокости не уступают черносотенным погромам в Российской империи⁴². Одна из правдинских статей за 30 марта называлась «По следам царских погромщиков»⁴³. Антисемитский еженедельник Юлиуса Штрейхера «Штюрмер» советские пропагандисты именовали «черносотенно-порнографическим погромным листком». В 1936 г. мысль о преемственности между российскими черносотенцами и нацистскими погромщиками окончательно оформилась и время от времени повторялась в различных публикациях. «Советская революция начисто смела царское законодательство с его особыми законами против «инородцев» — подданных второго и третьего разрядов. Гитлер подхватил этот мусор времен царизма и превратил его в «основной закон третьей империи», — писали «Известия»⁴⁴. «Погромы были в царской России, от русских черносотенцев позорное слово «погром» попало в международный словарь. В наши дни роль организаторов погромов в Западной Европе перешла к германским фашистам», — говорилось в «Правде»⁴⁵. «Фашисты копируют антисемитскую погромную политику царского правительства, натравливавшего русских на евреев, украинцев на поляков и т.д.», — можно было прочесть в одной из антифашистских брошюр⁴⁶. Газетные статьи убеждали советских читателей в том, что погромы призваны отсрочить неизбежный конец гитлеровского режима. Корреспондент «Правды» А. Белкин был уверен: «Вряд ли... еврейские погромы помогут Гитлеру в большей степени, чем они помогли Николаю Романову»⁴⁷.

В-четвертых, советская пропаганда предпочитала давать информацию не о содержании антисемитской идеологии национал-социализма, а более широко — о нацистской расовой теории⁴⁸. Лишь в одной из статей «Известий» за октябрь 1933 г. было кратко раскрыто содержание антисемитского учения национал-социалистов: «Евреи, по утверждению фашизма, ответственны, во-первых, за все зло, причиняемое капитализмом, ибо капитализм, оказывается, рожден еврейскими финансистами. Во-вторых, евреи «сочинили марксизм», а на базе марксизма построен интернационализм, в корне подрывающий учение о превосходстве германской расы. Поэтому из всех чуждых рас семитская наиболее вредна и опасна»⁴⁹. В периодической печати упоминались многие расистские книги Третьего рейха, содержание которых «поражает своим маниакальным однообразием. Это не то злостные

пародии, не то труды параноиков, которых случайно выпустили из больницы»⁵⁰. Особенно часто подвергалась резкой критике книга Германа Гауха «Новые основы расового исследования», в которой «нордическому человеку» противопоставлялись люди «несеверной расы», «неполные люди», близкие к антропоидной обезьяне⁵¹.

Расовая теория национал-социалистов была объявлена «опасным фашистским мифом», борьба с которым завершится «не в результате выступлений с кафедры или работ за письменным столом». Исход этой борьбы, писал немецкий профессор-эмигрант Ю. Шаксель, «принесет социальная революция, так как расовое учение является орудием классовой борьбы реакционнейшего капитализма, вышедшего на последний бой»⁵². Шаксель считал расовое учение детищем мелкой буржуазии, которая в период монополизации экономики «стоит перед угрозой деклассирования и которая в большой степени уже деклассирована монополистическим капиталом, которая в предшествующие периоды монархического верноподданничества и иллюзорной демократии веймарской республики не определилась политически. Как раз в этой прослойке коренится расовая мысль»⁵³. Расовая теория, доказывали советские пропагандисты, нужна гитлеровцам, во-первых, для обоснования своих захватнических планов. Во-вторых, она «является также орудием внутренней политики. Ее черносотенные проповедники с целью отвлечь внимание масс от истинных виновников растущей массовой нищеты сваливают вину на евреев»⁵⁴. Иными словами, расовое учение призвано «сделать «неарийцев» козлами отпущения за все несчастья, которые принес трудящимся Германии германский капитализм, отвести недовольство в сторону от власти и классовых боев и в массовых погромах разряжать озлобленность взбесившихся мелких буржуа, идущих за фашистами»⁵⁵. Рефреном звучало утверждение, что в отличие от Третьего рейха «в СССР расовый вопрос уже давно разрешен».

В-пятых, классовое видение не позволяло в полной мере вскрыть специфику нацистского антисемитизма и приводило к затушевыванию расового антисемитизма по сравнению с его формами агрессивного национализма и ксенофобии. С одной стороны, в советских СМИ постоянно указывалось, что расовые законы Третьего рейха направлены не только против евреев, но и против всех, кого фашисты считают «неарийцами», например, против польского меньшинства. С другой стороны, антисемитизм и национальное угнетение преподносились как явления, в принципе типичные для капитализма и отличающие его

от справедливого советского общества. «Германский фашизм довел расовое изуверство до крайности. Но было бы неправильно считать, что фашистская Германия — исключение в капиталистическом мире. Во многих странах капитализма, даже в самых передовых буржуазных демократиях (Англия, США, Франция и т.д.), существуют различные категории подданных, права которых по расовым или национальным причинам в той или другой мере ограничены: негры в США, миллионные массы колониальных тружеников. Мы уже не говорим о таких странах, как Польша, Австрия, Венгрия и т.д., и т.п., где национальные меньшинства подвергаются преследованиям, лишены тех прав, которыми пользуется т.н. «коренное население», — писали «Известия». — На фоне этого воскресшего средневековья или сохранившихся пережитков средневековья в капиталистическом окружении как яркая звезда сияет статья 123 проекта Конституции СССР»⁵⁶.

В-шестых, заявления о том, что «антисемитский террор является лишь частью коричневого террора вообще», сопровождалось изображением преследований евреев в Третьем рейхе как менее масштабных по сравнению с гонениями на коммунистов и в целом на германский пролетариат. «Фашистский террор всей своей тяжестью обрушивается на рабочий класс и его коммунистический авангард», — констатировала «Правда» 11 апреля 1933 г. Газета подтверждала это данными полицейской статистики за период с 25 марта по начало апреля: «Из 247 убитых 17 являются национал-социалистами, 14 евреев и 216 коммунистических и с.-д. рабочих»⁵⁷. Положение преследуемых евреев преподносилось советскими СМИ как более перспективное, нежели участь германских рабочих. «Угрожает опасность для жизни почти всех рабочих, которые либо известны в местных организациях коммунистической или социалистической партии, или были известны в своем районе усердной политической деятельностью. Многие из них скрываются. Они не могут эмигрировать со своими женами и детьми, не имея денег даже для оплаты проезда, не говоря уже о существовании за границей. Их судьба является еще более трагической, чем судьба понесших жертвы хорошо известных политических лидеров, еврейских врачей, республиканских профессоров», — проводил сравнение Б.Р. Изаков⁵⁸. Даже если весной 1933 г. ситуация выглядела именно так, то позднее, когда с политической оппозицией в Третьем рейхе было покончено и евреи стали главным объектом нацистской травли, советские СМИ замалчивали особое положение евреев.

Таким образом, критика нацистского антисемитизма и антиеврейской политики Третьего рейха была одним из важных, но не главным направлением советской антифашистской пропаганды. Динамика и содержание этой критики определялась как этапами дискриминации и преследования евреев в гитлеровской Германии, так и потребностями пропагандистской поддержки советской внутренней и внешней политики. На информацию о положении немецких евреев, во всяком случае, до перемен в советской пропагандистской модели в 1937 г. оказывало огромное влияние видение исторического процесса как смены общественно-экономических формаций в результате классовой борьбы. Эти факторы обусловили пристальное внимание советской пропаганды к таким событиям, как апрельский бойкот 1933 г. и «имперская хрустальная ночь» 1938 г., и недооценку, граничащую с замалчиванием, других принципиально важных событий — принятия закона «О защите профессионального чиновничества» 1933 г. и Нюрнбергских законов 1935 г. С советской точки зрения, антисемитизм был имманентным капиталистической стадии общественного развития и совершенно чуждым социализму, гонители евреев в Третьем рейхе являлись преемниками царских погромщиков, а антисемитские эксцессы служили симптомами неизбежного скорого падения гитлеровского режима в результате внутренних потрясений. Классовый поход не исключал совпадения некоторых советских оценок с мнениями западных демократических стран: еврейские погромы рассматривались как инициатива партийно-государственной верхушки Германии, а массы немецкого населения считались чуждыми антисемитизму. Через периодическую печать, художественную и публицистическую литературу, театр и кинематограф советское население получало немало сведений о расовой идеологии нацизма, положении немецких евреев, отношении зарубежных стран к нацистскому антисемитизму. Сообщения советских СМИ о Холокосте в годы Великой Отечественной войны явились логическим продолжением довоенной критики антиеврейской идеологии и политики гитлеровской Германии.

Примечания

¹ Костырченко Г.В. Тайная политика Сталина: власть и антисемитизм. М., 2003. С. 180.

² Беркхофф К. «Поголовное уничтожение еврейского населения»: Холокост в советских СМИ (1941–1945) // Голокост і сучасність. 2010. № 1. С. 62.

- ³ Предвыборный террор в Германии // Правда. 1933. 24 февраля. С. 4.
- ⁴ *Изаков*. Еврейские погромы по программе или вне программы? // Правда. 1933. 4 марта. С. 1.
- ⁵ *Гартман*. Комдепутаты не допущены ни в рейхстаг, ни в прусский ландтаг // Правда. 1933. 13 марта. С. 4.
- ⁶ Еврейские погромы // Правда. 1933. 14 марта. С. 4.
- ⁷ Разгул фашистских штурмовиков // Правда. 1933. 16 марта. С. 4.
- ⁸ Фашистский террор в Германии // Правда. 1933. 23 марта. С. 4.
- ⁹ См., напр.: По стопам царских погромщиков // Правда. 1933. 30 марта. С. 4; Средневековье в фашистской оправе // Правда. 1933. 4 апреля. С. 1.
- ¹⁰ Фашистский террор в Германии // Правда. 1933. 5 апреля. С. 1.
- ¹¹ Закулисные причины отказа от бойкота // Правда. 1933. 7 апреля. С. 1.
- ¹² См.: Конституции буржуазных стран. Т. 1. Великие державы и западные соседи СССР. М., Л., 1935. С. 131–132.
- ¹³ *Зильберфарб И.* «Человеководство» на службе «тотальной войны» // Известия. 1938. 10 февраля. С. 2.
- ¹⁴ *Бухарцев Д.* Фашистское законодательство // Известия. 1935. 17 сентября. С. 4.
- ¹⁵ Джемс Макдональд о фашистском изуверстве // Известия. 1936. 9 января. С. 4.
- ¹⁶ *Вольф Ф.* «Желтое пятно» («Конец доктора Мамлока»). Пьеса в 3 актах. М., 1934.
- ¹⁷ Литературная энциклопедия: в 11 т. М., 1939. Т. 11. С. 687–688.
- ¹⁸ См.: *Корнев Н.* От Носке до Гитлера. М., 1934.; *Корнев Н.* Третья империя в лицах. М., 1937. С. 445–461.
- ¹⁹ *Кригер Е.* «Профессор Мамлок» // Известия. 1938. 21 сентября. С. 4.
- ²⁰ *Вольф Ф., Минкин А., Рапопорт Р.* Профессор Мамлок. Киносценарий. М., 1938.
- ²¹ *Дженкинс*. Разгул фашистских погромщиков // Известия. 1938. 11 ноября. С. 2.
- ²² Митинг советской интеллигенции в связи с изуверствами фашистских погромщиков в Германии // Известия. 1938. 28 ноября. С. 3.
- ²³ Зверства фашистских погромщиков вызывают глубокое возмущение у всей советской интеллигенции // Известия. 1938. 1 декабря. С. 2.
- ²⁴ Речь Гитлера в рейхстаге // Правда. 1939. 1 февраля. С. 5.
- ²⁵ *Костырченко Г.В.* Указ. соч. С. 182–183.
- ²⁶ Правда. 1939. 9 января. С. 6.
- ²⁷ *Такер Р.* Сталин. История и личность: Путь к власти. 1879–1929; У власти. 1928–1941. М., 2006. С. 819.
- ²⁸ *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 38. С. 242–243.
- ²⁹ См.: *Костырченко Г.В.* Указ. соч. С. 179–180; *Беркхофф К.* Указ. соч. С. 62.
- ³⁰ Речь тов. В.М. Молотова о новой Конституции // Известия. 1936. 30 ноября. С. 2–3.
- ³¹ XIII пленум Исполкома Коминтерна. Стенографический отчет. М., 1934. С. 589.

- ³² *Изаков*. Современные гунны // Правда. 1933. 3 апреля. С. 4.
- ³³ *Юр*. В стране расового изуверства // Известия. 1936. 17 июня. С. 2.
- ³⁴ *Бернар Л.* Фашистская Германия — очаг варварства и мракобесия. М., Л., 1936. С. 23–24.
- ³⁵ *Корнев Н.* Третья империя в лицах. С. 454–455.
- ³⁶ *Brooks J.* Thank You, Comrade Stalin: Soviet Public Culture from Revolution to Cold War. Princeton, New Jersey, 2000. P. 151.
- ³⁷ *Садуль Ж.* Антисемитское бешенство германских фашистов // Известия. 1938. 13 ноября. С. 2.
- ³⁸ Цит. по: *Беркхофф К.* Указ. соч. С. 73.
- ³⁹ Террор в Германии и Австрии // Правда. 1938. 2 июня. С. 5.
- ⁴⁰ *Белкин А.* Фашистские погромщики. Письмо из Берлина // Правда. 1938. 4 июля. С. 3.
- ⁴¹ *Нелидов М.* Погромы в «Третьей империи» // Учительская газета. 1938. 27 ноября. С. 4.
- ⁴² Фашистский террор в Германии // Правда. 1933. 25 марта. С. 4.
- ⁴³ По стопам царских погромщиков // Правда. 1933. 30 марта. С. 4.
- ⁴⁴ *Юр*. Указ. соч. С. 2.
- ⁴⁵ *Белкин А.* Указ. соч. С. 3.
- ⁴⁶ *Бернар Л.* Указ. соч. С. 10.
- ⁴⁷ *Белкин А.* Указ. соч. С. 3.
- ⁴⁸ См., напр.: *Петров Г. И.* Расовая теория на службе у фашизма. М., Л., 1934.
- ⁴⁹ *Шнейдерова Д.* Оздоровление человечества и фашизм // Известия. 1933. 22 октября. С. 4.
- ⁵⁰ *Эренбург И.* Размышления на германской границе // Известия. 1933. 27 сентября. С. 2.
- ⁵¹ «Энтузиасты» мракобесия // Правда. 1934. 11 мая. С. 5.
- ⁵² *Шаксель Ю.* Расовое учение, наука и пролетарский интернационализм // Известия. 1936. 18 июня. С. 2.
- ⁵³ *Шаксель Ю.* Расовая теория фашизма // Известия. 1934. 8 июля. С. 2.
- ⁵⁴ *Бернар Л.* Указ. соч. С. 10.
- ⁵⁵ *Юр*. Указ. соч. С. 2.
- ⁵⁶ Там же.
- ⁵⁷ 247 убийств только в одном Берлине // Правда. 1933. 11 апреля. С. 1.
- ⁵⁸ *Изаков*. Штурмовики зверствуют // Правда. 1933. 29 марта. С. 4.

Илья Альтман
(Москва)

**ТРАНЗИТ ЕВРЕЙСКИХ БЕЖЕНЦЕВ В ЯПОНИЮ
ЧЕРЕЗ ТЕРРИТОРИЮ СССР
В 1940—1941 гг.**

С осени 1940 г. несколько тысяч еврейских беженцев, преимущественно из Польши, проехали Транссибирским экспрессом от Москвы до Владивостока и далее пароходами в Японию. Большинство из них имели транзитные визы, выданные Тиуне (Семпо) Сугихарой (Сугиварой) — вице-консулом Японии в столице независимой Литвы Каунасе в 1939–1940 гг. Эти визы реально спасли жизнь потенциальным жертвам Холокоста, а Сугихара по праву получил звание Праведника народов мира.

Роль СССР в организации проезда беженцев, получивших японские въездные визы, еще не становилась предметом комплексного анализа¹. Ниже мы попытаемся осветить отношение советских властей к транзиту еврейских беженцев, опираясь не только на мемуары² и исследовательскую литературу, но, прежде всего, на недавно открытые документы Архива внешней политики Министерства иностранных дел России³.

Отправка еврейских беженцев в Японию через территорию СССР растянулась почти на 9 месяцев. Этот необычный транзит едва не привел к дипломатическому скандалу между двумя государствами накануне подписания ими в апреле 1941 г. Договора о нейтралитете. В принятие решений были вовлечены три члена Политбюро: глава правительства и нарком иностранных дел Вячеслав Молотов (в документах есть его резолюция), нарком внешней торговли Анастас Микоян (в его ведении находился «Интурист») и нарком путей сообщения Лазарь Каганович, который должен был обеспечить организацию перевозки беженцев, в том числе по железной дороге от Каунаса до Владивосто-

ка, и три заместителя наркома иностранных дел: Владимир Деканозов, Андрей Вышинский и Соломон Лозовский. Неоднократно упоминается в документах и руководитель Главного управления государственной безопасности НКВД (с февраля 1941 г. — нарком госбезопасности) Всеволод Меркулов.

По разным оценкам к началу 1940 г. в Литве оказалось от 14 до 20 тыс. еврейских беженцев из Польши. Литовские дипломаты в Москве в начале 1940 г. несколько раз ставили вопрос о транзитных визах для беженцев. Следует подчеркнуть, что в это время подмандатная Палестина, а не Япония фигурировала в переговорах как возможное направление транзита⁴.

Убедить Молотова весной 1940-го попытался его заместитель по наркомату иностранных дел В.Г. Деканозов. Как прежняя его должность (до мая 1939 г. он возглавлял внешнюю разведку НКВД), так и следующая (летом 40-го он стал советским наместником в Литве) играют важную роль для объяснения причин столь масштабного выезда беженцев из СССР.

Деканозов прежде всего напомнил Молотову, что специализированная советская организация по работе с иностранными туристами («Интурист») в декабре 1939 г. просила НКВД организовать транзит через СССР в Палестину около 3 тыс. евреев, «находящихся в Прибалтийских странах». Первый аргумент Деканозова был сугубо экономический — СССР могли получить от зарубежных еврейских организаций валюту на сумму 900 тыс. инвалютных рублей (180 тыс. долларов по официальному курсу в 0,2 руб.).

Как видно из документа, советская сторона имела довольно смутное представление о количестве беженцев. По словам Деканозова, после передачи Советским Союзом Литве с конца 1939 г. части Польши (имелся в виду Виленский край) число беженцев составило только в этой стране «около 3–5 тысяч». Он приводит данные «Интуриста», что в Латвии имеется еще несколько тысяч евреев, желающих проехать транзитом через СССР в Палестину. Транзит лоббировали литовский посланник в Москве Наткевичиус и верховный раввин Палестины (он ходатайствовал о проезде раввинов и студентов йешив). Деканозов тактично указывал, что и в этом случае все расходы будут компенсированы, а «английское правительство поддерживает это дело».

Как видим, весной 1940 г. речь шла только о беженцах с визами в Палестину. Маршрут через Дальний Восток в письме Деканозова не

фигурировал. Уже 22 апреля 1940 (т.е. ровно на следующий день после обращения Деканозова к Молотову) литовский премьер-министр объявил, что СССР согласился на транзит беженцев «в принципе». Однако, практические шаги по организации транзита весной 1940 г. носили локальный характер⁵.

Тема выезда через территорию Советского Союза стала особо актуальной для еврейских беженцев с середины июня 1940 г.: с началом советизации Литвы для многих из них пребывание здесь становилось опасным. Следует иметь в виду, что часть беженцев из Польши — активных деятелей различных политических партий и движений — сознательно стремились попасть осенью 1939 г. в Виленский край перед передачей его Литве, чтобы не оказаться в СССР. Теперь же у беженцев оставалось три опции: принять советское гражданство, возвратиться в германскую зону оккупации или отправиться в Сибирь. Единственный реальный шанс выйти за рамки этих трех малопривлекательных возможностей мог возникнуть только у обладателей транзитной визы.

Несомненно, именно резкое изменение политической ситуации и послужило основной причиной активизации попыток еврейских религиозных и политических деятелей покинуть Литву.

Выезд с транзитными визами Т. Сугихары стал реальностью в июле 1940 г., когда руководители организаций беженцев с помощью голландского консула добились возможности въезда на Суринам и Кюросао с разрешения местного губернатора и без специальной визы. Таким образом, у тех, кто не мог оставаться в СССР по политическим или религиозным мотивам, либо имел родственников в Северной Америке, появился шанс выехать из СССР (напомним, что с 4 августа 1940 г. Литва формально вступила в состав Советского Союза).

Уже в октябре–ноябре 1940 г. значительная часть еврейских беженцев получила разрешения на выезд. Возникает вопрос, какими мотивами руководствовалась советская сторона, организуя этот выезд еврейских беженцев в Японию?

Упомянутый выше экономический фактор оставался в силе. Каждый беженец платил за услуги «Интуриста» не менее 200 долларов. Именно еврейские беженцы были основными клиентами этой организации с осени 1939 и до начала Великой Отечественной войны. Гораздо менее очевидной, но не менее существенной в организации этого транзита была роль НКВД. Ведь транзит беженцев открывал для со-

ветских спецслужб заманчивые перспективы по внедрению своей агентуры по всему миру. НКВД был вовлечен в этот проект уже в силу специфических функций ведомства, всегда отслеживавшего перемещение иностранцев по территории Советского Союза. Так, уже в первых абзацах упомянутого выше письма Деканозова Молотову дважды дается ссылка на согласование вопроса с НКВД. В первом случае говорится, что в 1939 г. заместитель Наркома внутренних дел В. Меркулов предложил провезти беженцев по территории СССР «в специальных составах в сопровождении работников охраны» (явно чтобы свести до минимума контакт с местным населением). В какой-то мере с этими «техническими» вопросами могло быть связано то, что в апреле 1940-го НКВД вновь не возражал против транзита, о чем Деканозов сообщал в конце письма своему шефу⁶. И в последующих документах это ведомство, тесные связи с которым у Деканозова несомненно сохранялись, не раз упоминалось в ходе дипломатической переписки о беженцах.

Насколько версия по столь деликатному сюжету, как шпионаж, подтверждена документально? Как мы видели выше, подававшие на выезд заполняли подробные анкеты с указанием родственников как за границей, так и на советской территории. Наряду с намеками (а иногда и с прямыми угрозами), что выдача выездных документов зависит от подписки о сотрудничестве, мы встречаем в исследовательской литературе и у мемуаристов неоднократные прямые указания о вербовке в ходе собеседований по получению виз.

Одним из налаженных методов вербовки была попытка привлечь к сотрудничеству родственников репрессированных, находящихся в советских тюрьмах. Сын лидера польского Бунда Генриха Эрлиха Виктор (внук знаменитого историка Семена Дубнова, впоследствии профессор литературы в Йельском университете⁷) свидетельствовал, что перед выездом его вербовали сотрудники НКВД. Сведения о вербовке беженцев стали известны западным дипломатам уже осенью 1940 г. Так, посол США в Москве Лоуренс Штейнхард на основании собеседования с беженцами сделал вывод в письме в Государственный департамент от 9 января 1941 г., что от 10 до 20% рекомендованных на получение виз — агенты НКВД.⁸

Однако получением японской транзитной визы, визы на въезд в третью страну и разрешения на выезд из СССР эпопея беженцев не заканчивалась. Только через полгода после завершения миссии Суги-

хары на его родине начали принимать меры к сокращению числа эмигрантов, ссылаясь на ограничение въезда в третьи страны. Японские дипломаты в феврале 1941 г. начали интересоваться: нет ли среди эмигрантов людей с советскими паспортами, либо советских граждан и все ли они — евреи?

Между тем во Владивосток прибывали все новые поезда с беженцами, некоторые из которых имели фальшивые или неполные документы. Если советская сторона смотрела на это сквозь пальцы, то японцы предприняли решительные меры. Тем более что советская сторона размещала на кораблях большее число людей, чем позволяли требования безопасности — «Интурист» стремился сэкономить на проживании беженцев в своей переполненной гостинице во Владивостоке. 13 марта 1941 г. пароход «Амакуса-мару» прибыл в порт Кобе, где японские власти не разрешили высадиться на берег 74 пассажирам из 416 беженцев и приказали капитану судна отправить их обратно во Владивосток. При этом консулу во Владивостоке было дано указание впредь таких пассажиров не направлять в японские порты. Более того, капитан отказался принять для очередного рейса «группу эмигрантов 100 чел.» (очевидно, именно такое количество сверх нормы отправлял «Интурист»).

18-го марта пароход «Амакуса-мару» прибыл во Владивосток. Однако высадить на берег 74 беженца не удалось: «поскольку транзитные визы этих пассажиров были оформлены правильно и никаких основательных доводов к высадке их капитаном заявлено не было, соответствующие власти во Владивостоке не разрешили спустить их на берег»⁹.

О дальнейшем развитии событий нам сообщают как советские, так и японские источники. Действия советских властей, включая игнорирование элементарных норм безопасности, переполнили чашу терпения японцев. 26 марта представитель японского МИДа (Нарита) вызвал 1-го секретаря полпредства Г. Долбина и, выразив недовольство, заявил строгий протест по поводу того, что советские власти во Владивостоке отказались принять обратно 74 чел. беженцев. Представитель МИДа заявил, что с очередным пароходом во Владивосток будет возвращено еще 8 эмигрантов и просил не направлять их обратно в Японию. Нарита добавил, что впредь на японские пароходы будут допускаться только те эмигранты, которые на своих паспортах будут иметь особую отметку японского консула во Владивостоке.

Интересный аспект этой драматической истории отражен в справке НКВД, датированной 29 апреля 1941 г.: «По сообщению Дипагента во Владивостоке, 28 марта с.г., американский консул во Владивостоке также отказался выдавать въездные визы эмигрантам, указав, что выдача виз находится в компетенции американского посольства в Москве и американского консульства в Токио.

В связи с создавшимся положением в настоящее время, по сообщению «Интуриста» от 28 марта с. г. скопилось 135 чел. эмигрантов, которые ждут своей отправки в Японию. Из этого количества у 98 имеются японские транзитные визы (по сообщению Дипагента всего 166 чел., из которых 110 имеют японские визы, но не имеют визы третьих стран).

По данным Народного комиссара Государственной безопасности Меркулова только 85 чел. беженцев имели японские транзитные визы, 35 чел. не имели никаких виз и 13 чел. имели поддельные паспорта».

Ситуация требовала немедленно решения на самом высоком уровне. 28 марта 1941 г. нарком внешней торговли А.И. Микоян сообщил наркому иностранных В.М. Молотову, что 135 эмигрантов-евреев из Литвы не могут выехать из Владивостока. Как видно из Справки НКВД, вопрос решился только после советского демарша. 1 апреля Заведующий консульским отделом НКВД Зарубин в беседе с секретарем Японского Посольства Сумино заявил: «мы категорически настаиваем на том, чтобы все эмигранты, находящиеся в настоящее время во Владивостоке и имеющие транзитные визы японского консула, были вывезены в Японию на ближайшем пароходе».

9 апреля с.г. Дипагент НКВД во Владивостоке сообщил, что все эмигранты, имевшие японские визы, выехали в Японию. В городе оставалось 55 чел.¹⁰ Скорее всего, и им удалось покинуть СССР.

Думается, что решающим фактором в смягчении первоначальной позиции стало стремление японской стороны подписать с Советским Союзом Договор о нейтралитете (переговоры об этом велись как раз в разгар конфликта, и Договор был заключен 13 апреля 1941 г.). Свою роль сыграла и жесткая позиция СССР, последовательно добивавшегося выезда беженцев со своей территории. Таким образом, в истории Холокоста не повторилась история с пароходом «Сент-Луис», когда еврейские беженцы не были допущены на Кубу и в США и вынуждены были вернуться в Европу.

Важно подчеркнуть, что, независимо от мотивов действий советской стороны, разрешение на транзит спасло жизнь нескольким тысячам потенциальных жертв Холокоста на территории Литвы.

Примечания

¹ Любопытно, что уже одна из первых научных статей в Израиле, связанная с деятельностью Сугихары, затрагивала вопрос о роли советской стороны в проезде еврейских беженцев через Японию. Ее автор, профессор Дина Порат, сделала предположение, которое впоследствии доминировало в научной литературе — о финансовой заинтересованности Москвы в проезде беженцев. См.: *Porat D. Conditions and Reasons for the granting Soviet Transit visas to Refugees from Poland // Shvut, 1979. № 6. P. 66 (Порат Д. Условия и причины выдачи советских транзитных виз беженцам из Польши // Швут, 1979. № 6, иврит).*

² Особый интерес для нашей темы представляют воспоминания о взаимоотношении с беженцами представителей советских органов, способов их вербовки НКВД, обстоятельств выдачи виз и проезда по территории СССР. См., например, *Adler S. Against the stream. Jerusalem, 2001; Pollack H. My tree lives. Sydney, Duffy&Shellgrove, 2004; Bluman B. I have my mother's eyes. Vancouver, 2009.*

³ Архив внешней политики России МИД РФ (далее АВП МИД РФ). Ф. 0146. Оп. 24. п. 75. — Д. 2.

⁴ См.: *Warhaftig Z. Refugee and Survivor. Rescue efforts during the Holocaust. Jerusalem: Yad Vashem, 1988. P. 81.* Автор — один из организаторов выезда беженцев из Литвы, активный участник переговоров с советскими дипломатами.

⁵ *Ibid.* P. 88. По словам З. Варгафтика, у беженцев не было возможности получить подтверждение этой информации от советской стороны.

⁶ АВП МИД РФ. Ф. 012. Оп. 2. п. 9. Д. 96. Л. 114–115.

⁷ Семья бежала из Варшавы 7 сентября 1939 в Пинск. Г. Эрлих был арестован НКВД как лидер Бунда 1 октября 1939 г., после чего его жена и двое сыновей перебрались в Вильно. Они успели весной 1940-го встретиться там с дедушкой, но С. Дубнов вернулся в Латвию, где и погиб в декабре 1941 г. в Рижском гетто (Левин, С. 146–147; *Дубнова-Эрлих С. Хлеб и маца. / Воспоминания; Стихи разных лет. — С.-Петербург: Максима, 1994. С. 6).*

⁸ *Sakamoto Rotner P. The policy of Japanese Ministry of FA toward Jewish refugees. Medford, 1996. P. 303–304*

⁹ АВП МИД РФ Ф. 0146. Оп. 24. П. 227. Д. 46. Л. 86.

¹⁰ АВП МИД РФ Ф. 0146. Оп. 24. П. 227. Д. 46. Л. 88–89. Подробнее см.: *Альтман И.А. Жертвы ненависти. Холокост в СССР (1941–1945). М.: Совершенно секретно, 2002. С. 381–382.*

Борис Ковалев
(Великий Новгород)

**ИСПАНСКАЯ ГОЛУБАЯ ДИВИЗИЯ
И ЕВРЕЙСКОЕ НАСЕЛЕНИЕ НА СЕВЕРО-ЗАПАДЕ СССР
(1941–1944)**

В истории Второй мировой войны, в истории Холокоста испанская Голубая дивизия — это даже не страница, а небольшой абзац. Однако в последнее время особый интерес исследователей стали привлекать материалы, связанные с позицией союзников III Рейха по «окончательному решению еврейского вопроса».

Франсиско Франко, придя к власти в Испании после гражданской войны 1936–1939 гг., считал евреев, масонов и коммунистов потенциальными врагами Испании. Однако именно через Испанию проходил маршрут, по которому бежали европейские евреи из стран, оккупированных нацистской Германией.

Руководство III Рейха оказывало большое влияние на испанскую политику и экономику, а также на средства массовой информации. Как только началась Вторая мировая война, отношения между нацистской верхушкой, с одной стороны, и Франко и его министрами — с другой, были очень близкими, и новая Германия, чья империя должна была просуществовать тысячу лет, относилась с наивысшим благоволением к испанскому каудильо.

В июне 1941 г. с началом войны нацистской Германии против Советского Союза министерство пропаганды III Рейха объявило о начале «Крестового похода народов Европы против большевизма». В боевых действиях против СССР приняли участие союзные вермахту вооруженные силы Финляндии, Румынии, Италии, Словакии и Венгрии. Кроме этого, во многих европейских странах существовали различные профашистские партии и движения, такие как DNSAP в Дании, VNV в Бельгии, NS в Норвегии, NSB в Нидерландах, фаланга в Испании.

Нацисты рассчитывали на то, что все эти организации будут строго следовать курсом нацистской партии, в том числе и в ее антисемитской политике.

Пытаясь представить события на Восточном фронте как противостояние добра и зла, цивилизации и варварства, горячий сторонник призыва в армию добровольцев из числа родственных немцам народов, Генрих Гиммлер способствовал созданию иностранных легионов в составе СС. Поскольку волонтеры не могли сыграть сколь либо серьезной военной роли в советско-германском противостоянии, они использовались в первую очередь для подтверждения слов Гитлера о начале строительства Новой Европы без евреев и коммунистов.

Большинство этих подразделений были задействованы на относительно стабильном участке советско-германского фронта — Волховском¹.

Особое место среди них занимала испанская Голубая дивизия. Руководство Испании с большим воодушевлением восприняло известие о нападении Германии на СССР. Уже 22 июня 1941 г. испанский министр иностранных дел Серрано Суньер сообщил германскому послу в Мадриде Штореру, что «...испанское правительство выражает глубочайшее удовлетворение в связи с началом борьбы против большевистской России». Суньер обратился к германскому правительству с просьбой дать возможность добровольцам из числа членов фаланги принять участие в борьбе против общего врага. 24 июня министр иностранных дел Германии Риббентроп известил своего представителя в Мадриде о том, что «Германское правительство с радостью и удовлетворением примет формирования добровольцев фаланги»².

В тот же день Суньер публично обратился к членам фаланги с призывом поднимать добровольцев на войну против СССР. Франсиско Франко провозгласил «крестовый поход против жидо-масонов, коммунистов и гомосексуалистов»³.

Немцы рассчитывали на то, что политика Суньера неизбежно приведет Испанию к войне на стороне III Рейха. Но генерал Франко отлично осознавал, что его страна еще не оправилась после гражданской войны, а испанское общество весьма нестабильно в своих политических пристрастиях: ведь гражданская война закончилась в Испании всего за несколько месяцев до начала Второй мировой войны. В этих условиях он решил ограничиться лишь посылкой относительно небольшого контингента добровольцев на Восточный фронт, из которых

была сформирована так называемая Голубая дивизия (по цвету фалангистской униформы). Возглавил ее очень популярный в испанской армии генерал Муньос Грандес.

Испанские солдаты получили обмундирование, которое отличалось от обычной немецкой пехотной формы только особым нарукавным знаком выше локтя. На знаке дивизии специалисты по нацистской геральдике изобразили щит с черной каймой. Середину щита пересекала горизонтальная желтая полоса на красном фоне с четырехконечным черным крестом и пятью перекрещивающимися стрелами, брошенными веером наконечниками вверх, на ней. Замысловатое сооружение венчала надпись «Испания». Отныне соединение стало называться 250-й пехотной дивизией Вермахта. Однако даже в официальных документах она надолго сохранила свое первоначальное название «Голубая», хотя никто из ее участников уже не носил голубых рубашек и красных беретов.

Большинство испанцев были уверены, что они пришли в Россию освобождать русских, а не поработать, и впоследствии очень сокрушались, что русские этого не понимали. Солдаты Голубой дивизии, имевшие свежий опыт гражданской войны, сознавали, что в России есть и большевики, и их противники. Недаром своих врагов на фронте они называли не «русские», а «красные»⁴.

После войны немалое количество «Dvisionario» (ветеранов Голубой дивизии) стали писать воспоминания о своем пребывании в России. Но в этих книгах практически нет никакой информации о положении еврейского населения на оккупированной немцами территории. Общий лейтмотив их рассуждений по этому вопросу следующий: «Мы, простые солдаты, большую часть времени находились на передовой или в больницах. О том, что происходило в лагерях смерти, мы не знали. Тем более, тогда 99% населения Германии ничего не знало об этом до самого конца войны, разве кроме того, что нацистский режим не терпел евреев»⁵.

Как заявил в интервью российским журналистам ветеран дивизии Анхел Саламанка: «я могу заверить вас, как католик и христианин, у моих однополчан не было малейшего намека на антисемитизм. Существует свидетельство того, что испанцы выступали против поведения немецких солдат по отношению к гражданским лицам, в частности, к евреям. Испанцы не могли терпеть унижения женщин, детей, пожилых людей или беспомощных инвалидов»⁶.

Следует отметить, что на тех участках советско-германского фронта, где была дислоцирована Голубая дивизия (район Новгорода, а затем Павловска, под Ленинградом) еврейскому населению удалось в основном эвакуироваться. Те, кто по каким-либо причинам остался, были уничтожены гитлеровцами еще до прихода испанцев.

Однако трудно предположить, что, активно общаясь с местным населением, испанцы ничего не слышали об убийстве евреев, осуществленном нацистами и их пособниками из местного населения. Тем более что в ходе пешего перехода по территории Польши, Литвы и Белоруссии испанские солдаты могли в полном объеме постичь реалии нацистской национальной политики.

Испанский журналист Мигель Бас приводит следующий факт: «когда дивизия только двигалась к Советскому Союзу, на территории Польши группа бойцов ушла в самоволку. Естественно, они переоделись в штатское для этого. И они были схвачены, поскольку все были чернявые, их сочли за евреев...»⁷. После этого между испанцами и немцами произошло вооруженное столкновение, потому что попавших в беду товарищей испанцы выручали с перестрелкой.

Эта ситуация, когда немцы принимали испанцев за евреев, повторялась и позже. За время нахождения Голубой дивизии на Северо-Западе России с 1941 по 1943 год испанцы неоднократно арестовывались немцами, так как последние видели в них скрывающихся евреев.

В испанской литературе отрицаются факты уничтожения еврейского населения на территории СССР испанскими военнослужащими. Это объясняется тем, что испанцы были «фалангистами, карлистскими идеалистами (монархистами), авантюристами. Они не собирались воевать против какой-то расы, этнической группы. Их врагом был коммунизм, который принес их Родине страдания гражданской войны»⁸.

У немцев сложилось вполне определенное представление об испанских солдатах. Гитлеровцы относились к своим союзникам с нескрываемым презрением. По мнению немецких военнослужащих, в Голубой дивизии каждый солдат воевал с гитарой в одной руке и с винтовкой в другой: гитара мешала стрелять, а винтовка — играть. 5 января 1942 года во время очередной «застольной беседы» в кругу своих единомышленников Адольф Гитлер язвительно заметил: «Нашим солдатам испанцы представляются бандой бездельников. Они рассматривают винтовку как инструмент, не подлежащий чистке ни при каких обстоятельствах. Часовые у них существуют только в принципе. Они не

выходят на посты, а если и появляются там, то только чтобы поспать. Когда русские начинают наступление, местным жителям приходится будить их»⁹.

23 октября 1941 г. командование группы армий «Север» получило из Берлина совершенно секретный документ под заголовком «Следствием введения испанской дивизии на территорию России явились следующие беспорядки». Испанцев обвиняли в отсутствии дисциплины, несдержанности во взаимоотношениях с женщинами, излишнем уважении к православию. Под пунктом 7 значилось следующее: «В целом позиция испанской дивизии в еврейском вопросе, а также в вопросе отношения к представителями других национальностей, в частности, народов вражеских государств, расходится с позицией немцев. Это нередко приводит к разногласиям»¹⁰.

Выстраивая свои отношения с местным населением, испанцы шли с ним на более тесный контакт, чем немцы. Так, известная коллаборационистка Лидия Осипова, работавшая в 1942 г. в прачечной Голубой дивизии, в своем дневнике так отзывалась про них: «Испанцы разрушили все наши представления о них, как о народе гордом, красивом, благородном и пр. Никаких опер. Маленькие, вертлявые, как обезьяны, грязные и воровливые, как цыгане. Но очень добродушны, добры и искренни. Все немецкие «кралечки» немедленно перекинулись от немцев к испанцам. И испанцы тоже проявляют большую нежность и привязанность к русским девушкам. Между ними и немцами ненависть, которая теперь еще подогревается соперничеством у женщин»¹¹.

В 1944 г., после освобождения Павловска члены ЧГК установили, что: «Согласно заявлениям очевидцев, немецкими захватчиками в 1941-ом году было расстреляно две группы мирных граждан города Павловска из числа евреев, одна из которых численностью в 16 человек и вторая численностью в 25 человек, а всего 41 человек»¹².

В актах ЧГК отмечается, что: «В первые дни своего хозяйничанья в городе Павловске немецкие власти примерно в последних числах сентября и начале октября месяцев 1941 г. провели всеобщую регистрацию населения города, после которой приступили к массовому уничтожению мирных граждан еврейской национальности.

Так в октябре месяце под конвоем немецких солдат с ул. Красных Зорь по ул. Революции мимо моего дома днем была проведена группа евреев в 25 человек.

Многим жителям города было известно о том, что их ведут именно на расстрел, так как немцы об этом не скрывали, а наоборот приказывали мирным гражданам прибыть к месту расстрела евреев, хотя туда никто не явился»¹³.

Таким образом, можно отметить, что когда испанские военнослужащие появились в Павловске (август 1942 года), все евреи этого города были уже уничтожены гитлеровцами и их пособниками. Но, активно общаясь с местным населением, они не могли не знать об этом.

Один из крупнейших испанских исследователей истории Голубой дивизии Карлос Кабальеро Хурадо отмечает, что «в Польше, Литве, а затем на территории Советского Союза солдаты Голубой дивизии встретились с представителями другой группой людей — это евреи. В Испании существовала культурная традиция антисемитизма, которая имела исторические корни, но после изгнания католическими королями евреев в Испании их осталось очень мало»¹⁴.

Многие испанские историки считают, что «Почти для всех испанских добровольцев это был первый раз, когда они видели еврея. Они понимали, что это еврей, так как немцы заставляли их носить звезду Давида на одежде.

Испанцы, таким образом, не были ни свидетелями убийств, ни свидетелями массовых депортаций евреев, но они были свидетелями дискриминаций и варварского отношения к еврейскому населению. Идеологией нацизма был, в том числе, и антисемитизм. При этом абсолютное большинство испанских добровольцев было шокировано этим, их возмущало поведение немцев»¹⁵.

Дионисио Ридруэхо Хименес, испанский поэт и политик, вступил в Испанскую фалангу в 1933 году. Был активным сотрудником Х.А. Примо де Риверы, одним из авторов гимна фаланги. В гражданскую войну сражался на стороне Франко. Занимал ряд должностей в Национальном правительстве. В Голубую дивизию вступил добровольцем, исполняя там также и должность корреспондента фалангистской прессы, но по возвращении в Испанию в 1942 г. отказался от всех должностей и порвал с фалангой¹⁶.

В 1941–1942 гг. на оккупированной гитлеровцами территории он вел дневник. Широкому кругу читателей этот письменный источник стал доступен уже после смерти автора — в 1978 году, когда он был издан.

Ридруэхо писал в своем «Дневнике»: «15 сентября. Нас почти не отталкивают евреи. Но мы не можем не чувствовать себя солидарны-

ми с этими людьми. У меня есть некоторые данные об их преследовании, и то, что мы видим — на это страшно смотреть...

Во время нашего участия в войне на стороне надежды всех антибольшевистских сил — Германии, такое отношение к евреям очень сложно для понимания. Мне известно, что в Гродно, в Вильно и в некоторых других местах между нашими и немецкими солдатами имелись ссоры и стычки из-за евреев и поляков, особенно из-за детей и женщин, становящихся объектом какой-нибудь грубости. И такое поведение испанцев меня радует»¹⁷.

Вот как резюмирует Ридруэхо свое отношение к немецкому решению «еврейского вопроса»: «...Нас — уже не только меня — нас поражает, нас скандализирует, оскорбляет наши чувства эта способность развития жестокости, холодной, методичной, безличной, с которой проводится в действие этот предварительный план «с лица земли»... Я имею только неясные данные по поводу методов преследования, но по тому, что мы видим, это чрезмерно»¹⁸.

Путь Ридруэхо к неприятию нацизма начинается тогда, когда он, в общем-то идеалист, писал в своем дневнике о том, что «Мы полностью признаем справедливыми революционные антикапиталистические претензии. Но не является необходимым жертвовать ни ради этой революции, ни ради других ценностей, теми постулатами, которые мы воспринимаем как самые главные: Евангелие Христа, вера в бессмертие души, чувство чести, право на собственную и свободную жизнь... Разгром коммунизма, который не уважает этого, необходим»¹⁹.

Один из самых известных фалангистов, столкнувшись с бездушным уничтожением людей исключительно по национальному признаку, пришел к следующему: «Никакое Государство, никакая Идея, никакая Мечта о будущем, каким бы благородством, красотой или усилиями они ни украшались,... не может иметь эту власть безразличия перед деликатным и огромным делом власти над человеческими жизнями, без серьезнейшего повреждения себя»²⁰.

Для Ридруэхо, участника гражданской войны в Испании на стороне Франко, нацистская Германия изначально рассматривалась как потенциальный союзник. Так же он воспринимал и нацистскую идеологию: как идеологию, родственную идеям фаланги. Однако размышляя над реалиями войны в России, он приходит к следующему: «Германский национализм есть закрытый и ничтожный, его идеалы неудовлетворительны, его дух чрезмерно включен в обстановку того, что мы называ-

ем «современным миром», экономизмом, «расовой политикой» и всем подобным»²¹.

Как пишет Карлос Кабальеро Хурадо: «Несмотря на то что было достаточно большое количество членов Голубой дивизии, которые видели жестокости гражданской войны в Испании: расстрелянных, лежавших в канавах, следствие «пасеос» (казнь без суда и следствия), преследование евреев их очень сильно травмировало»²².

Сталкивались испанцы с проявлениями антиеврейской политики нацистов и в других регионах, в частности в Риге, где располагался крупный госпиталь, в котором проходили лечение солдаты Голубой дивизии.

Когда немецкая армия захватила Ригу 1 июля 1941 г., в ней находилось 35–37 тыс. евреев. Уже в июле нацисты с помощью местных коллаборационистов убили около 5 тыс. еврейских мужчин, после чего, с 25 августа 1941 г., 30–32 тыс. евреев, в основном женщины, были заключены в гетто.

Испанцы встречались с евреями не только в самом госпитале, для обслуживания которого привлекались узники гетто, но и во время своих прогулок по городу, в том числе сознательно игнорируя знаки «еврейский район». Они свободно вступали в общение с местными жителями, мотивируя это тем, что для них нет никакой разницы между евреями, поляками и немцами.

Ветеран Хуан Серрано-Маннара вспоминал о том, что в Риге он встречался с латышскими и польскими женщинами, а также с еврейками. Последние спасались им (по его словам) от голодной смерти, так как после интимной близости он давал им немного еды²³.

Но были среди испанских солдат люди, которые с риском для жизни попытались помочь несчастным узникам. Доктор Маргер Вестерманис (бывший узник гетто, куратор музея «Евреи в Латвии») в переписке с автором этой статьи сообщил: «Можно с уверенностью сказать, что документальных сведений о контактах узников Рижского гетто с солдатами Голубой дивизии нет. Так что я могу пересказать только то, что я сам (1925 года рождения) слышал, будучи заключенным Рижского гетто.

Организация подполья в Риге началась в первые месяцы 1942 г. в «малом гетто», где находилось 4 тыс. мужчин, уцелевших после акции истребления в конце ноября 1941 г. Инициаторами стали бывшие активисты компартии во главе с Менделем Вольфовичем, затем к ним

присоединились члены молодежных сионистских движений. Подпольщики намеревались организовать вооруженное сопротивление в случае ликвидации гетто, а также вывести членов подполья в леса после установления связи с партизанами.

Одновременно подполье искало связь с просоветскими группами вне гетто. В основном это были небольшие группы русских, живших на окраинах Риги, и беглых советских военнопленных, которые нашли убежище у русских горожан. Летом 1942 г. в гетто дошли обнадеживающие известия о деятельности партизан на востоке Латвии, что усилило стремление подпольщиков бежать в леса²⁴.

Зимой 1941 и весной 1942 г. в кругах еврейской молодежи, связанной с группой сопротивления в гетто, много говорили о контактах с ранеными испанцами в военном госпитале Голубой дивизии (Латгалес 122/124, бывшая еврейская больница «Биккур-Холим»), где на транспортных работах была занята еврейская команда из гетто.

Контакты были не с ранеными, а с выздоравливающими солдатами, которые готовились к отъезду в отпуск в Испанию. Некоторые из рядовых испанцев говорили на ломаном русском. Они рассказывали, что во время гражданской войны воевали на стороне республиканцев, где якобы были прикомандированы к советским военным советникам.

В Голубой дивизии они, по их заверениям, оказались не добровольно, а по принуждению, чтобы «кровью искупить» свои прежние политические грехи. По слухам, которые циркулировали в Рижском гетто, эти отпускники предлагали отдельным молодым еврейским парням из работавшей в госпитале команды взять тех с собой под видом контуженых.

По очень неясным слухам некоторые евреи пошли на этот риск, но, как говорили потом другие испанцы, вернувшиеся из отпуска, якобы были задержаны на франко-испанской границе немецкими гестаповцами²⁵.

В книге Давида Зильбермана даже упоминаются фамилии тех смельчаков, которые рискнули связаться с испанцами: «Еще в гетто я часто слышал, как ребята жаловались, что легче, пожалуй, пробраться в какую-нибудь не оккупированную немцами страну, вроде Испании, Швеции или на юг Франции, чем найти убежище в самой Риге. Много было отчаянных до безумия попыток побега из Рижского гетто, но в большинстве они закончились провалом.

Юрист Борис Каплан со своим товарищем, например, почти добрались до Испании, но их задержали на франко-испанской границе, и впоследствии они оба погибли»²⁶.

По сути своей, все сведения об этом восходят к воспоминаниям Макса Кауфмана (1947 г.), который писал следующее: «Появилась и вторая, так называемая испанская группа, в которую входили Боря Каплан (юрист) и еще два человека. Они работали в отряде «Квартирамт» и познакомились там с испанским офицером из Голубой дивизии. Он пообещал им вывезти их в Испанию. Люди достигли испанской границы, где при обмене денег были схвачены гестапо и переправлены в рижскую тюрьму»²⁷.

Можно предположить, что доверие к этим испанским солдатам у рижских евреев было не только неким актом отчаяния. Во многом это было связано и с тем, что отношения между испанцами и латышами (особенно легионерами) складывались из рук вон плохо. Латыши считали испанцев бездельниками и ловеласами, которые развлекаются в Риге, пока латыши проливают кровь на фронтах борьбы с «жидо-большевизмом».

Так в рижском трамвае произошла драка между испанским офицером и латышом. Они не поделили место. В газете «Тевия» была опубликована статья об испанце-насильнике, который ночью подкарауливает женщин и насилует их²⁸.

Особый интерес представляет деятельность средств массовой информации. Следует отметить, что на страницах дивизионной газеты «Ноја де Самраја» («Полевой листок») в 1941–1942 г. практически отсутствует антисемитская пропаганда (в отличие от антикоммунистической и антианглийской). Со второй половины 1943 г. она постепенно начинает появляться. Так, 26 сентября 1943 г. была опубликована небольшая карикатура «Еврейское образование», изображавшая разговор учителя с учеником: «Вы знаете, Мойша, Иегова наш Бог, а пророк его — Сталин»²⁹. 17 октября в этой газете публикуется материал «Сталин и его тень». На рисунке к статье профиль Сталина отражает зловещий силуэт сатаны, на котором сделана надпись «Иудаизм»³⁰.

Это были последние недели нахождения Голубой дивизии на Восточном фронте. 20 октября 1943 г. Франко принял решение о ее выводе из России и расформировании данного воинского соединения. Испанский каудильо перестал верить в победу Гитлера и стал делать определенные шаги, направленные на сближение с западными демократиями — Великобританией и США.

Немцы, не желая терять потенциальных солдат, открыли широкую пропаганду относительно вступления добровольцев в Легион испан-

ских добровольцев, находившийся, в отличие от Голубой дивизии, исключительно под немецким командованием. В этих условиях количество антисемитской пропаганды резко возросло. Карикатур становится гораздо больше. Иногда они занимают до половины газетной полосы. Визуальное изображение подкрепляется текстовым материалом. Его смысл: евреи — это коммунисты. Коммунисты — это смерть Испании и всего цивилизованного мира. Так, 21 ноября 1943 г. публикуется большой материал «Коммунистическое материалистическое толкование жизни: хозяева международного большевизма»³¹. На карикатуре за Сталиным, под ногами которого валяются трупы, изображены гротескные еврейские лица, как капиталистического, так и коммунистического вида.

15 декабря 1943 г. «*Noja de Camraña*» публикует большую карикатуру с элементами антисемитизма «Против трех своих врагов» (воюют испанцы — *Б.К.*)³². Под этими врагами авторы газеты подразумевали большевизм, еврейство и масонов.

Пик антисемитской пропаганды пришелся на последние номера «*Noja de Camraña*» (она выходила до 18 марта 1944 г., как печатный орган Легиона испанских добровольцев). 27 января 1944 г. на всю полосу газеты был опубликован материал «Два фронта Голубого легиона! Один враг с двумя лицами!»³³. На большом рисунке к двум небольшим текстам с названиями «Ложь» и «Ненависть» солдаты Голубого легиона били и убивали евреев-красноармейцев и евреев-буржуа. Этим двум враждебным Испании силам оказывал поддержку представитель мирового кагала.

Наиболее фанатично настроенные члены легиона влились в ряды СС. Они сражались на стороне Гитлера вплоть до весны 1945 г. под Нарвой, в Румынии, в уже почти поверженном Берлине. Некоторые из них приняли гражданство III Рейха.

В условиях перелома в войне Франко, отлично знавший о положении еврейского населения на подконтрольной гитлеровцам территории, решил сделать несколько незначительных шагов, чтобы после войны продемонстрировать их результат западным демократиям.

В разгар боевых действий некоторые испанские дипломаты, испытывая ужас от происходящего, действовали самостоятельно вопреки инструкциям из Мадрида. Подделывая документы, им удавалось спасти сотни людей. Все они посредством секретных телеграмм информировали Мадрид о геноциде, а двое из них, Анхель Санс Брис из Бу-

дапешта (Венгрия) и Хулио Паленсия из испанского посольства в Софии (Болгария), были откровенны в своих сообщениях.

Хулио Паленсия написал несколько писем министру иностранных дел: «...если ваше высочество сочтет достойным принять во внимание мое предложение... позволить мне некоторую гибкость в выдаче виз...

Евреи стали жертвами настолько жестокого и кровавого преследования, что даже самый взвешенный и холодный человек ужаснется при виде всей несправедливости и кошмара, которая осуществляется местными органами власти...»³⁴ — такова выдержка из письма испанского дипломата от 14 сентября 1942 г.

Когда же министр не разрешил Паленсии выдавать визы, тот в отчаянии от бессилия усыновил двух молодых евреев ради спасения их от верной смерти³⁵.

Однако вся информация о нацистской политике в отношении евреев внимательно учитывалась Мадридом. Когда мировая война изменила ход своего развития, Германия стала терпеть поражение, а союзники все более жестко стали оказывать давление на Франко, последний присвоил себе все героические действия этих дипломатов, чтобы добиться расположения победителей.

Своеобразной реакцией на иное соотношение внешнеполитического «баланса сил» были все возрастающие нападки представителей высшей церковной иерархии Испании на нацизм и идеологию тоталитаризма. Отношение к германским нацистам у высших прелатов испанской церкви было весьма сложное. Гитлер способствовал победе Франко, которому церковь была многим обязана: Франко отменил антиклерикальное законодательство периода Республики, восстановил религиозное обучение в школах и положение 1851 г. о пенсиях служащим культа, вернул церкви ее собственность и т.д.³⁶

Им было очень хорошо известно резко отрицательное отношение к католицизму Гитлера и вслед за ним многих руководителей германского рейха. Испанским религиозным деятелям были также известны заявления Гитлера, сделанные Суньеру, что «он, в общем, не вмешивается в дела церкви, но требует, однако, чтобы церковь в свою очередь не пыталась вторгаться в сферу государственной власти»³⁷.

Но до поры до времени католические прелаты считали нужным сдерживать свою недоброжелательность к немцам, имея в виду общую направленность испанской внешней политики. С конца лета 1942 г. они, напротив, неоднократно демонстрировали свое негативное отно-

шение к тем или иным аспектам нацистской политики и идеологии. Незадолго до отставки Суньера новый примас испанской церкви архиепископ Толедо Пла-и-Даниэль в беседе с американским послом сетовал на то, что при Суньере и его приближенном Хосе де Луна нацистское влияние привело к сильному распространению расизма³⁸.

Как уже отмечалось, в разное время Франко и его ближайшее окружение выступали против евреев в той же мере, как и против масонов, либералов и коммунистов, но лишь как против иноверцев. Фаланга пыталась привить антисемитизм расистского толка, что, по мнению того же Пла-и-Даниэля, было совершенно чуждо испанскому народу.

Пытаясь заслужить благоволение церкви, фалангистская пропаганда даже создала миф о Гитлере как о «великом католике», что вызвало гнев и возмущение у иерархов католической церкви. Франко держался несколько в стороне, не вмешиваясь в распри церкви и фаланги. Но в конце сентября 1942 г. с разрешения архиепископа Толедо в его официальном бюллетене была опубликована большая статья, подготовленная кардиналом Сегурой. В ней решительно осуждалась переведенная на испанский язык нацистская книга, излагающая доктрины расизма, принудительной стерилизации «неполноценных» народов и т.д.³⁹ В данном случае национализм и религиозный фанатизм испанского духовенства не был готов принять идеи геноцида какой-либо категории населения по национальному или физическому признаку.

В Голубой дивизии военные капелланы исполняли в том числе и функции своего рода политработников. В своих проповедях они затрагивали общехристианские ценности. Им было достаточно легко критиковать реалии Советского Союза, коммунистические идеи. Но объяснить необходимость уничтожения людей по национальному признаку они своей пастве не могли и, скорее всего, не хотели.

Наивно считать, что Франсиско Франко хотел спасти евреев, так как он, по мнению некоторых авторов, являлся сефардом⁴⁰. Даже если это и соответствует действительности, то изгнание евреев из Испании произошло ровно за 400 лет до его рождения. За это время его предки, как и он сам, стали убежденными католиками и националистами.

Как диктатор страны, ослабленной гражданской войной, он максимально стремился укрепить свою власть. Официально Испания так и не вступила во Вторую мировую войну. Голубая дивизия стала неким шагом, которым Франко обозначил своих потенциальных союз-

ников и друзей. Но после перелома в войне он стал искать новые пути развития Испании, делать ставку на сближение с США и Великобританией.

В большинстве своем добровольцы Голубой дивизии испытывали чувство брезгливости, наблюдая реалии «окончательного решения еврейского вопроса». Но говорить о том, что это вело к какому-то серьезному конфликту с немцами, не приходится. Испанцы на протяжении более двух лет занимали свой участок Восточного фронта, воюя с Красной армией. Они были на той стороне, которая и осуществила Холокост европейского еврейства.

Примечания

- ¹ См. Уильямсон Г. СС — инструмент террора. Смоленск, 1999.
- ² Цит. по: Крестовый поход на Россию. М., 2005. С. 333.
- ³ Цена победы. «Голубая дивизия» и другие испанцы. Эфир 16.08.2010 // <http://www.echo.msk.ru/programs/victory/703276-echo/#element-text> Дата обращения 30.01.2013
- ⁴ Рудинский В. С испанцами на Ленинградском фронте. // <http://www.pavlovsk-spb.ru/okkupanty/313-v...kom-fronte.html> Дата обращения 16.12.2012.
- ⁵ Из интервью Саламанка Анхела Хулио, 16 мая 2005 г.
- ⁶ Там же.
- ⁷ Цена победы. «Голубая дивизия» и другие испанцы. Эфир 16.08.2010 // <http://www.echo.msk.ru/programs/victory/703276-echo/#element-text> Дата обращения 30.01.2013.
- ⁸ Caballero Jurado C. Atlas ilustrado de la Division Azul. Madrid, 2012. P. 89.
- ⁹ Тревор-Понер Х. Застольные беседы Гитлера. М., 2004. С. 188.
- ¹⁰ Bundesarchiv-Militararchiv, RH 19 III, 774. S. 20–21.
- ¹¹ «Свершилось. Пришли немцы!» Идеиный коллаборационизм в СССР в период Великой Отечественной войны. М., 2012. С. 139.
- ¹² Центральный государственный архив г. С.-Петербурга, Ф. 9421. Оп. 1. Д. 195. Л. 35.
- ¹³ Там же, Л. 45.
- ¹⁴ Caballero Jurado C. Atlas ilustrado de la Division Azul. P. 89.
- ¹⁵ Там же.
- ¹⁶ Елпатьевский А.В. Участник «Голубой дивизии» о России. // Вестник архивиста. 1995, № 6, С. 77.
- ¹⁷ Caballero Jurado C. Atlas ilustrado de la Division Azul. P. 89.
- ¹⁸ Елпатьевский А.В. Участник «Голубой дивизии» о России. // Вестник архивиста. 1995, № 6, С. 80.
- ¹⁹ Там же. С. 78.
- ²⁰ Там же. С. 80.

- ²¹ Там же.
- ²² *Caballero Jurado C.* Atlas ilustrado de la Division Azul. P. 89.
- ²³ <http://memoriablau.foros.ws/t1475/divisionario-juan-serrano-mannara-y-ramirez-de-verges/45/> Дата обращения 26.01.13.
- ²⁴ *Арад И.* Они сражались за Родину. Евреи Советского Союза в Великой Отечественной войне. Иерусалим–Москва, 2011. С. 274.
- ²⁵ Из переписки автора с доктором Маргером Вестерманисом.
- ²⁶ *Зильберман Д.* И ты это видел. Москва–Рига–Нью-Йорк, 2012. С. 228.
- ²⁷ *Кауфман М.* Хурбн Летланд: Уничтожение евреев в Латвии. Рига, 2012. С. 145.
- ²⁸ Из переписки автора с доктором Маргером Вестерманисом.
- ²⁹ Hoja de Campaña. 26.09.1943.
- ³⁰ Hoja de Campaña. 17.10.1943.
- ³¹ Hoja de Campaña. 21.11.1943.
- ³² Hoja de Campaña. 15.12.1943.
- ³³ Hoja de Campaña. 27.01.1944.
- ³⁴ *de Pozuelo E.M.* Franco y el exterminio nazi // *Lavanguardia*, 21.09.2012. <http://www.lavanguardia.com/magazine/20120921/54350575139/franco-y-el-exterminio-nazi.html> Дата обращения 26.01.13.
- ³⁵ Там же.
- ³⁶ *Пожарская С.П.* Тайная дипломатия Мадрида. Внешняя политика Испании в годы второй мировой войны. М., 1971. С. 172.
- ³⁷ Там же.
- ³⁸ Там же.
- ³⁹ Там же.
- ⁴⁰ По мнению газеты «New York Times», на сегодняшний день 20% современного населения Испании имеет еврейские корни. См. «New York Times». 12.05.2008. P. 12.

Михаил Шкаровский
(Санкт-Петербург)

РУМЫНСКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ И ХОЛОКОСТ НА ОККУПИРОВАННОЙ ТЕРРИТОРИИ СССР

Юго-Запад Украины — Одесская, часть Винницкой и Николаевской областей (так называемая Транснистрия или Заднепровье) — в годы войны был оккупирован румынскими войсками. Эту территорию в церковном плане окормляла Румынская православная церковь, позиция которой по отношению к евреям в годы войны была настороженно-недоброжелательной. Впрочем, в целом влияние Румынской церкви на местное украинское и русское население, которое справедливо видело в ней орудие румынизации, было не очень велико.

Руководство Румынской церкви в отношении евреев далеко не во всем пошло навстречу нацистским требованиям, хотя в этом, как и в ряде других вопросов, поддалась давлению руководства III рейха больше, чем другие православные Церкви. Всего в Румынии (с Бессарабией и Северной Буковиной) к началу Второй мировой войны проживало около 800 тысяч евреев (4,2% населения). Произшедший в середине 1930-х гг. поворот политики румынского правительства в сторону нацистской Германии сопровождался подъемом антисемитизма и изданием антиеврейских законов. Уже в 1937 г. был принят закон, согласно которому производилась проверка прав евреев на румынское гражданство, началось ограничение и других их прав: запрещалась еврейская пресса, ликвидировались некоторые профсоюзы для евреев и т.д. В августе 1940 г. было принято так называемое «Положение о евреях», в котором имелась статья об уголовной ответственности за браки между румынами и евреями — они карались тюремным заключением сроком до пяти лет. Но особенно активно репрессиями против евреев занималась националистическая антисемитская организация «Железная гвардия»¹.

Следует отметить, что получившая к концу 1930-х гг. большое влияние в Румынии «Железная гвардия» имела сильный православный уклон. Пробразом этой организации стал Союз Архангела Михаила, основанный в 1923 г. Корнелием Кодреану, которому в видениях якобы являлся архангел Михаил. В 1930 г. Кодреану создал массовую организацию «Железная гвардия», имевшую свое подразделение для промышленных рабочих — Рабочий корпус легионеров. В 1938 г., после установления диктатуры короля Кароля II, К. Кодреану и ряд других арестованных железногвардейцев были казнены, однако организация продолжила существование².

В ноябре 1940 г. к власти в стране пришло прогерманское правительство под руководством премьер-министра Иона Антонеску («кондукэторула»), которое объявило, что новый порядок будет создан и в Православной Церкви. В ответ Румынский Патриарх Никодим (Мунтяну) предложил Антонеску основные направления изменений, в числе которых предполагалась более тесная совместная работа с государством. 3 декабря Священный Синод совместно с министром по делам религии (культов и искусств) Браилеану представил правительству меморандум из 30 пунктов, в котором затрагивались организационные вопросы Церкви и проблема крещеных евреев³.

Ужесточение режима сказалось на положении всех религиозных организаций, включая еврейские. В конце 1940 г. И. Антонеску подписал закон, согласно которому в Румынии допускалось существование лишь семи конфессий: православной (к ней отнесли и старообрядцев), греко-католической, католической, реформаторской, евангелической, армяно-григорианской Церквей и ислама. Синагоги и молитвенные дома «сектантов» подлежали закрытию, а всем приступавшим к служению представителям духовенства требовалось утверждение Министерства по делам религии; им также запрещалось участвовать в политических организациях⁴.

Это отчасти было связано с кровавой четырехдневной гражданской войной 21–24 января 1941 г. После отречения Кароля II от престола пришедший к власти И. Антонеску первоначально не только легализовал «Железную гвардию», но и включил их представителей в свое правительство. Однако уже через пять месяцев между ними возник острый конфликт, и в январе легионеры «Железной гвардии» (которых активно поддерживала часть православного духовенства) были разгромлены войсками под командованием «кондукэторула». В марте

Совет Министров решил, что все священники, дела которых переданы в военные суды за участие в январских беспорядках, должны быть лишены священнических мест (по его данным, из 9 536 православных священнослужителей Румынии 218 участвовали в выступлениях железнодорожников с оружием в руках)⁵. Из архиереев очень немногие поддержали легионеров, которые выступили и против Патриарха Никодима.

До своего разгрома легионеры «Железной гвардии» успели совершить большое количество еврейских погромов в Бухаресте и других городах страны. В этой связи примечательна история румынского архиепископа Валериана (Виорела Трифы). В начале 1940-х гг. он еще был мирянином — издателем газеты «Либертата» и бойцом «Железной гвардии». Накануне так называемой «кашерной резни» в Бухаресте В. Трифа по радио призвал к преследованию евреев, и вскоре несколько сотен их было убито железнодорожниками в здании скотобойни. В 1950 г. Трифа выехал в США и в дальнейшем служил в сане архиепископа в Детройте. Только через 30 с лишним лет он был разоблачен как военный преступник, в 1982 г. в американском суде была доказана его причастность к убийству сотен евреев, и в 1984 г. архиепископ Валериан был депортирован в Португалию, где и скончался в 1987 г.⁶

После разгрома «Железной гвардии» репрессии евреев не прекратились⁷. Уже вскоре после начала Великой Отечественной войны — 27 июня 1941 г. в Яссах состоялся еще один погром, первый из организованных не легионерами, а официальными властями страны⁸.

Румынская церковь к лету 1941 г. в наибольшей степени из православных Церквей Юго-Восточной Европы оказалась под немецким влиянием. Ее руководство полностью поддержало завоевательный поход румынской армии совместно с Вермахтом на Восток. Патриарх Никодим заявил, что «борьба против большевизма является священной борьбой, борьбой за Бога и его истину»⁹. В конце июня 1941 г. он обратился к населению страны с резким антисоветским посланием¹⁰.

Немецкий посол в Румынии 30 сентября писал в германский МИД, что духовенство Румынской церкви по воле государства должно играть важную роль при ликвидации остатков большевизма в Бессарабии и Северной Буковине. Антонеску горячо приветствовал инициативу православного духовенства Трансильвании организовать делегацию священников для духовного и культурного окормления населения Бес-

сарабии. Посол также отмечал, что ранее по румынской прессе было заметно влияние «русского православного центра Киева», но теперь «эта опасность преодолена»¹¹.

Во Вторую мировую войну Румыния вступила 22 июня 1941 г. на стороне нацистской Германии. Официальным предлогом стало «освобождение исконных румынских земель». Румынская церковь стремилась распространить свою юрисдикцию на оккупированные территории СССР, которые намечалось включить в состав «Великой Румынии», и уже в начальный период развернула активную миссионерскую деятельность на Юго-Западе Украины, рассчитывая перенести ее и дальше на Восток. Согласно обзору бухарестской печати от 11 сентября 1941 г., составленному германским МИД, в газетах «Порунка времий» и «Курентул» утверждалось, что сейчас самая сильная православная Церковь — Румынская, и она единственная находится в непосредственной близости от России. Поэтому именно эта Церковь призвана снова пробудить православный христианский дух на Востоке. Русское же Православие называлось «величайшей панславянской опасностью»¹².

Некоторые румынские органы печати даже позволяли себе открыто русофобские высказывания. Так, в декабре 1941 г. бухарестская газета «Акциун» опубликовала пожелание того, чтобы в рамках планируемого нового порядка восточного пространства было бы проведено насильственное переселение русского народа из европейской части России в Сибирь: «За исключением финнов в Карелии, румын в области Буга и Днепра и, может быть, также еще украинцев все славянские и славянизированные народы должны быть перевезены в Сибирь»¹³.

Помимо миссионерской деятельности на Востоке у некоторых представителей Румынской церкви были гораздо более глобальные планы. В 1942 г. профессор-теолог из Бухареста Н. Крайник обратился в немецкий МИД с докладной запиской «Германия и православный мир», в которой выдвигал идею восстановления полномочного Экуменического Патриархата в Константинополе (Стамбуле) с руководящим органом — постоянным Синодом из представителей всех православных народов. Он рассчитывал, что Румынская церковь, как сама сильная на тот момент, займет в этом Синоде доминирующую позицию. Крайник предлагал также принять надгосударственный православный устав, предоставить одинаковые права всем национальным Церквам на Святой горе Афон, вернуть храм Святой Софии в Стамбу-

ле православным и т.д. Убеждая Германию поддержать свой план, профессор утверждал, что он направлен против русских панславянских устремлений¹⁴. Но нацистские ведомства, естественно, не поддержали Крайника: они не были заинтересованы в значительном усилении какой-либо из православных Церквей, тем более в объединении под ее эгидой всех остальных.

Ко времени нападения Германии и ее союзников на Советский Союз, по указанию И. Антонеску и при его непосредственном участии, был разработан специальный план проведения антиеврейских акций. Согласно плану, первыми должны были подвергнуться уничтожению евреи Буковины, Бессарабии и Транснистрии. Вслед за репрессиями против евреев Украины и Молдавии с перерывом в пять лет должно было начаться массовое выселение евреев из центральной части Румынии¹⁵.

2–7 июля 1941 г. румынские и немецкие войска захватили Северную Буковину, и сразу же начались антисемитские репрессии. Интересные свидетельства об этих событиях оставила в автобиографичной повести «Скалка» оказавшаяся в Черновцах в первые месяцы румынской оккупации французская гражданка еврейского происхождения Мадлен Кан. Ей грозила гибель или депортация в Транснистрию, но с помощью французского консульства ей удалось под видом послушницы спастись в католическом монастыре. Описывая политическую ситуацию в Румынии, М. Кан утверждает, что «Железная гвардия» пользовалась симпатиями православного духовенства и внутренний антисемитизм румын в начале 1941 г. всплыл на поверхность, «встретив одобрительный отклик в православной церкви, чье влияние тяжелым бременем повисло на судьбе евреев. Попам, которые во все времена были пропагандистами и распространителями антисемитских настроений, не составляло труда привлечь к своему движению суеверный народ»¹⁶.

17 июля 1941 г. Антонеску отдал приказ о создании на оккупированных румынскими войсками территориях гетто и концентрационных лагерей. Вскоре в концлагеря Бессарабского и Буковинского губернаторств начали переводить румынских и местных евреев. 7 сентября 1941 г. Антонеску издал приказ о депортации этих узников за Днестр в созданное к тому времени губернаторство Транснистрия. Всего с сентября 1941 по октябрь 1942 из Бессарабии, Буковины и северной Молдавии в гетто и концлагеря Транснистрии было депорти-

ровано 145–150 тысяч евреев. К ним присоединили местных евреев, прежде всего из Одессы, а также с левобережья Южного Буга. Значительная часть евреев, которые оказались в зоне румынской оккупации, умерли от голода и тифа или были убиты румынскими и немецкими войсками и полицией. Согласно различным оценкам, между 240 и 260 тысяч евреев погибли в Транснистрии, из них не менее 105 тыс. тех, кто был депортирован с румынских территорий. С наибольшей жестокостью румынские власти вели себя в Одессе, где 16 октября 1941 г., в день оккупации города, оставалось около 100 тысяч евреев. В феврале 1942 г. Одесса была объявлена свободным от евреев городом, лишь несколько сотен депортированных одесских евреев остались в живых¹⁷.

3 сентября 1941 г. был отдан приказ об обязательном ношении румынскими евреями отличительного знака — желтой шестиконечной «звезды Давида». Главный раввин страны А. Шафран обратился за помощью к румынскому патриарху Никодиму (Мунтяну), в результате ходатайства которого премьер-министр И. Антонеску 8 сентября отменил приказ об отличительном знаке. Однако предписание о ношении с сентября 1941 г. евреями на верхней одежде «звезды Давида» на оккупированных румынскими войсками территории, в частности в Северной Буковине, осталось. При этом крещеные евреи, еврейские женщины, находящиеся в браке с христианами, и дети от таких браков получили разрешение не носить звезду.

В целом в Румынии были приняты довольно жесткие антиеврейские законы и учреждена должность специального уполномоченного по еврейскому вопросу. Осенью 1941 г. правительство И. Антонеску издало указ, запрещающий евреям переходить в другую веру, в котором были предусмотрены меры наказания для священнослужителей, совершивших их крещение (однако крещеных в прошлые годы евреев Церкви не запрещалось окормлять). И в июне 1942 г. Румынская патриархия сообщила, что она отклонила ходатайство около 50 тысяч местных евреев о принятии их в православие¹⁸.

Стремясь избежать депортации в лагерь Транснистрии, некоторое количество евреев в Бессарабии и Северной Буковине уже в первые месяцы войны перешло в христианство. При этом переход в другую веру признавался местными властями законным только при условии наличия справки, фиксирующий этот акт. В начале 1942 г. администрация Черновцов (и других населенных пунктов Северной Буковины)

получила предписание правительственного военного комитета, в котором говорилось «о запрещении жителям города из еврейского населения перехода с еврейской религии в православно-католическое вероисповедание и другие культы». Тем не менее находились различные способы обойти этот запрет. На 11 мая 1943 г. в Черновицком уезде в списке жителей еврейской национальности, перешедших в христианскую веру, значились 23 человека, среди них члены семьи известного мецената и филантропа Кислингера: Ирма, Хильда и Гертруда¹⁹.

Официальная позиция Бухареста в отношении перехода в христианство евреев Транснистрии была сформулирована в указе И. Антонеску, изданном в августе 1942 г. В нем объявлялось, что в отношении конвертированных не будут применяться репрессии, но если перешедшие в протестанты или униаты евреи должны были переселяться за Южный Буг (где существовала почти неизбежная опасность для их жизни со стороны немецких войск), то еврей-католики могли пока оставаться в Транснистрии. Вероятно, на такое решение повлияло желание румынского правительства сохранить хорошие отношения с Ватиканом²⁰.

Режим И. Антонеску пытался обосновать уничтожение евреев перед общественностью страны. Так, в июне 1942 г., к первой годовщине войны против СССР, пропагандистская служба румынских оккупационных властей выпустила книгу «Вызволненная Бессарабия», главный тезис которой гласил: «устранение» евреев было «справедливым возмездием» за их постоянную антирумынскую деятельность, особенно в Бессарабии и Северной Буковине в 1920–1930-е гг., а также после присоединения этих территорий к СССР в 1940 г. К сожалению, некоторые измышления этой книги повторяются и в современных румынских изданиях: «Банды иудео-коммунистических террористов начали проникать в церкви, сжигать иконы, пачкать стены и осквернять утварь. Одежания священников были изъяты и использованы в качестве театральных костюмов» и т.п. Давно опровергнута исследователями, как фальшивка, и версия о евреях, которые в 1940 г. якобы отрезали язык священнику в Ниспоренах, а потом заперли его в церкви и сожгли. Сами румынские историки позднее писали: «Это неправда и фальсификация тех времен для нагнетания обстановки»²¹.

В этих обстоятельствах некоторые христианские священники пытались облегчить участь евреев или даже спасти им жизнь путем их крещения. В целом на территории между Днестром и Бугом попытки перехода евреев в христианство, а также фиктивные браки с христиана-

нами существовали как особое явление. Так, в донесении инспектора жандармерии Транснистрии в Бухарест сообщалось, что в январе 1942 г. многих еврейских детей брали к себе верующие, а русские священники проводили обряд крещения. Многие священнослужители Одесской области сочувствовали жертвам и не одобряли антиеврейских действий властей. В частности, настоятель одной из одесских церквей отец Ф. Петрановский крестил в своем храме и на дому более ста еврейских детей, выдав им документы о крещении. Спасал священник от смерти и взрослых. Он также создал подпольную группу, регулярно принимал сводки Совинформбюро по радиоприемнику, расположенному в подвале дома, и полученные сведения распространял среди верующих. В мае 1942 г. отец Ф. Петрановский был посажен оккупантами на полгода в тюрьму по обвинению в большевизме. Однако он и там распространял передаваемые товарищами по подпольной группе с воли сводки Совинформбюро, страдающим от истощения заключенным священник помогал материально (продуктами питания) и духовно, внушая им надежду на скорое освобождение²².

Правда, руководство действовавшей в Транснистрии Румынской Православной Миссии через некоторое время запретило своему духовенству крестить евреев, но представители других христианских конфессий продолжали это делать. В 1942 г. инспектор Миссии протоиерей Феодор Руднев жаловался румынскому губернатору Т. Херсени на подобные действия католических священников²³.

В марте 1942 г. в Одессе состоялся съезд румынского, украинского и русского духовенства Транснистрии, пославший приветствие Антонеску и принявший решение выразить благодарность оккупационным властям за их борьбу против Красной армии. В предназначенном для печати официальном заявлении председателя съезда протоиерея Андрея Ники звучали и антисемитские ноты: «Румынской церкви принадлежит ныне устройство церковной жизни не только в Транснистрии, управляемой Румынией... но Румынская церковь может дать импульс и нормальной церковной жизни и для всей России, ибо Румынская церковь представляет собой высокоорганизованную церковь чисто православной страны, имеет вполне подготовленное духовенство и, следовательно, является главенствующей православной церковью в данный момент... Румынский народ предназначен для реставрации нормальной церковной жизни в России, которую ухитрился захватить в свои руки жидовский кагал»²⁴. Позднее в одесской оккупационной

печати также утверждалось, что Московский патриарх Сергей (Страгородский) действовал в интересах еврейства и иудейской религии²⁵.

В Буковине в крещении евреев участвовали как католические, так и православные священники. Здесь оккупанты взяли на учет даже тех евреев, которые перешли в христианство еще при советской власти. Тем не менее руководство католического прихода Буковины пыталось облегчить участь крестившихся и обращалось к властям с просьбой «об улучшении обращения с жителями еврейского происхождения, принявшими католическое вероисповедание», а православный священник прихода Зеленау отец З. Мардарь был даже арестован 27 января 1942 г. «за подделку и выдачу документов о крещении еврейского населения». В жандармских донесениях в Бухарест неоднократно сообщается, что православные священники осуществляли обряд крещения, а еврейских детей брали к себе верующие семьи. В Молдавии в первые месяцы оккупации крещение и даже нахождение в браке с христианами могли отсрочить депортацию. И здесь некоторые православные священнослужители по своей инициативе, несмотря на угрозы и запреты властей, также предприняли значительные усилия, чтобы помочь евреям спастись, но, как правило, безуспешно²⁶. Следует упомянуть, что на 1 января 2012 г. Мемориал Яд Вашем присвоил звание «Праведников народов мира» 79 жителям Молдавии.

Только в феврале 1942 г. румынское командование издало приказ о прекращении массовых расстрелов евреев в Бессарабии и Транснистрии. При этом отказ румынских властей от физического уничтожения евреев был прямым следствием разгрома немецких войск под Москвой. Помимо изменения положения на советско-германских и других фронтах Второй мировой войны на ситуацию повлияло и усиление давления на И. Антонеску нунция Римского Папы, Румынской православной церкви и Совета евреев Румынии. В результате положение евреев Транснистрии стало постепенно улучшаться.

В июле 1942 г. руководство нацистской Германии добилося от румынского правительства обещания начать в сентябре депортацию евреев из Южной Трансильвании в расположенные на территории Польши «лагеря смерти», прежде всего в Освенцим. В результате активных действий Патриарха Никодима, папского нунция А. Кассуло и швейцарского посла в Румынии де Века удалось добиться отмены депортации, однако публичного осуждения антиеврейской политики со стороны руководства Румынской церкви не последовало.

В июле 1943 г. редактор кишиневской газеты «Раза» («Заря») священник Василе Цепордей в статье, посвященной второй годовщине начала войны с Советским Союзом, даже попытался оправдать молчание румынских иерархов по поводу уничтожения евреев, выступив с позиций открытого шовинизма: «Жида никогда не любили нас. Все румынское было ненавидимо сынами Израиля. Это правда, что они ненавидят все, кроме иудейской расы. Потому что в основе Талмуда — ненависть и месть. Но большей ненависти, чем к нам, румынам, они не питали ни к кому. Иногда даже большую, чем к гитлеровским немцам»²⁷.

В декабре 1943 г. министерство внутренних дел Румынии сообщило правительству, что в живых осталось только 50 740 депортированных в Транснистрию евреев. Опасения евреев Транснистрии и Румынии, что, отступая, немецкие войска могут осуществить тотальное уничтожение всего еврейского населения, не оправдались в первую очередь благодаря активным действиям папского нунция в Румынии А. Кассуло, которого поддерживал Ватикан, и отчасти Румынской православной церкви. И. Антонеску, понимая, что Германия проигрывает войну, пытался наладить контакты с союзниками, и был заинтересован выступить в роли спасителя евреев. В феврале 1944 г., когда немецкие войска заняли оборону в Транснистрии, он обратился к командованию Вермахта с требованием не допускать эксцессов по отношению к еврейскому населению²⁸.

К середине апреля 1944 г. территория между Южным Бугом и Днестром была освобождена Красной армией. Среди уцелевших были 55–60 тыс. депортированных евреев Бессарабии, Буковины и северной Молдавии, а также часть евреев, проживавших на этих территориях в довоенные годы или бежавших туда в годы войны из немецкой зоны оккупации. Всего за годы Второй мировой войны румынскими службами безопасности и войсками, (в том числе при участии немцев) были убиты почти 300 тысяч евреев, в том числе 15 тысяч в Румынии (в границах 1940–1941 гг.) и еще около 270 тысяч на территории Бессарабии, Северной Буковины и Транснистрии. Кроме того, во временно занятой в 1940–1944 гг. венграми румынской провинции Трансильвания было уничтожено 196 тысяч²⁹.

Позиция руководства Румынской православной церкви по отношению к евреям в годы войны, как уже говорилось, в целом была настроенно-недоброжелательной, но без одобрения их уничтожения

(иногда она даже противодействовала репрессиям). Это видно, например, из отчета руководителя оперативного штаба ведомства рейхсминистра занятых восточных территорий А. Розенберга доктора Цейса о поездке в Бухарест в июне 1944 г.: «Православная национальная Церковь занимает содействующую позицию. Она враждебнее к евреям, чем римская Церковь, но с другой стороны также отстаивает не нашу точку зрения. Два года назад она запретила крещение евреев, что, конечно, не исключает отдельных случаев крещения евреев с помощью подкупа. Сельское население настроено определенно антиеврейски. Население Бухареста индифферентно»³⁰.

Впрочем, еще в июле 1944 г. в ежемесячном докладе Внешнеполитической службы нацистской партии указывалось, что Румынская церковь позитивно настроена по отношению к европейским идеям и противоположным образом — к масонам и евреям³¹. Ситуация начала меняться через месяц — после свержения режима И. Антонеску и присоединения Румынии к станам антигитлеровской коалиции был отменен запрет на крещение евреев и т.д. До настоящего времени Румынская православная церковь так и не принесла извинение за свою позицию по отношению к евреям в годы Второй мировой войны.

Примечания

¹ История Румынии 1918–1970. М., 1975. С. 265.

² *Поспеловский Д.* Тоталитаризм и вероисповедание. М., 2003. С. 278–281.

³ Bundesarchiv Berlin (BA), R 5101/23174, Bl. 30, 36.

⁴ Ebd., Bl. 40; Гласник. Београд. 1941. № 1. С. 22–23.

⁵ BA, R 5101/23174, Bl. 41.

⁶ Архив Свято-Троицкой Духовной семинарии Русской Православной Церкви за границей (РПЦЗ) в Джорданвилле, ф. В.И. Алексева.

⁷ *Шорников П.* Отрицание Холокоста в Молдове // Историческая память: Противодействие отрицанию Холокоста: Материалы 5-й международной конференции «Уроки Холокоста и современная Россия». М., 2010. С. 39.

⁸ *Рееттсма К.* «Синти и Рома». Современная культура и история. Мюнхен, 1996. С. 122–123.

⁹ *Chrysostomus J.* Kirchengeschichte Russlands in der neusten Zeit. Bd. 3. Die russische Kirche in und nach dem Zweiten Weltkrieg. München-Salzburg, 1968. S. 30.

¹⁰ BA, R 5101/23174, Bl. 49.

¹¹ Ebd., R 5101/23174, Bl. 53.

¹² Politisches Archiv des Auswärtigen Amt Bonn (AA), R 105169, Pol. XII 5.

¹³ BA, R 901/69292, Bl. 145–146.

¹⁴ Ebd., R 901/69301, Bl. 182.

- ¹⁵ См.: *Кускин И.* Холокост в Румынии // Вестник. 2002. № 16 (301).
- ¹⁶ Государственный архив Винницкой области (ГАВО), ф. Р-6121, оп. 2, д. 33, л. 1–57.
- ¹⁷ *Rein L.* Historical Introduction: Ukraine // The Encyclopedia of the Righteous Among the Nations: Rescuers of Jews during the Holocaust. Jerusalem, Yad Vashem, 2011. P. LXXXII; Украина. Евреи Украины в годы Второй мировой войны (1939–45) / Электронная еврейская энциклопедия.
- ¹⁸ Церковное обозрение. Белград. 1941. № 10–12. С. 7, 1942. № 7–8. С. 4.
- ¹⁹ *Абрамова А.* Холокост с «румынским оттенком»: стратегия выживания // Мы не можем молчать: Школьники и студенты о Холокосте. Вып. 9. М., 2010. С. 31.
- ²⁰ *Voelckh K.* Rumänisierung und Repression. Zur Kirchenpolitik im Raum Odessa/Transnistrien 1941–1944, in: Jahrbücher für Geschichte Osteuropas 45 (1997), Heft 1, S. 81.
- ²¹ *Шорников П.* Указ. соч. С. 33, 37, 41.
- ²² *Якунин В.Н.* Русская Православная Церковь на оккупированных территориях СССР в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Самара, 2001. С. 222–223; *Епископ Сергей (Ларин).* Православие и гитлеризм. Одесса, 1947. Рукопись. С. 283–288.
- ²³ *Voelckh K.* а.а.О. S. 81.
- ²⁴ Одесская газета. 1942. 19 марта.
- ²⁵ Молва. Одесса. 1944. 17 марта, 6 апреля; *Якунин В.Н.* Указ. соч. С. 190.
- ²⁶ История Республики Молдова с древнейших времен до наших дней. Кишинев, 1997. С. 221; См.: *Альтман И.А.* Холокост и еврейское сопротивление на оккупированной территории СССР: Учебное пособие для студентов высших учебных заведений / Под ред. А.Г. Асмолова. М., 2002.
- ²⁷ Raza. 13.07.1943. S. 1.
- ²⁸ Украина. Евреи Украины в годы Второй мировой войны (1939–45) / Электронная еврейская энциклопедия.
- ²⁹ *Джеррольд М.* Пост. Психологические и исторические основы антисемитизма // Антисемитизм: концептуальная ненависть: Сборник, посвященный Симону Визенталю. М., 2010. С. 199; *Шорников П.* Указ. соч. С. 41; *Суровцев О.А., Альтман И.А.* Румыния // Холокост на территории СССР. Энциклопедия. С. 879–881; См.: *Фадеева И.* Еврейские общины в Дунайских княжествах // Еврейское слово. 2008. № 11 (381).
- ³⁰ BA, 62 Di1/82, Film 3307, Aufn. № 4907437.
- ³¹ Institut für Zeitgeschichte München (IfZ), Fa 502, Bl. 126.

Александр Круглов
(Харьков)

**ХОЛОКОСТ В ОККУПИРОВАННЫХ РЕГИОНАХ СССР:
ПРОБЛЕМА ПЕРИОДИЗАЦИИ И РЕГИОНАЛЬНЫХ
ОСОБЕННОСТЕЙ**

Введение

Проблема периодизации Холокоста в СССР является одной из наименее разработанных: специальных публикаций на эту тему не существует, хотя имеются попытки периодизации в общих работах по Холокосту в СССР. Между тем проблема периодизации является важной методологической проблемой: от ее решения зависит решение многих других вопросов и проблем, в частности, понимание региональных особенностей Холокоста.

В общем и целом периодизацию можно охарактеризовать как методологический инструмент, с помощью которого чисто механическую сумму событий, фактов, явлений можно упорядочить, свести в определенную систему. А наличие системы, системного подхода является, как известно, одним из основных признаков науки. Однако эту свою функцию периодизация выполняет только в том случае, если она является научной. Существуют два вида научной периодизации — формальная периодизация (периодизация по существенному признаку) и диалектическая периодизация (периодизация по основному внутреннему противоречию, характерному для данного явления, в нашем случае — для Холокоста). Ниже мы рассмотрим имеющиеся варианты формальной периодизации (о диалектической периодизации Холокоста вообще никто не говорит), покажем, почему они являются, по нашему мнению, некорректными, и предложим свой вариант периодизации Холокоста в СССР и вытекающие из него региональные

особенности. Поскольку наиболее типичными, на наш взгляд, являются варианты, предложенные И. Арадом и И. Альтманом, мы для критического рассмотрения берем именно их.

Периодизация Холокоста в СССР И. Арада и ее критика

Одну из первых попыток периодизации мы находим у известного израильского исследователя Холокоста И. Арада (Yitzhak Arad), который выделил три периода в истреблении евреев на оккупированных территориях СССР:

— с 22 июня 1941 г. до зимы 1941/42 гг., когда было уничтожено большинство евреев, проживавших в Литве, Латвии, Эстонии, Молдавии (Бессарабия и Северная Буковина), и почти все евреи Восточной Белоруссии, Восточной Украины и оккупированных районов России;

— с весны до конца 1942 г., когда было уничтожено большинство евреев западных районов Украины и Белоруссии и южных районов России, оккупированных летом 1942 г.;

— с начала 1943 г. до изгнания немцев со всей оккупированной советской территории, когда были уничтожены все оставшиеся евреи¹.

Как мы видим, в основе этой периодизации находятся количественные изменения. Эти изменения, несомненно, важны, так как они приводят к изменениям качественным, однако делать количественные изменения основой, критерием периодизации Холокоста в СССР (как, впрочем, какого-либо иного события или явления) является, на наш взгляд, совершенно некорректным. По нашему мнению, в основе периодизации должны находиться не количественные, а качественные изменения. Таким качественным скачком, отделяющим один период Холокоста в СССР от другого, явился переход от расстрелов еврейской интеллигенции как потенциальной руководящей силы сопротивления политике истребления, евреев-функционеров компартийного и советского аппарата, евреев-мужчин как возможной движущей силы сопротивления политике истребления к поголовному истреблению евреев. Больше качественных скачков в истории Холокоста в СССР не наблюдалось. Происходили только количественные изменения, то есть множились населенные пункты, районы, области, «свободные от евреев».

Когда произошел качественный скачок в Холокосте в СССР?

В разных оккупированных регионах СССР указанный выше качественный скачок (переход к поголовному истреблению евреев) произошел не одновременно, а в разное время. Сначала он произошел в Латвии: 11 июля 1941 г. в городе Ауце (тогда Елгавский уезд, ныне Добельский район) отряд латышской «самоохраны» и группа немцев, приехавших из Елгавы², расстреляли поголовно всех евреев, оставшихся в оккупации, — 99 человек — мужчин, женщин и детей³.

Латвия и прилегающие к Латвии районы Литвы (Биржайский, Мажейкяйский, Шяуляйский уезды) относились к району деятельности айнзатцкоманды 2 (под руководством штурмбаннфюрера СС Батца). В районе деятельности (Литва) соседней айнзатцкоманды 3 (под руководством штандартенфюрера СС Егера) качественный скачок произошел в середине августа 1941 г.: 15–16 августа 1941 г. в Рокишкисе отряд этой команды совместно с литовскими «партизанами» произвел поголовное истребление всех евреев, то есть впервые расстрелял не только взрослых евреев, но и детей — в общей сложности 3 200 человек⁴.

В июле 1941 г. также началось поголовное истребление евреев в Белостокской области, которая с конца 1939 г. входила в состав БССР. Сначала это истребление производилось путем погромов⁵, которые были организованы зондеркомандой гестапо Цихенау–Шреттерсбург (Цеханув–Плоцк, Польша) в ряде населенных пунктов области (Вонсош, Радзилув, Едвабне, Кольно), и приведшие к уничтожению еврейского населения на этих территориях почти полностью⁶. С середины августа 1941 г. эта зондеркоманда (руководитель — оберштурмфюрер СС криминал-комиссар Герман Шапер) производила поголовное истребление евреев в своем районе деятельности (уезд Ломжа) уже не путем погромов, а в ходе заранее спланированных акций⁷.

В первые дни августа 1941 г. произошел качественный скачок в Западной Белоруссии: 2–3 августа 1941 г. в деревнях Хомск и Моголь (соответственно Дрогичинский и Ивановский районы Брестской области) впервые были расстреляны поголовно все евреи⁸. Уничтожение евреев в этих деревнях отнюдь не было результатом погромных действий, это была заранее спланированная акция, проведенная конным дивизионом (командир — штурмбаннфюрер СС Ломбард) 1-го кав. полка СС (командир — штандартенфюрер СС Фегелейн) во исполне-

ние соответствующего приказа Гимmlера. О существовании такого приказа мы узнаем из приказа № 42 по 1-му кав. полку СС от 27 июля 1941 г. В последнем со ссылкой на «особое распоряжение рейхсфюрера СС», в частности, предписывалось: «С евреями следует обращаться в основном как с грабителями. Исключение составляют только явные специалисты, как пекари и пр. и прежде всего врачи»⁹. «Обращение как с грабителями» на нацистском сленге означало расстрел. Радиограмма 2-го кав. полка СС, датированная 1.8.1941 г., 10.00, адресованная конному дивизиону этого полка, уточняла и требовала: «Категорический приказ РФ СС [рейхсфюрера СС]. Все евреи должны быть расстреляны. Еврейских женщин загнать в болото»¹⁰. Подобную радиограмму получил и конный дивизион 1-го кав. полка СС, командир которого в приказе № 28 по конному дивизиону от 1.8.1941 г., оценил ее так: «сегодняшнюю радиограмму к-ра [командира] отн.[осительно] расстрела евреев не следует рассматривать как выговор, так как до сих пор в деревнях евреев не было. Еврейские деревни до сих пор все в районе деятельности 2-го полка. Исключение Береза-Картузская. 221-й див.[изии] срочно необходимы евреи для ремонта роллбана. Несмотря на это особенно командиров дозорных групп следует еще раз строжайше проинструктировать. В населенных пунктах в живых не должно остаться ни одного еврея-мужчины, ни одной остаточной семьи»¹¹.

Во второй половине августа 1941 г. началось поголовное истребление евреев в районе деятельности айнзатцгруппы В (Восточная Белоруссия и западные области России). Так, в Зембине (Борисовский район Минской области) 18 августа 1941 г. были расстреляны все оставшиеся в оккупации евреи — 760 человек, в том числе более 250 детей¹². Примерно тогда же, а, возможно, даже на несколько дней раньше — 12 августа 1941 г.¹³ — были расстреляны все евреи (свыше 600 человек) в городе Сураж (Витебская область)¹⁴.

Во второй половине августа 1941 г. также началось поголовное истребление евреев в Украине — в районах деятельности айнзатцгрупп С и D. Впервые этот качественный скачок произошел в городах Белая Церковь (Киевская область) и Каменец-Подольский (Хмельницкая область)¹⁵. Немецкий историк Клаус-Михаел Малманн (Klaus-Michael Mallmann) считает, что именно акция в Каменец-Подольском 26–28 августа 1941 г. «с ее 23 600 жертвами ознаменовала не только количественный, но также качественный скачок в развитии массового убийства

европейских евреев вследствие перехода от избирательной политики истребления к тотальному уничтожению»¹⁶. Мнение Малманна разделяет и другой известный немецкий историк и исследователь Холокоста Дитер Поль (Dieter Pohl), который акцию в Каменец-Подольском оценивает как «поворотный пункт» в Холокосте в Украине¹⁷. По нашему мнению, говорить о «европейских евреях» в данном случае некорректно: решение о физическом истреблении европейского еврейства Гитлер принял только в середине декабря 1941 г.¹⁸ Говорить можно только о евреях Советского Союза, однако, как мы показали выше, качественный скачок в Холокосте на оккупированной территории СССР произошел уже 11 июля 1941 г., а «еврейская акция» в Каменец-Подольском отличалась от акции в Ауце только количественными показателями. Если же брать только Украину, то в пределах Украины качественный скачок произошел не в Каменец-Подольском, а в Белой Церкви, где расстрелы еврейских детей украинской милицией по распоряжению СД начались уже 19 августа 1941 г.¹⁹, то есть за неделю до акции в Каменец-Подольском.

Бывший командир айнзатцкоманды 5 (айнзатцгруппа С) Эрвин Шульц на одном из послевоенных допросов показал: «[...] еще в июле 1941 г. я получил от шефа моей айнзатцгруппы, д-ра Раша, приказ расстреливать всех евреев, которые не используются на работах, так как они представляют смертельную опасность в тылу сражающихся войск. Приказ я понял так, что он касается евреев мужского пола. Как мне помнится, д-р Раш сослался на приказ фюрера. В первой трети августа 1941 г.²⁰ в Житомире д-р Раш отдал приказ наряду с евреями мужского пола расстреливать также женщин и детей, чтобы немецкому народу не грозила месть. Этот приказ он получил от HSSPF²¹ Екельна. Я думаю, что не ошибусь, что д-р Раш сказал: по поручению рейхсфюрера СС. Я не могу сказать точно, присутствовали ли другие руководители айнзатцкоманд команд нашей айнзатцгруппы группы, кроме Блобеля²² и д-ра Крегера²³, которых я еще точно помню, когда д-р Раш отдал мне приказ»²⁴.

О чем говорит начало поголовного истребления евреев уже 11 июля 1941 г.?

Тот факт, что поголовное истребление евреев началось уже в начале июля 1941 г., говорит о том, что принципиальное решение об унич-

тожении советских евреев как евреев большевистских было принято, скорее всего, до нападения Германии на СССР. Это подтверждают большинство переживших войну и допрошенных бывших руководителей команд СД. Так, шеф айнзатцгруппы D Отто Олендорф после войны так изложил суть отданных приказов: «Во время формирования айнзатцгрупп в Дюбене в Саксонии перед началом кампании против России айнзатцгруппы и айнзатцкоманды наряду с обычными задачами по линии абвера и информационной службы получили дополнительный приказ — по причинам безопасности убивать политических комиссаров, коммунистических активистов, евреев и цыган и всех тех лиц, которые угрожают безопасности. При отдаче приказа и неоднократно в Берлине и позднее в других местах было добавлено, что вермахт об этих задачах информирован и получил указание поддерживать их выполнение. Как при отдаче этого приказа об убийствах, так и во время дискуссии о приказе об убийствах, вызванной сильными протестами против приказа, Штрекенбах, который передал приказ, подчеркнул, что этот приказ является непосредственным приказом фюрера и поэтому всякая дискуссия об этом приказе является бессмысленной. Убийства, которые совершали члены айнзатцгрупп в 1941 г. и в последующие годы, были, таким образом, не дикими акциями или актами произвола, а планомерной деятельностью по исполнению отданного приказа фюрера [...]»²⁵. Бывший «фюрер» зондеркоманды 7а Вальтер Блуме на одном из послевоенных допросов заявил: «[...] Было два совещания, на которых шла речь о деятельности в России. Первое совещание провел Гейдрих в Берлине в РСХА, другое было в Претцше. На нем были шеф IV управления Мюллер и шеф I управления Штрекенбах [...] По моему мнению, сначала было совещание в Берлине, которое провел Гейдрих. На этом совещании, на котором речь шла о России и на котором Гейдрих дал описание вещей, которые ожидают там айнзатцгруппы, вопрос об уничтожении восточного еврейства был предметом очень краткого изложения. Речь Гейдриха касалась в первую очередь ожидаемых стычек с партизанами. Этому было уделено основное внимание. В рамках этого изложения он затем заявил, что восточное еврейство как духовный резервуар мирового большевизма в этом случае должно быть уничтожено [...] На совещании в Берлине не было никакой возможности для дискуссии, она была тогда невозможна. Я еще припоминаю, что возникло беспокойство, когда был объявлен приказ, и кто-то сзади выкрикнул: «как такое должно происхо-

дить». На это Гейдрих заявил: «это вы узнаете на собственном опыте на месте». Такой выкрик с места был совершенно необычным, поэтому он мне запомнился [...]»²⁶. Показания Блуме подтверждают показания еще одного бывшего руководителя команды СД — Пауля Цаппа: «Это могло быть незадолго до выступления команды, когда в Преттше состоялось совещание офицеров. Я хотел бы это совещание обозначить скорее как собрание. Присутствовали ли на этом собрании все офицеры или только руководители отдельных команд, я сказать не могу. Однако с большой вероятностью я считаю, что на этом собрании присутствовали все офицеры; к этому я прихожу, исходя из большого числа участников. На этом собрании с докладом или речью о будущих задачах айнзатцкоманд выступил Гейдрих. Эти задачи были Гейдрихом обрисованы примерно в той же форме, в какой они определены в соглашении между вермахтом и РСХА. В заключении все присутствовавшие были приведены к присяге фюреру как верховному главнокомандующему. Затем был объявлен приказ фюрера, согласно которому айнзатцкоманды на охраняемой территории должны уничтожить всех евреев [...]»²⁷.

О чем говорит разномоментное претворение в жизнь «приказа фюрера»?

Тот факт, что поголовное истребление евреев в разных регионах оккупированной советской территории началось в разное время, объясняется, вероятно, разным отношением командиров СД, командиров подразделений войск СС и полиции к этому приказу: одни из них, исходя из собственных убеждений и «собственного опыта» не торопились выполнять «приказ фюрера», в то время как убеждения и опыт других требовали от них немедленных действий. В качестве примера можно привести поведение командиров айнзатцкоманд 2 (Батц) и 3 (Егер). Обе команды входили в одну и ту же айнзатцгруппу, у них был один и тот же непосредственный начальник, они получали одни и те же приказы. Тем не менее Батц приступил к поголовному истреблению евреев уже 11 июля 1941 г., а Егер — только 15 августа 1941 г., то есть более чем на месяц позже. Другой пример: в ходе прочесывания «припятских болот» (южные районы Белоруссии) в августе 1941 г. в полосе конного дивизиона (Ломбард) 1-го кав. полка СС истреблялись

все евреи поголовно, в то время как в полосе прочесывания конного дивизиона (Магилл) 2-го кав. полка СС расстреливались только еврей-мужчины, да и то далеко не во всех населенных пунктах. Магилл в отличие от Ломбарда считал, что войска СС не следует привлекать к расстрелам женщин и детей, так как это развращает солдат и подрывает дисциплину.

Периодизация Холокоста в СССР И. Альтмана и ее критика

Еще одну периодизацию Холокоста в СССР предложил известный российский исследователь Холокоста И. Альтман. Он также выделяет три этапа, причем пограничным событием между первым и вторым этапом является, по его мнению, Ванзейская конференция (январь 1942 г.), а границей между вторым и третьим этапом — завершение ликвидации гетто и рабочих лагерей на оккупированной советской территории (осень 1943 г.)²⁸. Что касается второй границы, то это количественные изменения, которые критерием, как мы показали выше, быть не могут. Пограничным фактом не может быть, по нашему мнению, и Ванзейская конференция, значение которой неправомерно раздута и преувеличено²⁹. Предыстория конференции такова: 31.7.1941 г.³⁰ Геринг поручил Гейдриху разработать план «окончательного решения еврейского вопроса» в Европе с привлечением заинтересованных центральных ведомств нацистской Германии³¹. Во исполнение поручения Геринга Гейдрих запланировал на 9.12.1941 г. проведение совещания с целью выработки «единообразного понимания всеми заинтересованными центральными инстанциями» проблем, возникших в ходе *Endlösung*³², и «создания ясности в принципиальных вопросах». В связи с международными событиями (вступление в войну Японии и США) совещание было перенесено и состоялось 20.1.1942 г. Как видно из его протокола³³, на нем не было принято никаких существенных решений (ни стратегических, ни тактических) относительно судьбы еврейского народа, оно было создано исключительно для обмена мнениями и согласования позиций тех центральных ведомств нацистской Германии, которые прямо или косвенно были причастны к истреблению евреев³⁴. Таким образом, это совещание никак не может быть поворотным пунктом не только в судьбе советских евреев, но и в судьбе евреев Европы в целом. Кстати, на этом совещании Гейдрих выделил два этапа

в антиеврейской политике и практике нацистской Германии. Первый этап охватывал период с 30.1.1933 г. до осени 1941 г., когда основным способом решения «еврейского вопроса» была в основном принудительная эмиграция евреев за пределы «Великогерманского рейха» (до 31.10.1941 г. были вынуждены эмигрировать около 537 тысяч евреев). Второй этап начался осенью 1941 г., когда вместо эмиграции «после соответствующего предварительного одобрения фюрером» стала применяться «эвакуация евреев на Восток». Вначале речь шла только о помещении «имперских евреев» в восточные гетто (Лодзь, Рига, Минск), но уже в середине декабря 1941 г. Гитлер принял решение о физическом истреблении европейских евреев: на совещании с Гиммлером 18.12.1941 г. Гитлер дал ему прямое указание «истреблять евреев как партизан»³⁵.

Выводы

Таким образом, можно констатировать, что в Холокосте в СССР был только один качественный скачок. Исходя из этого, в политике и практике истребления советских евреев можно, на наш взгляд, выделить только два этапа. Первый этап — с 22 июня 1941 г. до перехода к поголовному истреблению евреев и (второй этап) — с этого момента до полного освобождения советской территории. Правда, в октябре 1944 г. Гиммлер отдал приказ о прекращении физического уничтожения евреев³⁶. Этот приказ также можно считать определенной вехой, положившей начало новому этапу. Однако для СССР этот приказ уже не имел никакого значения, так как к тому времени освобождение ранее оккупированной советской территории завершилось.

Примечания

¹ Уничтожение евреев СССР в годы немецкой оккупации (1941–1944). Сборник документов и материалов / Под ред. И. Арада. — Иерусалим: Яд Вашем, 1991. С. 9; *Арад И.* Катастрофа евреев на оккупированных территориях Советского Союза (1941–1945). Днепропетровск: Центр «Ткума»; Москва: Центр «Холокост», 2007. С. 197.

² Скорее всего, речь идет об отряде Айнзацкомандо 2. Сама команда в то время находилась в Риге, а один из ее отрядов — в Елгаве (Митау). Этот отряд (около 20 человек) возглавлял штурмшарфюрер СС Альфред Беку (см.: *Anklage ZSt Dortmund 45 Js 18/65 gg. Becu und Adelt // Barch B 162/19407; Urteil LG Köln 24 Ks 1/68 gg. Becu und Adelt // Barch B 162/14317*).

³ *Vīksne R.* Ebreju iznīcināšana Aucē 1941. gada jūlijā // Holokausta izpētes jautājumi Latvijā — starptautiska seminara referāti 2001. gada 29. novembris, Rīga, un 2001.–2002. gada pētījumi par holokaustu Latvijā (The issues of the Holocaust research in Latvia: reports of an International Seminar 29 November 2001, Riga and the Holocaust studies in Latvia in 2001–2002). — Rīga: Latvijas vēstures institūta apgāds, 2003. P. 101–126.

⁴ См.: отчет Einsatzkommando 3 от 10.9.1941 г. // Российский государственный военный архив, Ф. 500. Оп. 1. Д. 25. Л. 83.

⁵ Befehlshaber des rückw. Heeresgebietes Mitte, Anlagen — Sonderband — zum KTB, Zeit: 15.3.–31.12.1941, Tagesmeldung vom 14.7.1941: «в Кольно и Щучине поляки совершили еврейские погромы»; 10 Tagesmeldung vom 20.7.1941: «в нескольких населенных пунктах близ границы генерал-губернаторства поляки совершили еврейские погромы» (Barch B 162/278, Bl. 113 (№ 541).

⁶ Вонсош: Pinkas hakehilot Polin: entsiklopedyah shel hayishuvim hayehudiyim lemin hivasdam ve'ad le-ahar Sho'at Milhemet ha'olam hasheniyah / Edited by: A. Wein. Jerusalem: Yad Vashem, 1989. P. 187–188; Заявление М. Финкельштейна от 14.5.1946 г. // Grajewo Yizkor Book. New York, N.Y.: United Grayever Relief Committee, 1950. P. 232); Biuletyn GKBZH w Polsce, Warszawa. 1956. № 8. S. 140.

Радзилув: см. официальное заявление В. Кулеша (начальник отдела расследований Национального Института Памяти в Варшаве, источник: Polish news agency PAP, Warsaw, in Polish 1049 GMT 30 March 2001); Biuletyn GKBZH w Polsce. Warszawa, 1956. № 8. S. 140; Radzilow // Pinkas hakehilot Polin, vol. IV. Jerusalem: Yad Vashem, 1989. P. 422–424; заявление М. Финкельштейна от 27.6.1945 г. и от 14.5.1946 г. // Grajewo Yizkor Book. P. 228–231, 233).

Едвабне: см. официальное заявление прокурора Р. Игнатива (комиссия по расследованию преступлений против польского народа в Белостоке). «Końcowe ustalenia śledztwa w sprawie zabójstwa obywateli polskich narodowości żydowskiej w Jedwabnem w dniu 10 lipca 1941 r.» (около 300 человек сожжены в амбаре и 40–50 человек убиты после разрушения ими памятника Ленина); Obozy hitlerowskie na ziemiach polskich 1939–1945. Informator encyklopedyczny. Warszawa, 1979. S. 208; Biuletyn GKBZH w Polsce, Warszawa. 1956. № 8. S. 134; *Datner Sz.* Eksterminacja ludności żydowskiej w okręgu Białostockim // Biuletyn Żydowskiego Instytutu Historycznego. Warszawa, 1966. № 60, tab. 6; *Neumark I.Y.* The Burning Alive of the Entire Jewish Community of Yedwabne on July 10, 1941 (15th of Tamuz 5701) // *Sefer Jedwabne*; *Historiya vezikaron.* / Ed: J.L. Baker, J.L. Baker. Jerusalem–New York: The Yedwabner Societies in Israel and the United States of America, 1980. P. 111–116; *Gross J.T.* Neighbors: the destruction of the Jewish community in Jedwabne, Poland. N.J.: Princeton University Press, 2001; *Niekrasz L.* Operacja “Jedwabne”: mity i fakty. Wrocław: Wydawn. “Nortom”, 2001; *Wokół Jedwabnego.* T. 1, 2, Warszawa: IPN, 2002; *Gross J.T.* Wokół “Sąsiadów”: polemiki i wyjaśnienia. Sejny: “Pogranicze”, 2003; *Dmitrów E., Machcewicz P., Szarota T.* Der Beginn der Vernichtung: zum Mord an den Juden in Jedwabne und Umgebung im Sommer 1941: neue Forschungsergebnisse polnischer Historiker; aus dem Polnischen von Beate Kosmala. Osna-brück: Fibre, 2004.

Кольно: Sefer zikaron lekehilat Kolno / Ed.: A. Remba and B. Halevy. Tel Aviv: The Kolner Organization and Sifryat Poalim, 1971.

⁷ См. подробно: Tötungen von jüdischen und polnischen Zivilisten durch Angehörige des Einsatzkommandos z.b.V. der Stapostelle Zichenau an verschiedenen Orten im Krs. Lomza / Bezirk Bialystok im Sommer 1941, in: Barch B 162/5863

⁸ Chomsk // The Yad Vashem Encyclopedia of the Ghettos During the Holocaust, vol. I / Ed.-in-chief: G. Miron, Jerusalem: Yad Vashem, 2009. P. 114; *Dean M. Chomsk* // Encyclopedia of Camps and Ghettos, 1933–1945. Volume II: Ghettos in German-Occupied Eastern Europe / Volume Editor: M. Dean. Published in Association with the United States Holocaust Memorial Museum. Bloomington and Indianapolis: Indiana University Press, 2012. P. 1341–1342; *Poliak A.L.* Hurban Motele (The Destruction of Motele) / Ed. Dov Yarden, Jerusalem: Council of Motele Immigrants, 1956.

⁹ Barch B 162/20212, Bl. 793–796.

¹⁰ Bundesarchiv-Militärarchiv, RS 3-8/36.

¹¹ Bundesarchiv-Militärarchiv, RS 4/441.

¹² ГАРФ. Ф. 7021. Оп. 87. Д. 4. Л. 6; *Смиловицкий Л.* Катастрофа евреев в Белоруссии, 1941–1944 гг. Тель-Авив: Издательство «Библиотека Матвея Черного», 2000. С. 177.

¹³ Landgericht Berlin, 3PKs1/62, Urteil v. 22.6.1962 gegen Filbert u. a. // Justiz und NS-Verbrechen: Sammlung deutscher Strafurteile wegen nationalsozialistischer Tötungsverbrechen 1945–1966, Band XVIII. Amsterdam: University Press, 1978 (Lfd. # 540). Количество жертв — самое меньшее 200 человек.

¹⁴ ГАРФ. Ф. 7021. Оп. 84. Д. 13. Л. 1–8, 11, 137–145. Согласно материалам ЧГК, акция имела место даже уже 2.8.1941 г. Количество жертв, возможно, преувеличено, так как согласно переписи населения 1939 г. в Сураже проживал 461 еврей.

¹⁵ *Mallmann K.-M.* Der qualitative Sprung im Vernichtungsprozeß. Das Massaker von Kamenez-Podolsk Ende August 1941 // Jahrbuch für Antisemitismusforschung. № 10, 2001. S. 239–264; *Wildt M.* Kamenez-Podolsk, Handlungsoptionen und Radikalisierung in der nationalsozialistischen Mordpraxis im Krieg gegen die Sowjetunion im Sommer 1941 (неопубликованная рукопись); *Круглов А.* Потери евреев Украины в 1941–1944 гг. Харьков: Тарбут Лаам, 2005. С. 102; *Круглов А.* «Еврейская акция» в Каменец-Подольском в конце августа 1941 г. в свете немецких документов // Голокост і сучасність: науковий часопис. № 1. Київ: Український центр вивчення Голокосту, 2005. С. 43–48.

¹⁶ *Mallmann K.-M.* Op. cit., S. 239.

¹⁷ *Pohl D.* Schauplatz Ukraine: Der Massenmord an der Juden im Militärverwaltungsgebiet und im Reichskommissariat 1941–1943 // Ausbeutung, Vernichtung, Öffentlichkeit. Neue Studien zur nationalsozialistischen Lagerpolitik. Herausgegeben im Auftrag des Instituts für Zeitgeschichte von N. Frei, S. Steinbacher und B. C. Wagner. München, 2000. S. 143; *Pohl D.* The Murder of Ukraine's Jews under German Military Administration and in the Reich Commissariat Ukraine // The Shoah in Ukraine. History, Testimony, Memorialization / Ed. by R. Brandon and W. Lower. Indiana University Press, 2008. P. 32.

¹⁸ См. подробно: *Gerlach Ch.* Die Wannsee-Konferenz, das Schicksal der deutschen Juden und Hitlers politische Grundsatzentscheidung alle Juden Europas zu ermorden // WerkstattGeschichte. № 18, Ergebnisse Verlag, Hamburg, 1997. S. 7–44; *Aly G.* Der 12. Dezember 1941 // Berliner Zeitung. № 13. Dezember 1997; *Gerlach Ch.* The Wannsee Conference, the Fate of German Jews, and Hitler's Decision in Principle to Exterminate All European Jews // Journal of Modern History. December 1998. P. 759–812; *Gerlach Ch.* Die Wannsee-Konferenz, das Schicksal der deutschen Juden und Hitlers politische Grundsatzentscheidung alle Juden Europas zu ermorden // *Gerlach Ch.* Krieg Ernährung Völkermord. Deutsche Vernichtungspolitik im Zweiten Weltkrieg. Pendo Zürich/München 2001. S. 79–152; Der Dienstkalender Heinrich Himmlers 1941/42. Hg. von Peter Witte u.a. Hamburg, 1999, S. 294.

¹⁹ См. отчет 1-го офицера штаба 295-й пехотной дивизии подполковника Гросскурта от 21.8.1941 г.: *Groscurth H.* Tagebücher eines Abwehroffiziers 1938–1940. Stuttgart 1970. S. 534–537.

²⁰ Точнее — 10.8.1941 г. (см. приговор военного трибунала II США от 10.4.1948 г. по “The Einsatzgruppen Case” // Trials of war criminals before the Nuernberg Military Tribunals under Control Council Law # 10, vol. IV: “The Einsatzgruppen Case,” “The RuSHA Case,” Nuernberg October 1946 – April 1949. Washington, 1950. P. 519).

²¹ HSSPF — Höherer SS- und Polizeiführer, высший фюрер СС и полиции.

²² Блобель был командиром зондеркоманды 4а.

²³ Крегер был командиром айнзатцкоманды 6.

²⁴ См.: показания бывшего «фюрера» айнзатцкоманды 5 Эрвина Шульца 25.11.1960 г. // Barch В 162/20216, Bl. 13.

²⁵ См.: показания Отто Олендорфа 9.11.1948 г. // Barch В 162/3300, Bl. 2047–2048.

²⁶ См.: показания на судебном процессе в Дармштадте по делу бывших членов зондеркоманды 4а 4.3.1968 г. бывшего командира зондеркоманды 7а Вальтера Блуме // Barch В 162/17913, Bl. 1340–1341, 1344.

²⁷ См.: протокол допроса бывшего руководителя зондеркоманды 11а Пауля Цаппа 3.1.1968 г. // Barch В 162/1231, Bl. 3981–3982.

²⁸ *Альтман И.* Жертвы ненависти. Холокост в СССР 1941–1945 гг. Москва, 2002. С. 233.

²⁹ Об оценке Ванзейской конференции см.: *Gerlach Ch.* Sur la conférence de Wannsee. Paris: Éditions Liana Levi, 1999; *Roseman M.* Die Wannsee-Konferenz. Wie die Bürokratie den Holocaust organisierte München/Berlin 2002; Gedenk- und Bildungsstätte Haus der Wannsee-Konferenz (Hrsg.): Die Wannsee-Konferenz und der Völkermord an den europäischen Juden. Berlin, 2006; Die Wannsee-Konferenz am 20. Januar 1942. Dokumente Forschungsstand Kontroversen. Herausgegeben von: Norbert Kampe und Peter Klein. Köln: Böhlau, 2013.

³⁰ У И. Альтмана ошибочно — 2.7.1941 г. (*Альтман И.* Жертвы ненависти. Холокост в СССР 1941–1945 гг. Москва, 2002. С. 233).

³¹ Нюрнбергский процесс над главными немецкими военными преступниками. Сборник материалов в трех томах. Том 3. Москва: Госюриздат, 1966. С. 247–248.

³² См. письмо Гейдриха унтер-статс-секретарю Лютеру (МИД) от 29.11.1941 г.: Kempner R. M. W. *Eichmann und Komplizen*. Zürich-Stuttgart-Wien, 1961, S. 127–128.

³³ СС в действии. Документы о преступлениях СС. Москва: Прогресс, 1969. С. 205–214.

³⁴ В совещании участвовали представители министерства оккупированных восточных областей, министерства внутренних дел, министерства юстиции, министерства иностранных дел, ведомства уполномоченного по четырехлетнему плану, партийной канцелярии, имперской канцелярии, правительства польского генерал-губернаторства, Главного управления СС по вопросам расы и поселений, РСХА.

³⁵ *Der Dienstkalender Heinrich Himmlers 1941/42*. Hg. von Peter Witte u.a. Hamburg 1999. S. 294.

³⁶ Показания свидетеля Dieter Wisliceny на заседании Международного Военного Трибунала 3 января 1946 г. // *Trial of the major war criminals before the International Military Tribunal. Nuremberg 14 November 1945 – 1 October 1946. Volume IV*. Published at Nuremberg, Germany, 1947. P. 360. См. также: заявление бывшего штандартенфюрера СС Курта Бехера от 8.3.1946 г. (Нюрнбергский процесс над главными немецкими военными преступниками. Сборник материалов в трех томах. Том 3 / Под общей редакцией Р.А. Руденко. Москва: Издательство «Юридическая литература», 1966. С. 587–588); письменные показания (ноябрь 1946 г., Краков) бывшего коменданта концлагеря Освенцим Рудольфа Хесса «Окончательное решение еврейского вопроса в КЛ Освенцим» (*Kommandant in Auschwitz. Autobiographische Aufzeichnungen von Rudolf Höß / Eingeleitet und kommentiert von Martin Broszat*. Stuttgart, 1958. S. 160).

Сергей Новиков
(Минск)

**ТРОСТЕНЕЦ В КОНТЕКСТЕ
СРАВНИТЕЛЬНОГО ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ
И НОВЕЙШЕЙ ИСТОРИОГРАФИИ
ПО ИСТОРИИ ХОЛОКОСТА В БЕЛАРУСИ
1941–1944 гг.**

В текущем году исполняется 70 лет с того момента, когда в урочище Благовщина под Минском (район деревень Малый и Большой Тростенец, далее — Тростенца), были ликвидированы следы преступлений, связанных с уничтожением нацистами десятков тысяч местных граждан, участников патриотического сопротивления, советских военнопленных, а также депортированных евреев из стран Центральной и Западной Европы. Лишь для части белорусского общества Тростенецкий лагерь смерти сохраняется в памяти знаковым историческим местом. Научный подход к изучению проблемы далеко не однозначен, отчасти это является наследием советских времен. Не было случайным, что одно из мест (Благовщина) массовых уничтожений до начала 1990-х годов оставалось фактически без знаков увековечивания. В то же время на обелиске жертвам Тростенецкого лагеря смерти (в 1963 г. открытого рядом с деревней Большой Тростенец) была установлена мемориальная доска с надписью: «Тут, у раёне вёскі Трасцянец, нямецка-фашысцкія захопнікі расстралялі, закатавалі, спалілі 201 500 чалавек, мірных грамадзян, партызан, ваеннапалонных Савецкай Арміі 1941–1944 гг.» («Здесь, в районе деревни Тростенец, немецко-фашистские захватчики расстреляли, замучили, сожгли 201 500 человек, мирных жителей, партизан, военнопленных Советской Армии 1941–1944 гг.»).

В настоящее время в свете указаний президента А.Г. Лукашенко о создании величественного общеевропейского мемориала Памяти в

Тростенце ведутся работы по мемориализации этой масштабной трагедии¹. Однако до сего времени у историков остаются вопросы в отношении отдельных фактов трагических событий. Тем более что в современной белорусской историографии так и не появилось специальное исследование, которое бы создавало комплексную картину о событиях в районе Тростенца и его ближайших окрестностей в 1941–1944 гг. и являлось бы надежным источником для поиска ответов на разные вопросы как истории, так и послевоенной памяти об этих событиях.

В основу статьи положены результаты компаративного анализа новых историографических фактов и неиспользованных ранее документальных источников. Полученные выводы дают основание для того, чтобы вновь обратить внимание историков и широкой общественности на некоторые аспекты процесса исследования истории Тростенецкого лагеря смерти. Представляется необходимым выявить степень соответствия существующей в настоящее время фактологической базы появившимся в последние годы новым взглядам, оценкам и исследовательским подходам. В этой связи важно выяснить степень корреляции фактов отечественной и зарубежной историографии в отношении тех трагических событий в районе Тростенца и определить полноту существующей документальной базы для возможно объективной реконструкции произошедшего.

Автор предлагает рассмотреть события исходя из того факта, что в будущем мемориале на территории бывшего лагеря смерти в районе Тростенца необходимо увековечить память не только гражданского населения Беларуси, партизан и подпольщиков, советских военнопленных, но и евреев, депортированных из стран Центральной и Западной Европы, т.е. всех фактических жертв нацистского политики уничтожения.

В отечественной литературе о Тростенецком лагере смерти, находившемся в годы германской оккупации на 11 км шоссе Минск–Могилев, закреплены следующие положения:

1) Лагерь был создан в ноябре 1941 г. около деревни Тростенец Минского района для массового уничтожения советских граждан и военнопленных, политических узников из европейских тюрем и лагерей Австрии, Германии, Польши, Франции и Чехословакии.

2) Массовые расстрелы проходили в урочище Благовщина (до октября 1943 г. было уничтожено 150 тыс. человек), затем в урочище

Шашковка (уничтожено более 50 тыс. человек), где была создана специальная яма-печь.

3) Доставленные в конце июня 1944 г. люди из минских тюрем и лагерей были сожжены в колхозном хлеву деревни Малый Тростенец и на штабелях дров рядом с ним (6,5 тыс. человек).

4) Всего в Тростенецком лагере смерти уничтожено 206,5 тыс. человек². Лагерь по количеству уничтоженных людей стоит на 4-м месте после Аушвица-Биркенау, Майданека и Треблинки.

Заметим, что автором цитируемого материала является профессиональный историк В.Ф. Романовский, докторская диссертация которого на тему «Немецко-фашистская оккупационная политика и ее крах в Беларуси (1941–1944 гг.)», успешно защищенная в Институте истории АН БССР в 1974 г., до настоящего времени не увидела свет в качестве самостоятельного издания.

Во второй половине 1980-х гг. вышла научно-популярная брошюра «Экскурсия в Тростенец» А.Г. Ванькевич — сотрудницы Белорусского государственного музея истории Великой Отечественной войны³. Материалы впервые знакомили широкую общественность с фактами, основу которых составляли статистические данные о жертвах в количестве 206 500 человек, установленных Чрезвычайной Государственной Комиссией в результате расследования преступлений немецко-фашистских захватчиков в Минске и его окрестностях в 1941–1944 гг. Заметим, что в начале научно-популярного издания середины 80-х помещено фото обелиска около деревни Большой Тростенец, на фоне которого горит пламя вечного огня (в последние годы законсервировано. — С.Н.) и на обелиске высвечивается мемориальная доска с цифрой 201 500 жертв.

Таким образом, базовым положением, закрепленном в белорусской советской и сохраненном в современной белорусской историографии, является тезис о массовом уничтожении советских граждан и военнопленных, а также зарубежных политических узников в Тростенецком лагере смерти общей численностью 206,5 тыс. человек. При том что цифры, принятые на то время в научном и закрепленные в общественном дискурсе (пример установленной мемориальной доски), не всегда совпадали между собой. Историки советского времени не объясняли, по понятным причинам, почему не были сделаны шаги по раскрытию объективной природы происхождения общей цифры жертв в районе Тростенца.

В начале 2000-х годов в Минске состоялась международная научная конференция «Геноцид во Второй мировой войне: проблемы ис-

следования (в память жертв Тростенца)», на которой автором этих строк была высказана мысль о том, что «для отечественных историков настоящее исследование той исторической, научной и международной проблемы только начинается»⁴. Ход последующего изучения этой проблематики подтвердил актуальность сказанного. Буквально через год профессиональными историками, музейными работниками и архивистами издается уникальный сборник «Лагерь смерти Тростенец», состоявший из архивных документов и материалов. В научный оборот были введены 117 документов, 107 из них были опубликованы впервые, в том числе: 87 — из фондов Национального архива РБ, 11 — из Центрального архива КГБ РБ, 4 — из Государственного архива Минской области, 5 — из Белорусского государственного музея истории Великой Отечественной войны. Главной целью являлась публикация документов о местах массового уничтожения людей в окрестности деревни Малый Тростенец под Минском в 1942–1944 гг.⁵ Отметим хронологические рамки комплекса выявленных и введенных архивных документов одновременно как истории реального существования мест массового уничтожения в районе Тростенца.

Среди опубликованных материалов особый научный интерес для анализа нашей проблематики представляют три документа, которые наиболее полно отражают суть исследуемой проблематики.

Первый из них подается в издании под № 65 — «Акт Минской областной комиссии содействия в работе ЧГК (Чрезвычайной Государственной Комиссии) СССР о преступлениях гитлеровцев в районе деревни Малый Тростенец» от 25 июля 1944 г.⁶, второй под № 67 — «Акт Минской областной комиссии содействия в работе ЧГК СССР о массовом истреблении гражданского населения и военнопленных на территории Минска и его окрестностей в 1941–1944 гг.» от 13 августа 1944 г.⁷ Заметим, что в первом документе, подписанном комиссией во главе с Героем Советского Союза генералом-майором В.И. Козловым, закрепляется тот важный факт, что «по самым минимальным подсчетам, в районе лагеря Тростенец фашистскими людоедами уничтожено 546 тысяч человек, из них в 34 могилах захоронены остатки (пепел и кости) 476 тысяч человек, в печи сожжено 68 тысяч человек, в сараях и на бревнах сожжено 2 000 человек»⁸. Приблизительно через три недели по непонятным причинам появляется новый документ, но на этот раз оформленный комиссией во главе с академиком медицинских наук АН СССР генерал-полковником медицинской службы Н.Н. Бурденко

и В.И. Козловым, а также другими членами комиссии. Новым актом закреплялось следующее положение: «урочище Благовщина являлось местом массовых расстрелов мирных советских граждан с первых дней оккупации до дней прихода Красной Армии... Всего в урочище Благовщина истреблено до 150 тысяч человек... В сарае и на штабеле бревен в д. М. Тростенец было сожжено около 6,5 тысяч человек»⁹. Заметим, что в этом документе не приведены данные о жертвах в урочище Шашковка, где с осени 1943 г. немцы построили специальную печь-яму для сожжения трупов расстрелянных и удушенных окисью углерода в «дешегубках»¹⁰. Кроме того, в документе не была указана и общая численность жертв, уничтоженных в районе Тростенца. Напомним читателю, что второй документ, опубликованный полностью, но без указанной цифры, известен с середины 1960-х годов¹¹.

Среди впервые опубликованных особого внимания заслуживает третий документ, приведенный в сборнике под № 68 — «Из справки начальника отдела Белорусской республиканской комиссии содействия в работе ЧГК СССР Г.Л. Логинова о массовом истреблении гражданского населения в окрестностях Минска в 1941–1944 гг.» от 25 августа 1944 г.¹² При этом необходимо учитывать профессиональный опыт автора той исторической справки. На момент проведения работ по расследованию старший лейтенант Логинов имел среднее образование, был членом КПСС с 1928 г., до войны работал заведующим отдела кадров Белкоопромсовета, во время войны служил в органах НКВД БССР, в 1944–1945 гг. — следователем. С 20 июля 1944 г. находился в составе Минской областной комиссии содействия ЧГК СССР, проводил работы по обеспечению раскопок могил жертв немецко-фашистских захватчиков в Минске. С 28 августа он был начальником отдела расследований и учета преступлений по Белорусской ССР, но за три дня до этого назначения, 25 августа 1944 г., им была составлена в полном смысле слова историческая справка, в которой были подытожены масштабы массового уничтожения людей в районе деревень Малый и Большой Тростенец. В связи с чрезвычайной важностью документа очевидно приведение его полного содержания в соответствии с «подлинником» в издании «Лагерь смерти Тростенец»:

«г. Минск, 25 августа 1944 г.

Большой Тростенец, лес Благовщина (подчеркнуто в документе. — С.Н.). Обнаружено 34 ямы-могилы.

1. Длина ямы 35 м, шир[ина] 5 м, гл[убина] 3 м. В среднем в каждой яме похоронено 3 675 чел.

Люди, привезенные из Германии, Чехословакии, Австрии и других государств.

В 34 ямах-могилах похоронено 150 000 человек.

Малый Тростенец, лагерь.

1. Обнаружен колхозный сарай, сожженный с людьми, в количестве 6 500 человек. По подсчету и медицинскому определению.

Вблизи деревни Малый Тростенец обнаружена печь-крематорий.

По показаниям свидетелей, сожжено советских граждан с 1943 г. до прихода Красной Армии 50 000 человек».

Справку составил: Логинов¹³

Таким образом, на основе этих данных вводилась общая статистика жертв в районе Тростенца в количестве 206,5 тыс. человек. Кроме того, необходимо иметь в виду несколько важных моментов, вытекающих из приведенных в документе подсчетов. Читатель может сразу обратить внимание на округление числа жертв в урочище Благовщина, где, следуя подсчетам следователя, было уничтожено ровно (!) 150 000 человек. Однако при умножении цифры 3 675 жертв, указанных в справке как среднеарифметические данные уничтоженных в одной яме, на их общее количество (34 ямы), получится цифра 124 950 (!). Еще на один момент хотелось бы обратить внимание: в первой строке документа, указанного авторами сборника как «подлинник», по непонятным причинам отсутствует запись под номером 4 «в среднем 7 человек на кубометр»¹⁴, фигурирующая в архивном оригинале документа, хотя авторы сборника утверждали, что приведен «подлинник справки»¹⁵. Здесь речь идет об усредненном расчете, используемом при специальных подсчетах в ходе проведения расследований на местах немецких преступлений на всей временно оккупированной территории СССР.

Вместе с тем привлечение дополнительных документов способствовало углублению понимания отдельных аспектов трагических событий на территории Тростенецкого лагеря смерти, прежде всего в вопросе установления численности жертв нацистов в окрестностях Минска. Однако, несмотря на доступность новых документов и значительное расширение базы источников в исторической литературе, по настоящее время сохраняются концептуальные положения советской историографии. Белорусскими историками до сих пор не проведено

специальное комплексное исследование по истории лагеря смерти в районе Тростенца на основе всех доступных отечественных и зарубежных документальных и историографических источников, прежде всего немецкого происхождения, их критического сопоставления и объективного анализа.

Первостепенными задачами исследования являются, с одной стороны, максимальное привлечение новых документов, а с другой — их рассмотрение на основе анализа уровня их достоверности в отношении каждого из мест массового уничтожения населения и военнопленных.

Среди важных предпосылок для пересмотра истории событий в Тростенце является совершенствование методики проводимых исследований, расширение круга изучаемых вопросов, но в первую голову работа по тщательному выявлению и критическому анализу новых документальных источников. Только с помощью документов сегодня можно установить истину. Нельзя при этом не учитывать и тот факт, что в настоящее время в исторической науке под названием Тростенецкий лагерь смерти обобщены разные места, относящиеся к событиям не только белорусской, но и общеевропейской истории.

Особенное видение «места уничтожения с международными функциями» в районе Тростенца предлагает белорусская исследовательница Т.Г. Вершицкая. В специальной статье, подготовленной для фундаментальной энциклопедии «Холокост на территории СССР»¹⁶, на основе документальных и историографических фактов, в том числе немецких, автор вносит определенные уточнения в традиционное видение истории Тростенецкого лагеря смерти. Первым из них является, на наш взгляд, важное уточнение хронологических рамок существования лагеря как места уничтожения — не осень 1941 г., а май 1942 г., когда в районе Тростенца был практически полностью уничтожен первый транспорт с европейскими евреями. До конца войны два урочища — Благовщина и Шашковка — являлись главными местами «систематического уничтожения гражданского населения, в том числе белорусских евреев, пленных из Минска и окрестностей, а также заключенных и евреев из стран Западной Европы — Австрии, Германии, Польши, Румынии, Чехословакии, Франции»¹⁷. В своей статье Т.Г. Вершицкая обращает внимание на факт разночтения общей цифры жертв, уничтоженных в М. Тростенце: 201,5 тыс., 206,5 тыс., 250 тыс., 546 тыс. При этом автор убеждена, что установить точные данные о количестве

жертв невозможно, так как с октября 1943 г. зондеркоманда 1005 проводила эксгумацию и сжигала трупы из могил массового захоронения в урочище Благовщина. По данным ЧГК, приведенных в энциклопедической статье, всего в 34 ямах было погребено 150 тыс. человек. По некоторым данным, на что обращает особое внимание Т.Г. Вершицкая, эта цифра составляла 60 тыс. человек. В последнем случае автор обращается к известной ей цифре из работы Герлаха. Заметим, что немецкий историк делает при этом оговорку, что эта цифра им расценена как итог «грубых подсчетов»¹⁸.

На наш взгляд, в современной зарубежной историографии по этой проблематике важным вкладом стало исследование немецкого историка Петры Рентроп, автора книги «Места уничтожения «окончательного решения». Минское гетто и место уничтожения Малый Тростенец»¹⁹, вышедшей в берлинском издательстве METROPOL в конце 2011 г. Заметим, что работа была выполнена в Центре по исследованию антисемитизма Технического университета Берлина в рамках проекта «Национал-социалистические места заключения и уничтожения в Беларуси: история Минского гетто и лагеря смерти Тростенец»²⁰.

В своем исследовании П. Рентроп называет Тростенец, используя для этого не обобщающее название, а документальные термины: трудовой лагерь Малый Тростенец и места массового уничтожения в районе Тростенца (Благовщина, Шашковка, сарай). Автор ставит под сомнение факт ведения в урочище Благовщина расстрелов нееврейского населения и советских военнопленных начиная с осени 1941 г. В основе такого утверждения — документальная база, точнее ее отсутствие в отношении создания и функционирования такого места расстрелов с осени 1941 г. Одна из главных причин такой ситуации лежала в том, что акции по уничтожению являлись прямой обязанностью минской полиции безопасности и службы безопасности (СД), на то время некомплектованной необходимым штатом для проведения масштабных работ за чертой города. По оценке немецкого автора, подтвержденной документально, трудовой лагерь был создан на территории бывшего колхоза имени Карла Маркса рядом с деревней Малый Тростенец в конце апреля 1942 г. Первый расстрел в урочище Благовщина был проведен 11 мая, когда в ходе акции были уничтожены около 1 тыс. венских евреев. Новой в работе нам видится мысль Рентроп о том, что возобновление депортации европейских евреев в направлении Минска являлось определяющим условием для создания места массового унич-

тожения в Благовщине. В период с мая по октябрь 1942 г. в Минск и Малый Тростенец (через станцию Колодищи. — *С.Н.*) прибыли 16 эшелонов с депортированными евреями: из них 9 — из Вены, 5 — из Терезиенштадта (с австрийскими евреями. — *С.Н.*), и по одному из Кенигсберга и Кельна²¹. Из почти что 23 тыс. депортированных в Минск и Малый Тростенец остались в живых только удалось 65 евреям. Общее количество тех, кто был уничтожен в районе Тростенца, составляет около 60 тыс. человек, из них в Благовщине, как отмечает П. Рентроп, было уничтожено свыше 30 тыс. евреев²². При этом она отмечает, что Герлах бездоказательно принял официальную советскую цифру в 6 500 жертв, уничтоженных в сарае на краю деревни в конце июня 1944 г. По ее подсчетам, эта цифра должна быть меньше, но точные данные о всех жертвах получить невозможно²³.

Обратим внимание читателя на то, что основой для выводов П. Рентроп послужили главным образом материалы судебных процессов над нацистскими преступниками послевоенной Германии. В отношении фактов уничтожения жертв в урочище Благовщина она обращается к материалам следствия над бывшим руководителем рабочей команды во главе с гауптшарфюрером СС Адольфом Рюбе, в состав которой входили 3–4 его помощника, направленных от минской полиции безопасности и СД в распоряжение зондеркоманды 1005. По сведениям Рюбе, его функциональные обязанности состояли в том, чтобы вместе с советскими военнопленными вскрывать ямы, доставать оттуда остатки, раскладывать их в несколько ярусов для сожжения и поджигать. В скором времени, как показывал на допросах в ходе следствия Рюбе, русские сами настолько хорошо работали, что ему ничего не оставалось, как лишь наблюдать за этим²⁴. Тогда остается совсем непонятным, почему итогом прямых «наблюдений» оказалась абсолютно неточная цифра общего количества жертв, выявленных в 34 траншеях. По показаниям Рюбе, эта цифра составляла от 40 до 55 тысяч (!). Очевидно, что такая большая разница не должна иметь место, если бы Рюбе отвечал за подсчеты и вел их постоянно. Но важным в его показаниях нам видится то, что он упоминает имена других очевидцев событий, среди них и старшего лейтенанта Отто Гольдапа, офицера ведомства минской полиции безопасности и СД, который с 27 октября и по 15 декабря 1943 г. (т.е. в течение всего времени проведения работ зондеркомандой 1005 в урочище Благовщина) выполнял обязанности заместителя командира. Показания этого офицера относительно обще-

го числа жертв в урочище Благовщина до настоящего времени не были использованы в исследованиях ни П. Рентроп²⁵, ни К. Герлахом²⁶, ни Т.Г. Вершицкой²⁷, ни другими исследователями этой проблематики.

Особая исследовательская важность сведений, полученных из показаний старшего лейтенанта Гольдапа, в нашем случае заключается в том, что им названо общее количество жертв, следы которых были уничтожены под его контролем зондеркомандой 1005 в урочище Благовщина в течение 6 недель с конца октября до середины декабря 1943 г. Следуя этим данным, зафиксированным в ходе судебного процесса, команда изыкала за это время и сожгла трупы в общей сложности до 100 тыс. человек²⁸. Таким образом, перед нами новые данные, касающиеся общего числа жертв лишь в одном из мест массовых уничтожений в районе Тростенца, в урочище Благовщина.

Эти сведения расходятся не только с данными советских источников в документах ЧГК, но и с данными немецких документов, полученных в ходе послевоенных судебных процессов. В этой связи возникают другие вопросы, особенно связанные с утверждением, что на сегодня установить точные данные о количестве жертв в Тростянце уже невозможно. Мы согласны, что найти убедительные доказательства по массовому уничтожению людей — даже в одном таком месте — урочище Благовщина автору пока не удалось. Однако в данных о жертвах, введенных в последнее годы немецкими историками, не учтена часть документов, оказавшихся для них неизвестными. Хотя новые данные вряд ли способны дать ответ на все вопросы, связанные с оценкой численности жертв в Тростенце, они способны серьезно помочь в решении проблемы.

В таком контексте возникает резонный вопрос о природе происхождения всей имеющейся статистики. Как известно, в ее основе лежат данные Чрезвычайной Государственной Комиссии (ЧГК) и местных комиссий по содействию, установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников и учету причиненного ими ущерба по Белорусской ССР. Выше уже говорилось о подсчетах, проведенных представителями разных комиссий в Тростенце. При этом необходимо иметь в виду, что представителями Минской областной комиссии в урочище Благовщина были обнаружены 34 ямы-могилы, некоторые из них достигали в длину 50 и более метров, но только на 5 из них (!) были заложены контрольные шурфы, при том что указанные ямы при этом были вскрыты лишь частично²⁹. К тому же про-

стое сравнение данных минской комиссии говорит об отходе от практики применения общеустановленной методики подсчетов, использовавшейся комиссиями ЧГК. Примером такой непоследовательности могут служить данные, приведенные в Акте минской комиссии содействия ЧГК СССР. В ней указано, что на кладбище военнопленных у деревни Глинище, в 5 км от Минска у железной дороги Минск–Молодечно обнаружено 197 ям-могил, и в 60 их них (при длине каждой 30 м, ширине 30 м, глубине 4 м и при 7 людях на кубический метр) было похоронено 24 200 человек (!). Тогда как в ямах-могилах в Благовщине, при меньших объемах, количество жертв оказалось в несколько раз большим.

Очевидно, что данные ЧГК, при всей важности этого источника, нуждаются в критическом анализе, уточнении и корректировке. Сопоставление данных ЧГК (476 тыс., 150 тыс.) и новых документальных материалов (около 100 тыс.), выявленных в фондах Центрального архива ФСБ РФ, а также уже введенных в немецких документах, особенно материалов судебных процессов, показывает, что общее количество жертв в урочище Благовщина, главном месте массовых уничтожений в районе Тростенца, нуждается в существенной корректировке, причем в сторону понижения. Однако и последняя цифра требует всесторонней научной верификации.

При этом понятно, что свидетельства очевидцев во многом субъективны и далеко не всегда могут соответствовать реальным событиям. На наш взгляд, именно поэтому в уточнении нуждается не только статистика по урочищу Благовщина, но и по другим местам массовых уничтожений в районе Тростенца.

Примечательно, но методологические и источниковедческие проблемы, связанные с оценкой количества жертв, стали одной из главных тем дискуссии на Международной научной конференции «Лагерь смерти Тростенец в европейской памяти»³⁰, состоявшейся в Минске 21–24 марта 2013 г. Не случаен и вывод конференции о том, что Тростенец и в настоящее время требует самого острого внимания. На основе не использованных ранее источников на ней была озвучена новая цифра около 100 тыс. человек, уничтоженных в урочище Благовщина. Причем цифра, которая существенно отличается, с одной стороны, от данных из материалов ЧГК, а с другой — оспаривает подходы немецких историков в отношении уменьшения общего количества жертв в местах массовых уничтожений в районе Тростенца.

Кроме того, эта дискуссия оказалась важна в общественном плане: в ходе работ по мемориализации событий исторической трагедии на всей территории Тростенецкого лагеря смерти остаются без должного внимания новые выводы белорусской исторической науки. Более того, в основу архитектурных проектов, представленных широкой общественности в ходе конференции в Минске, закладываются данные, не только критически не выверенные, но и принятые без обсуждения с профессиональными военными историками. Имеется опасность повторного воспроизведения сведений, которые приведены на мемориальной доске главного памятника советского времени рядом с деревней Большой Тростенец.

Эта ситуация подчеркнула еще раз, что без должной научной базы нельзя идти по пути публичных игр с исторической памятью. Ошибки в обхождении со своей историей приводят к беспамятству. Так, в Минском бюро по туризму фактически не проводятся полноценные экскурсии на одном из самых масштабных мест массовых уничтожений в Беларуси, сохраняющему до сего дня не только свои «белые пятна», но и остающемуся без должного внимания научной общественности³¹.

Один из главных выводов приведенного анализа состоит в том, что выявленный комплекс источниковой базы ставит перед белорусской историографией задачу по проведению специального научного исследования с учетом новейших методологических подходов, особенно компаративного анализа отечественных и зарубежных источников с целью подтверждения общепринятого или получения нового научного знания о местах массовых уничтожений в районе Тростенца.

Примечания

¹ Лукашенко А.Г. Выступление Президента на мемориальном комплексе «Яма» 21 октября 2008 г. / А.Г. Лукашенко [Электронный ресурс]. — 2008–2013. — Режим доступа: http://www.sb.by/post/vystuplenie_prezidenta/ — Дата доступа: 01.02.2013.

² Раманоўскі В.П. Трасцянецкі лагер смерці / В.П. Раманоўскі // Беларусь у Вялікай Айчыннай вайне, 1941–1945: Энцыклапедыя; Рэдкал. І.П. Шамякін (гал. рэд.) і інш. Мінск, 1990. С. 590.

³ Ванькевич А.Г. Экскурсия в Тростенец. Минск, 1986.

⁴ Новікаў С.Я. Трасцянецкі лагер як аб'ект сучаснай германскай гістарыяграфіі / адк. рэд. К.І. Казак, А.М. Літвін, У.Н. Сідарцоў // Генацыд у Другой сусветнай вайне: праблемы даследавання (у памяць ахвяр Трасцянца): Матэрыялы міжнароднай навуковай канферэнцыі, 25–27 красавіка 2002 г., Мінск. Мінск, 2003. С. 68.

- ⁵ Лагерь смерти Тростенец. Документы и материалы / Сост. В.И. Адамушко, Г.Д. Кнатько, Н.Е. Калесник, В.Д. Селеменов, Н.А. Яцкевич. Под ред. Г.Д. Кнатько. Минск, 2003. С. 12.
- ⁶ «Акт Минской областной комиссии содействия в работе ЧГК СССР о преступлениях гитлеровцев в районе деревни Малый Тростенец» от 25 июля 1944 г. // Лагерь смерти Тростенец. Документы и материалы... С. 102–106.
- ⁷ Лагерь смерти Тростенец. Документы и материалы... С. 110–116.
- ⁸ Лагерь смерти Тростенец. Документы и материалы... С. 106.
- ⁹ Лагерь смерти Тростенец. Документы и материалы... С. 113.
- ¹⁰ Там же.
- ¹¹ Преступления немецко-фашистских оккупантов в Белоруссии. 1941–1944. Минск, 1965. С. 222–227.
- ¹² Лагерь смерти Тростенец. Документы и материалы... С. 116–117.
- ¹³ Там же.
- ¹⁴ Национальный архив Республики Беларусь (далее — НА РБ): Массовые истребления мирных жителей г. Минска и окружающих деревень немецко-фашистскими захватчиками и их сообщниками в 1941 г., 1942 г., 1943 г., 1944 г. (Фонд 845. Оп. 1. Д. 63. Л. 59).
- ¹⁵ Лагерь смерти Тростенец. Документы и материалы... С. 117.
- ¹⁶ Холокост на территории СССР: Энциклопедия / Гл. ред. И.А. Альтман. М., 2009.
- ¹⁷ *Вершицкая Т.Г.* Тростенец // Холокост на территории СССР: Энциклопедия. С. 987.
- ¹⁸ *Gerlach Ch.* Kalkulierte Morde. Die deutsche Wirtschafts- und Vernichtungspolitik in Weissrussland 1941 bis 1944. Hamburg, 1999. S. 770.
- ¹⁹ *Rentrop P.* Tatorte der Endlösung. Das Ghetto Minsk und die Vernichtungsstätte von Maly Trostinez. Berlin, 2011.
- ²⁰ *Новікаў С.Я.* Мінскае гета і Малы Трасцянец: новае даследаванне. Беларускі гістарычны часопіс. 2012. № 3. С. 25–34.
- ²¹ *Rentrop P.* Tatorte der Endlösung... S 203.
- ²² Там же. S. 211.
- ²³ Там же. S. 227.
- ²⁴ *Kohl P.* Das Vernichtungslager Trostenez. Augenzeugenberichte und Dokumente. Dortmund, 2003. S. 77.
- ²⁵ *Rentrop P.* Tatorte der Endlösung. S 253.
- ²⁶ *Gerlach Ch.* Kalkulierte Morde. S. 1210.
- ²⁷ *Вершицкая Т.Г.* Тростенец. С. 987.
- ²⁸ Центральный архив ФСБ РФ: Дело № К-519289; Протокол допроса арестованного от 28 января 1950 г. Л. 62.
- ²⁹ Преступления немецко-фашистских оккупантов в Белоруссии. 1941–1944. С. 225.
- ³⁰ *Канюта В.* Трасцянец патрабуе ўвагі // Звязда. 2013. 3 марта. С. 5.
- ³¹ Там же. С. 5.

Александра Черкасски
(Бохум)

МЕСТО ХОЛОКОСТА В СОВЕТСКОМ МЕМОРИАЛЬНОМ ЛАНДШАФТЕ*

В рамках официальной памяти, во многом определяемой уже самой формой политического правления в Советском Союзе, имплицитным становится понятие «политика памяти». Эта нормативная память, находящаяся под контролем государства, проявлялась в общественной сфере. В то же время любые иные интерпретации и варианты памяти были смещены в частную сферу и превращались поэтому в «частную память»¹. Официальная или государственная память реализовывалась, как правило, в местах, куда было легко попасть всем желающим: в ее сфере оказывались памятники, официально признанные властями, которые располагались обычно у всех на виду, часто в центре городов и сел (на площадях и в скверах). Даже если такие памятники находились в сельской местности (а иногда они целенаправленно ставились вблизи от важных дорог), они все равно попадали в сферу официальной пропаганды.

Примерами проявления частной памяти могут служить неофициальные памятники, находившиеся вне рамок действия стабильной инфраструктуры городов и сел — на кладбищах либо непосредственно в местах массового уничтожения населения, нередко в труднодоступных для ухода и посещения местах. Они не были включены в образовательные программы, куда приводили школьников и экскурсантов. То есть, оставаясь составной частью общественной культуры, они были вытеснены из официальной памяти в частную.

В данной статье на конкретных примерах создания памятников жертвам Холокоста будет рассмотрен вопрос о том, где и при каких

условиях в советском мемориальном ландшафте было выделено место памяти евреям-жертвам Второй мировой войны.

Чтобы понять, из чего исходили власти, когда они давали разрешение на установление памятника или, наоборот, отклоняли инициативы евреев по увековечению жертв Холокоста, а также оценить эти действия в рамках сопоставления официальной и частной памяти, остановимся на ряде вопросов: 1) положение и статус евреев в Советском Союзе; 2) положение еврейских религиозных общин начиная с 1943 г.; 3) юридические основы деятельности этих общин по установке памятников жертвам Холокоста начиная с 1947 г.; 4) общая юрисдикция установки памятников в Советском Союзе.

В Советском Союзе понятие «еврей» означало этническую принадлежность человека, в то время как «иудей» отражало принадлежность к одному из вероисповеданий. Формально советские евреи обладали всеми правами и обязанностями, как и другие этнические группы, проживавшие на советской территории². Что касается вероисповедания, то в Советском Союзе не только церковь была отделена от государства, но и вся религиозная деятельность находилась под жестким контролем специально для этого созданных органов. С 1943/1944 гг. такими инстанциями стали Совет по делам религиозных культов (куррировавший все неправославные группы верующих) и Совет по делам Русской православной церкви. Позже, в 1965 г., эти два совета были слиты в один общий «Совет по делам религий»³. В соответствии с имевшимся положением, все действия официально зарегистрированных иудейских религиозных общин контролировались непосредственно Советом по делам религиозных культов и его региональными отделениями. В соответствии с советским законодательством, все религиозные обряды были разрешены только в пределах молитвенных зданий (у евреев исключение составляла выпечка мацы и кошерный убой скота). Исходя из этого, в рамках деятельности религиозных общин основной возможностью поминовения погибших в Холокосте со стороны как религиозных, так и нерелигиозных евреев, стала поминальная молитва, произносимая в ходе религиозных служб⁴.

Особой сферой поминальной активности еврейских общин стала установка памятников. Однако это выходило за рамки действий, предписанных и разрешенных еврейским религиозным общинам. В результате еврейские общины часто сталкивались с препятствиями со стороны не только контролирующих их отделов Совета по делам религий, но и местных властей.

Следует уточнить, что после войны установка памятников входила в компетенцию Комитетов по делам архитектуры и искусств при Совете Министров СССР, а также отделов коммунального хозяйства⁵. Позже, после создания Министерства Культуры СССР в 1953 г. и его местных отделений, вопросы установки мемориальных памятников перешли под контроль этого ведомства⁶.

Альтернативная возможность для поминания родных и близких у членов еврейских религиозных общин существовала благодаря тому, что формально вся деятельность, связанная с похоронами и кладбищами, входила в ведение отделов коммунального хозяйства. При этом фактически сами кладбища, разделенные по конфессиональному (этническому) признаку или отдельные конфессиональные (национальные) участки на общих кладбищах, нередко передавались для ухода за могилами и благоустройства их территории религиозным общинам⁷. То есть возникала юридически не совсем ясная ситуация. С одной стороны, общины, подчиненные местным отделениям Совета по делам религий, не имели права заниматься ежегодным ритуалом поминовения и использовать специфическую национальную символику на надгробных плитах и памятниках. С другой стороны, кладбища — даже конфессиональные — в отличие от молельных зданий не входили в компетенцию Совета по делам религиозных культов, и он не мог вмешиваться в эту деятельность. Во избежание этой административной путаницы, в 1947 г. на совместном заседании Совета по делам религиозных культов и Совета по делам Русской православной церкви было решено, что кладбищенское дело находится под надзором органов коммунального хозяйства и «в силу этого вопрос о состоянии кладбищенского хозяйства не может входить в компетенцию работы обоих Советов»⁸. Таким образом, многие конфессиональные кладбища оказались в так называемой «серой зоне», в которой при передаче территории кладбища для ухода религиозной общине открывалась возможность работы по увековечению погибших в годы Второй мировой войны. В то же время религиозные общины и инициативные группы не имели полной свободы действий по установлению памятников, даже на кладбищах, без согласования своих планов с местными властями.

Для иллюстрации сложившегося положения приведем несколько примеров установления памятников еврейскими общинами или частными инициативными группами. При этом сразу необходимо оговориться, что вид памятников определялся не только диктатом властей,

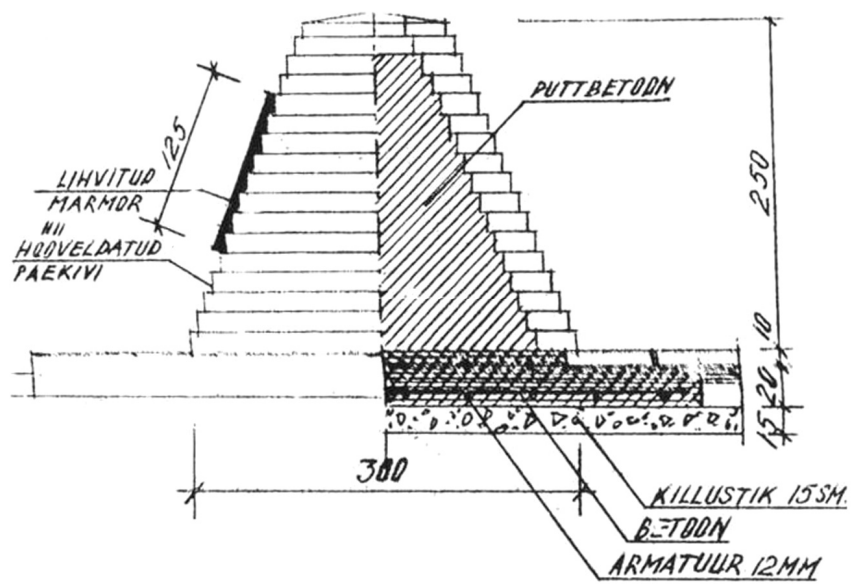
но и самоцензурой членов еврейских религиозных общин и других инициативных групп евреев, которые опасались последствий для себя и для своих семей. Независимо от причин, следует констатировать, что имелось немало памятников, которые ничем не отличались от официальных образцов, украшенных пятиконечной звездой и имевшими общие завуалированные надписи типа «Памятник жертвам фашизма», «Памятник в память о мирных жителях» либо «в память о мирных гражданах». Однако понять, какие из памятников стали результатом самоцензуры евреев, а какие приняли такую форму из-за вмешательства властей, можно, только ознакомившись с материалами семейных и частных архивов, а также с официальными документами, находящимися в государственных архивах.

Историю установления памятника на кладбище Рахумяэ в Таллинне можно проследить на основе документов из частного архива Льва Шаломовича Минкова, хранящихся в Архиве эстонских евреев Еврейского музея Эстонии⁹, а также по воспоминаниям его дочери Шуламит Минковой¹⁰. Лев Шаломович Минков (1905–1978) в 1968–1978 гг. был председателем правления Еврейской религиозной общины Таллинна и приложил немало усилий для увековечивания памяти жертв Холокоста в Эстонии. В середине 1968 г. члены правления Еврейской религиозной общины развили активную деятельность в надежде получить от местных властей разрешение на установку памятника с мемориальной доской в еврейской части городского кладбища. К прошению, отправленному на имя городских властей и подписанному 55 членами общины, был приложен проект и текст мемориальной доски на трех языках: эстонском, русском и идише — «Жертвам фашизма 1941–1944». Это была 2,5-метровая стела с памятной доской на лицевой стороне (илл. 1, 2).¹¹

В обращении указывалось, что все расходы по изготовлению и установке памятника община берет на себя. В прошении и в дальнейшей переписке с городскими властями руководство общины разъяснило, что поскольку евреи Таллинна были депортированы нацистами в лагерь смерти, расположенные за пределами СССР, то у их родных и близких нет возможности посещать места их массовых захоронений, тем более что эти места неизвестны. Поэтому установление мемориальной доски в память о погибших на городском кладбище Таллинна дало бы возможность родным и близким возлагать цветы в этом месте. Последним звеном в этой переписке с властями стал официальный отказ

Илл. 1. Проект памятника в Рахумея

Илл. 2. Проект памятника в Рахумея

Илл. 3. Памятник в Рахумяе

Совета народных депутатов города Таллинна, составленный 22 августа 1969 г. Тем не менее после нескольких повторных обращений и просьб руководство общины в 1973 г. получило, наконец, от главного архитектора города Дмитрия Брунса неоднозначный устный ответ, из которого следовало, что получить официально разрешение на открытие мемориальной доски невозможно, но если подобный памятный знак будет установлен, то местные власти никаких действий по его демонтажу предпринимать не будут¹².

В результате в течение одной ночи на кладбище был установлен памятник с надписью на четырех языках — иврите, идише, эстонском и русском. На иврите и идише: «Мы Вас никогда не забудем», а на эстонском и русском — «В память жертвам фашизма»¹³ (илл. 3).

Другим примером деятельности по увековечению жертв Холокоста может служить история установления памятника в месте расстрела еврейского населения Рославля (Смоленской области), на еврейском кладбище. Эту историю можно восстановить благодаря записям Елены Алексеевны Ивановой, внучатой племянницы Ф.М. Достоевского, опубликованным в 2012 году центром «Холокост» и Российским еврейским конгрессом¹⁴. Сравнив изначальные наброски проекта памятника с его конечной версией, которая была реализована в 1968 году, можно говорить о тех изменениях, которые произошли в ходе реализа-

ции этого проекта. В итоговом памятнике форма и надпись уже полностью соответствовали официальным образцам: обелиск увенчан пятиконечной звездой, а надпись вместо изначального текста на идише сделана исключительно на русском языке: «Здесь покоятся останки более тысячи советских граждан — женщин, стариков и детей, замученных и убитых фашистами в 1942 году»¹⁵.

Аналогичный случай вмешательства властей в процесс установки памятника на месте расстрела еврейского населения имел место и в городе Червень, Белорусской ССР. На это указывает в своей статье «Это было в Червене» Леонид Смиловицкий, основываясь на докладной записке секретаря Минского областного комитета комсомола И.Е. Полякова секретарю Минского областного комитета партии В.И. Козлову¹⁶. Благодаря публикации самого документа у нас имеется возможность проанализировать аргументацию местного комсомольского деятеля. В этом письме бывшим партизаном Поляковым ставится вопрос, связанный с юрисдикцией работ «по увековечиванию памяти павших в борьбе с гитлеризмом».

Во-первых, важно то, что Поляков рассматривал все жертвы национал-социализма («немецко-фашистских захватчиков») исключительно в героическом контексте «борьбы». Следовательно, гражданским жертвам придавались черты активных участников противостояния нацистским оккупантам и статус павших героев. Исходя из этого подхода, память о героях не могла быть передана в частные руки, а уж тем более недопустимым было подчеркивание их национального происхождения. По мнению Полякова, если даже частная инициатива в какой-то мере была допустима, то происходить это должно было «только с разрешения органов Советской власти». В связи с этим возникает вопрос: исходил ли он из общегосударственных нормативных директив по отношению к уничтоженному мирному населению, и если да, то насколько местные власти в Таллинне и в Рославле также руководствовались такими директивами?

Стоит упомянуть, что сами понятия официальных категорий жертв и героев Второй мировой войны развивались в Советском Союзе поэтапно¹⁷. Вопрос в том, насколько гражданские жертвы в конце 40-х гг. причислялись к категории героических¹⁸, что становилось особенно важным в рамках общего занижения числа жертв: официальная послевоенная цифра составила 7 миллионов человек, в противовес принятой сегодня оценке в 26 миллионов¹⁹.

Илл. 4. Памятник в Куренце

Во-вторых, в записке Полякова отсутствует разграничение разных категорий мест памяти. То есть предполагается, что памятник должен быть поставлен не на территории кладбища, иначе это бы прозвучало в его тексте, а на одном из мест массового уничтожения под названием «Глинице», расположенном вне кладбищенской территории на Заметовской улице²⁰. В конечном итоге в 1968 г. после длительной бюрократической процедуры и неблагоприятных последствий для лиц, которые занимались этим в конце 1940-х гг., был поставлен памятник. Таким образом, благодаря ходатайству инициативной группы евреев были возведены памятные знаки, хотя их содержание пришлось согласовывать с местными властями.

Наряду с такими памятниками, как те, о которых говорилось выше, имеется другая категория памятников, поставленных на еврейских кладбищах/ еврейских участках общих кладбищ и в местах массового уничтожения евреев на окраинах местечек и сел, в которых прямо указана национальность жертв. Например, в местечке Куренец в Белорусской ССР памятник был поставлен в 1955 г.²¹ По форме памятник представляет собой маленький обелиск, украшенный сверху пятиконеч-

Илл. 5. Памятник в Куренце

ной красной звездой. Текст на памятнике выбит на русском языке: «Здесь покоятся 1040 человек еврейской национальности места Куренец, зверски замученных фашистскими захватчиками в сентябре (19)42 г.»²² (илл. 4, 5). Аналогичные памятники существуют в других местах, на которых посредством надписей на идише показана национальная принадлежность жертв, как, например, в Дзержинске, недалеко от Минска. На этом памятнике надпись по-русски гласит: «В жизни и смерти неразлучимы», и далее следует добавочная надпись на идише и на русском: «Здесь лежат 1600 граждан города Дзержинска, погибшие от руки фашистских убийц 21 октября 1941г.»²³. Более того, часть памятников с прямым указанием, что в тех местах уничтожены евреи, занесена в областные своды памятников, в том числе упомянуты памятники в Куренце, Илье, Ивинце, Воложине²⁴ и других местах.

Приведенные примеры показывают, что еврейские общины или инициативные группы выносили свою мемориальную деятельность за стены синагог, в частности на территорию кладбищ и на места массовых уничтожений евреев. В то же время, исходя из места установления памятников и из того, что инициативы исходили от самих людей, в том

числе в области финансовой деятельности и в работе по фактической реализации проектов, следует отнести этот вид деятельности по увековечению памяти погибших евреев в разряд частной памяти. Такое причисление усилено тем, что памятник предназначен для ограниченных групп адресатов, и тем, что поддержание памятника реализовывалось самими еврейскими религиозными общинами или частными группами евреев. Кроме того, в отличие от государственных памятников это место не становилось местом особого местного, регионального, республиканского или общегосударственного значения, в котором проводились государственные мероприятия по формированию у молодежи патриотического сознания.

В то же время среди мемориалов и памятников, которые использовались властями в образовательных целях, вопреки ожиданиям, находились и такие, где тем или иным способом (непосредственным выделением еврейских жертв, иностранных жертв или использованием языка идиш) были упомянуты еврейские жертвы нацизма. Принято считать, что в Прибалтике тематика Холокоста присутствовала в общественном дискурсе намного больше и на более свободном уровне, чем в других республиках. Такие предположения делаются исходя из того, что в Советском Союзе у союзных республик имелась своего рода автономия, несмотря на то что важные идеологические вопросы решались на общегосударственном централизованном уровне²⁵.

Однако, вопреки этим утверждениям, в тех случаях, когда затрагивался довольно деликатный вопрос о группах жертв нацизма в рамках общего нарратива о Великой Отечественной войне, контроль был исключительно на общегосударственном уровне. Чтобы подтвердить это предположение, сравним историю установления памятников в Саласпилсе, в Латвии, и «на Яме» в Минске.

Недалеко от Риги, на территории бывшего нацистского лагеря Саласпилс в 1967 г. был воздвигнут мемориальный комплекс жертвам нацизма. Во избежание путаницы, здесь будет говориться не о лагере для военнопленных, шталаге-350, который тоже находился в городе Саласпилсе. Здесь будет идти речь о Саласпилском лагере, который одно время появлялся в документах как расширенная тюрьма, а позже как трудовой исправительный лагерь для гражданского населения²⁶. Этот комплекс представляет собой большую площадь, на которой размещены мемориальные плиты, символизирующие бараки, рядом с которыми располагаются скульптурные группы, характеризующие стра-

Илл. 6. Мемориальный комплекс в Саласпилсе

Илл. 7. Мемориальный комплекс в Саласпилсе

дания и в то же время твердость духа узников. Здесь установлен также памятный камень — место бывшей виселицы, и имеется проходящая по всей территории мемориала «дорога страданий». При входе на территорию комплекса находится стена, символически разделяющая жизнь и смерть. Внутри этой стены располагается мемориальный музей с картинами. Скульптуры, бараки, камень и музейная выставка не несут никаких признаков, которые бы указывали на этническую принадлежность жертв (илл. 6, 7).

В 1975 г. вышла книга — альбом на русском языке, на латышском она была выпущена ранее, в 1973 г., — посвященная концентрационному лагерю Саласпилс. В этом альбоме, в том месте, где перечислены жертвы, можно прочесть следующее: «Самыми первыми — еще в 1941 году — через Саласпилсский конвейер смерти прошли тысячи граждан Австрии, Чехословакии, Польши и других оккупированных гитлеровцами стран Европы, главным образом, евреи»²⁷. Идея увековечить (еврейских) иностранных граждан как отдельную группу была не новой. В 1960 г. ЦК Компартии Латвии был объявлен конкурс на создание композиции этого мемориала, о чем 19 января 1960 г. была опубликована статья в газете «Циня»²⁸. В этой статье в списке подлежащих увековечению групп населения значится также «барак для политических заключенных из Чехословакии, Польши, Югославии и других европейских государств». Однако указания, что речь идет о европейских евреях, депортированных в Латвию для уничтожения, там не было. Их отнесли, как сказано в тексте, к категории политических, а не расовых жертв фашизма. Неудивительно, что в таком контексте советские евреи и вовсе не могли фигурировать как особая группа жертв фашизма, выделенная по расовому принципу, если даже иностранные граждане были отнесены в начале 60-х гг. к категории политических жертв.

Другим примером может быть история создания памятника жертвам Холокоста в столице Белоруссии Минске. Памятник был возведен на месте бывшего еврейского гетто, где 2-го марта 1942 г. нацистами была проведена «акция». Среди местного населения это место носило название «Яма». В 1946 г. по инициативе минских евреев на этом месте был воздвигнут памятник, надписи на котором были выполнены на двух языках — русском и идише. Текст на обоих языках гласит: «Светлая память на вечные времена пяти тысячам евреев, погибших от рук лютых врагов человечества — фашистско-немецких злодеев. 2 марта 1942 г.» (илл. 8, 9). Хотя официальное разрешение было получено от

Илл. 8. Минск, памятник на месте расстрела евреев («Яма»)

Илл. 9. Минск, памятник на месте расстрела евреев («Яма»)

главлита, в отношении тех, кто участвовал в установке памятника, позже начались репрессии. Одним из пострадавших от репрессий стал камнетес М. Спришен. Среди прочего ему инкриминировали также работы по созданию этого памятника, хотя осужден он был «как участник антисоветской националистической группы, существующей при минской синагоге»²⁹. Несмотря на протесты евреев, вплоть до конца 60-х гг. памятник находился под постоянной угрозой сноса.

В 1988 г. он вместе с другими городскими памятниками был внесен в сборник «Собрание исторических и культурных памятников Белоруссии», выпущенный Академией наук БССР. В этом сборнике он был представлен как «Памятник на могиле жертвам фашизма» (под номером 239). В краткой статье говорится о евреях из Гамбурга, которые были депортированы в минское гетто и уничтожены³⁰. Жертвы из числа местных евреев в этой статье упомянуты не были. Библиография к статье содержит ссылки на источники 1965 и 1967 гг., в которых дана привязка к евреям из Гамбурга, депортированным на территорию оккупированной Белоруссии³¹.

Таким образом, памятник сохранился до сегодняшних дней, потому что он был переосмыслен и получил другой исторический подтекст. Инициативная группа минских евреев после окончания войны поставила перед собой цель увековечить память своих погибших родных и близких. Однако со временем усилиями государственной идеологии и подчиненной ей литературы этот памятник был переосмыслен в общественном пространстве как воспоминание о евреях, привезенных из других стран и уничтоженных на территории Минска.

На основании приведенных примеров мы видим, что решения о присутствии темы Холокоста на памятниках, установленных в общественном пространстве, на памятных знаках и в литературе, в которой упоминались памятники, принимались исключительно на государственном уровне. Это подтверждает целый ряд факторов. Во-первых, строительству мемориального комплекса в Саласпилсе предшествовал судебный процесс 1959 г. над Магнуссом Качеровским, инженером лагеря с 1941 г., которому среди прочих преступлений инкриминировалось насилие над узниками лагеря. Причем последней инстанцией для принятия решения о применении по отношению к нему высшей меры наказания была Москва³². Этот процесс привлек тогда особое внимание прессы и способствовал превращению Саласпилса в один из символов нацистской политики. В газете «Советская Латвия» с 27 сен-

тября по 2 октября 1959 г. был опубликован целый ряд статей Юрия Дмитриева под названием «Это было в Саласпилсе». В них евреи упоминаются как одна из групп, ставших жертвами нацистов совместно с советскими гражданами и военнопленными. Еврейская группа жертв описывается исключительно как группа, привезенная из западной Европы, без упоминания евреев — советских граждан³³. Во-вторых, литература 70-х и 80-х гг. о Саласпилсе была идеологически выверена, причем книги издавались как на латышском и русском, так и на иностранных языках. Эта литература предназначалась для иностранных посетителей и читателей из-за границы, то есть затрагивала вопросы, которыми занимался исключительно отдел пропаганды³⁴, а не само издательство. Причем выходили эти брошюры сравнительно большими тиражами — процитированное выше издание 1975 г. вышло тиражом в 300 тысяч экземпляров. Это свидетельствует о сознательно принятом решении упомянуть иностранных евреев, а не об оплошности местного цензора. Кроме того, лагерь Саласпилс служил туристической достопримечательностью в маршруте, разработанном для туристических групп из-за границы, что также находилось под государственным контролем³⁵. К этой же категории относится публикация Академии Наук Белорусской ССР, в которой «Яма» не случайно переосмысливается в том же жанре³⁶.

Таким образом, место еврейской трагедии в годы Второй мировой войны в советском нарративе было смещено. Тут было четко проведено разграничение между советскими гражданами-евреями, пострадавшими во время войны, и «инородным телом», то есть иностранными евреями, доставленными для уничтожения на территорию Советского Союза. Такое разграничение «своих» — советских и «чужих» — иностранных граждан практиковалось еще и до войны. Иностранные евреи рассматривались как совсем другая категория, а именно как группа иностранных граждан вне принадлежности к Советскому Союзу. Желавшие переселиться в Еврейскую автономную область из-за границы проверялись весьма тщательно государственными органами и во время чисток в середине-конце 30-х гг. подвергались репрессиям по обвинениям в шпионаже³⁷. Этот же подход нашел применение и в начале войны, о чем свидетельствует история 1940 г., когда Евгений Чекменев, начальник Переселенческого Управления при СНК СССР, получил запросы из Берлинского и Венского переселенческих бюро, не может ли Советский Союз принять к себе в Биробиджан и на запад-

ную Украину евреев, проживавших на немецкой территории. Ответ был отрицательный, мотивированный тем, что евреи не относятся к тем группам населения, о которых был заключен договор между Советским Союзом и Германией³⁸. Евреи, проживавшие на бывшей территории Польши, оккупированной Германией, а также евреи-граждане других стран не имели возможности получить правовой статус советских граждан, в отличие от тех, кто проживал в СССР до сентября 1939 г. или на территориях, аннексированных в 1939–1940-х годах.

Точно так же советская политика, не предусматривавшая особых групп жертв войны по национальному признаку, не могла быть применима к тем, кто не являлся советскими гражданами. Соответственно, их следовало увековечить как отдельную вне-советскую категорию. Тем самым было проведено разграничение между советскими и иностранными евреями. В советском нарративе и в общественном мемориальном ландшафте Второй мировой войны иностранные евреи представляли отдельную категорию жертв и поэтому оказались в официальном пространстве памяти. В отличие от них уничтоженные советские евреи были выведены из официального и помещены в частное пространство — в частную память, даже если она оказывалась вне стен синагог: на еврейских кладбищах или отдаленных местах массового уничтожения евреев.

Примечания

* Настоящая статья представляет собой переработанный и расширенный вариант статей: Черкасски А. Место увековечивания памяти евреям, уничтоженным во время Второй Мировой войны в советском мемориальном ландшафте // История и историки в контексте времени. 2012. № 9. С. 30–35, и: Черкасски А., Терушкин Л. Стратегии советской еврейской общественности по увековечиванию памяти на примере установки памятников евреям-жертвам фашизма / в печати.

¹ Кричко Е.Ф. Великая Отечественная война: Формирование пространства исторической памяти / под ред. Матишова Г.Г. // Великая Отечественная война в пространстве исторической памяти российского общества. Материалы Международной науч. конф. (28–29 апреля 2010 г., Ростов-на-Дону – Таганрог). Ростов-на-Дону, 2010. С. 21–27.

² Simon G. Nationalismus und Nationalitätenpolitik in der Sowjetunion. Baden-Baden, 1986. S. 81.

³ Декрет Совета Народных Комиссаров «об отделении церкви от государства и школы от церкви» URL: <http://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/5325/>; «О религиозных объединениях». Постановление Всероссийского Центрального

Исполнительного Комитета и Совета Народных Комиссаров РСФСР, 8.04.1929 // Хронологическое собрание законов, указов Президиума Верховного Совета и постановлений Правительства РСФСР. Т. 2. 1929–1939. Москва, 1959. С. 29–45 или URL: http://www.1000dokumente.de/index.html?c=dokument_ru&dokument=0007_rel&object=translation&st=&l=ru

⁴ *Альтшулер М.* Деятельность евреев по увековечиванию памяти о Холокосте в Советском Союзе в эпоху Сталина // Яд Вашем: исследования, 2009. № 1. С. 171–192.

⁵ *Kondratova N., Ryleva A.* Helden und Opfer. Denkmäler in Russland und Deutschland // Osteuropa 2005, Nr. 4–5. S. 347–365; Положение об охране памятников культуры. Приложение к постановлению Совета Министров СССР от 14.10.1948 // *Анисимов Г.Г.* Охрана памятников истории и культуры. Сборник документов. Москва, 1973. С. 68–75; см. также Историческую справку Министерства Культура Латвийской ССР, где в разделе 11. Отдел охраны памятников истории и искусства сказано: «Решением Совета Министров ЛССР № 1008, от 22 августа 1956 г. Охрана памятников павшим войнам Советской Армии, ... и жертвам фашистского террора и братских могил была изъята из функции Министерства коммунального хозяйства и передана Министерству культуры» // LVA Ф. 678, Л. 1–11.

⁶ Государственный архив г. Киева (далее — Госархив г. Киева) Ф. Р-987. Оп. 1. Д. 143. Л.121–122; *Kondratova N., Ryleva A.* Helden und Opfer. Denkmäler in Russland und Deutschland // Osteuropa 2005, Nr. 4–5. S. 347–365.

⁷ ГАРФ Копия Yad Vashem Ф. М. 46. Д. 31. Л. 35–41.

⁸ Yad Vashem Ф. М. 46. Д. 31. Л. 20.

⁹ Еврейский музей эстонии (ЕJM): Архив эстонских евреев, подразделение Холокост и антисемитизм, документы по Истории проекта создания памятника на кладбище в Рахумяэ (1968); URL: www.eja.pri.ee

¹⁰ ЕJA, Воспоминания / Рассказы, *Ступель Р.* Лев Шалом Минков 1905–1978. Воспоминания дочери Шуламит Минковой «О папе и других». По устному рассказу 3/2007 // URL:www.eja.pri.ee/stories/Minkova.html

¹¹ Еврейский Музей Эстонии (ЕJM): Архив Эстонских Евреев, подразделение Холокост и Антисемитизм, документы по Истории проекта создания памятника на кладбище в Рахумяэ (1968); URL: www.eja.pri.ee; или URL:<http://www.eja.pri.ee/history/Holocaust/Pamyatnik.pdf>

¹² Под грифом «Judenfrei». Холокост на территории оккупированной нацистами Эстонии 1941–1944. Таллинн, 2009. С. 30; ЕJA, Воспоминания / Рассказы, *Ступель Р.* Лев Шалом Минков 1905–1978. Воспоминания дочери Шуламит Минковой «О папе и других». По устному рассказу 3/2007 // URL:www.eja.pri.ee/stories/Minkova.html

¹³ <http://www.eja.pri.ee/stories/Minkova.html>

¹⁴ *Иванова Е.А.* Вызывая огонь на себя: положение евреев при «новом порядке» гитлеровских оккупантов в 1941–1943 гг. / составители И.А. Альтман, Л.А. Терушкин, Е.В. Тестова. М. – Ростов на Дону, 2012.

¹⁵ *Иванова Е.А.* Вызывая огонь на себя: положение евреев при «новом порядке» гитлеровских оккупантов в 1941–1943 гг. Вклад. 14–15.

¹⁶ *Смиловицкий Л.* Евреи Беларуси. Из нашей общей истории 1905–1953. Минск, 1999. С. 238–247; *Смиловицкий Л.* Это было в Червене // URL: <http://ihumien.belinter.net/monholo.shtml>; *Smilovitsky L.* Attempt to Erect Memorial to Holocaust Victims Blocked by Soviet Belorussian Authorities // URL: http://www.jewishgen.org/Belarus/newsletter/smilovitsky_books.htm; *Smilovitsky L.* Attempt to Erect Memorial to Holocaust Victims Blocked by Soviet Authorities // East European Jewish Affairs. Vol. 27, № 1, 1997. P. 71–80.

¹⁷ *Черкасски А.* Внешние и внутренние влияния на развитие советского мемориального ландшафта ко Второй мировой войне // Былые годы. Российский исторический журнал. 2012. № 3 (25), С. 82–89; URL: <http://bg.sutr.ru/ru/archive.html?number=2012-09-18-17:49:52&journal=26>

¹⁸ *Feferman K.* Soviet Investigation of Nazi crimes in the USSR: Documenting the Holocaust // Journal of Genocide Research 2003, 5 (4), December. P. 578–602.

¹⁹ Интервью тов. И.В. Сталина с корреспондентом «Правды» относительно речи г. Черчилля // Правда. 14.03.1946. С. 1; *Overy R.* Russlands Krieg 1941–1945. Hamburg, 2003. S. 435ff.

²⁰ Written Testimonies. Receipt certifying a donation towards erecting the monument, Receipt 3.09.1972 // URL: <http://www.yadvashem.org/untoldstories/database/commemorationWT.asp?cid=360>; Мороз В. Открытие памятника // URL: http://shtetle.co.il/shtetls_minsk/cherven/cherven.html

²¹ *Вершицкая Т.Г.* Куренец // Холокост на территории СССР: Энциклопедия. 2-е изд., М., 2011. С. 498–499; Государственный архив Минской области (ГАМО) Ф. 2316, Оп. 1, Д. 414, Л. 21; <http://www.jewishbelarus.org/image.php?id=015.jpg&type=3>

²² <http://www.jewishbelarus.org/image.php?id=015.jpg&type=3>

²³ <http://www.jewishbelarus.org/image.php?id=Dzerzhinsk03.jpg&type=3>;

http://www.yadvashem.org/untoldstories/database/murderSite.asp?site_id=469;

<http://www.yadvashem.org/untoldstories/database/commemoration.asp?cid=376>

²⁴ ГАМО 2316, 1, 414, 20 – 21/27

²⁵ Главное управление по охране государственных тайн в печати при Совете Министров СССР // *Vljum: Zensur in der UdSSR.* S. 266–274; Положение о главном управлении по охране государственных тайн в печати при Совете Министров Латвийской ССР 1967 года // LVA 270, 1s, 1821, 6–10.

²⁶ *Богов В.* Приговоренные нацизмом. Концлагерь Саласпилс: Забытая история. Сборник документальных свидетельств о злодеяниях немецких нацистов и их пособников в годы германской оккупации Латвии в 1941–1944 гг. Рига, 2011. С. 19–30.

²⁷ *Сауснитис К.* Саласпилс. Сапаспилский лагерь смерти. Рига, 1975. С. 2.

²⁸ *Богов В.* Приговоренные нацизмом. С. 53.

²⁹ *Герасимова И.* Новая история старого памятника // Мишпоха. № 22. С. 90–98; URL: <http://mishpocha.org/n22/22a21.shtml>.

³⁰ Збор помнікаў гісторыі і культуры Беларусі (из серии книг Академии Наук СССР. Свод памятников истории и культуры народов СССР). Минск, 1988. С. 164.

³¹ Гісторыя Мінска. 2. выд. Минск, 1967. С. 440; Преступления немецко-фашистских оккупантов в Белоруссии. 1941–1944. 2 изд. Минск, 1965. С. 24, 442.

³² Богов В. Приговоренные нацизмом. С. 55д.

³³ Дмитриев Ю. Это было в Саласпилсе // Советская Латвия, 27.09. – 02.10. 1959; URL: <http://www.rigacv.lv/node/287>

³⁴ Главное управление по охране государственных тайн в печати при Совете Министров СССР // Влжум: Zensur in der UdSSR S. 266–274; Положение о главном управлении по охране государственных тайн в печати при Совете Министров Латвийской ССР 1967 года // LVA 270, 1s, 1821, 6–10.

³⁵ Положение об Управлении по иностранному туризму при Совете Министров Латвийской ССР // LVA 270, 1s, 1821, 21–27; и Постановление № 347-18 об открытии на территории Латвийской ССР маршрутов для иностранных туристов // LVA 270, 1s, 1821, 40–44ар.

³⁶ Збор помнікаў гісторыі і культуры Беларусі (из серии книг Академии Наук СССР Свод памятников истории и культуры народов СССР). Минск, 1988. С. 164.

³⁷ Poljan P. Hätte der Holocaust beinahe nicht stattgefunden? Überlegungen zu einem Schriftwechsel im Wert von zwei Millionen Menschenleben / Hürter J., Zarusky J. (Hrsgs.) // Besatzung, Kollaboration, Holocaust. Neue Studien zur Verfolgung und Ermordung der europäischen Juden. Schriftenreihe der Vierteljahreshefte für Zeitgeschichte, Bd. 97. München, 2008. S. 12–13; Полян П. Иностранцы в Гулаге: Советские репрессии против иностранноподанных // URL: <http://demoscope.ru/weekly/2004/0147/analit03.php>.

³⁸ Костырченко Г.В. Тайная политика Сталина. Власть и Антисемитизм. Москва, 2001. С. 188–189; Poljan P. Hätte der Holocaust beinahe nicht stattgefunden? S. 1–20; URL <http://magazines.russ.ru/nz/2006/47/po16.html>.

Павел Полян
(Фрайбург)

**ТЕКСТЫ ЧЛЕНОВ ЗОНДЕРКОМАНДЫ ОСВЕНЦИМА
И ИХ ВНУТРЕННЕЕ РАЗНООБРАЗИЕ**

Памяти Николая Поболя

1.

Антология, выбранная Провидением

Члены зондеркоманды Освенцима — рабочие бригад, составленных почти исключительно из евреев, которых нацисты принуждали ассистировать себе в массовом конвейерном убийстве десятков и сотен тысяч других людей (как евреев, так и не-евреев) в газовых камерах, в кремации трупов и в утилизации пепла, золотых зубов и женских волос. Это беспримерный исторический и психоэтический феномен, имеющий глубочайшие коннотации в контекстах как еврейского коллаборационизма, так и еврейского сопротивления.

То, что отдельные члены зондеркоманд уцелели и пережили массовое убийство евреев, нацисты не могли себе представить и в страшном сне. Тем не менее около 110 человек из примерно 2 200 уцелели, а несколько десятков из них или написали о пережитом сами или дали подробные интервью. Но и многие погибшие оставили после себя письменные свидетельства, и часть из них была обнаружена после окончания войны в земле и пепле близ крематориев Аушвица-Биркенау. Эти свитки, написанные с такой малой дистанции от газовой и крематориев — одни из центральных документов Холокоста, до недавнего времени были совершенно неизвестны в России.

Само обнаружение этих рукописей для истории еврейского народа по своей значимости сопоставимо разве что с находками в генизе каирской синагоги в конце XIX в. и обнаружением кумранских рукописей в 1947 г. Но только они — эти свитки из пепла — не просто по-

полнили наши знания, но, по наблюдению А.И. Шмаиной-Великановой, еще и перевернули наше знание о себе самих — представление о человеке.

Осенью 2004 г., разыскивая в фондах Центрального военно-медицинского музея в Санкт-Петербурге материалы о советских военнопленных, Николай Поболь и пишущий эти строки обнаружили в каталоге упоминание о записной книжке Залмана Градовского — члена еврейской зондеркоманды в Освенциме.

Ниточки от этой находки потянулись к зондеркоманде как феномену и к зондеркомандовцам — другим, помимо Градовского, ее членам, так же оставившим записки, обнаруженные после войны.

Всего уцелело девять текстов пяти членов зондеркоманды, рукописи которых были обнаружены между 1945 и 1980 гг., — Залмана Градовского из Лунны, Лейба Лангфуса из Макова-Мазовецкого, Залмана Левентала из Цеханува, Хайма Германа из Парижа и Марселя Наджари из Салоник.

Десятой к ним добавлена рукопись Аврома Левите: он не имел отношения к зондеркоманде в Биркенау, но его текст — предисловие к литературному альманаху «Ойшвиц» — был написан всего в нескольких сотнях метров от газовых камер, а судьба самой рукописи не менее сложна и впечатляюща. Сама антология как раз не сохранилась, уцелели только предисловие к ней и ее автор. Если Градовский и другие писатели из зондеркоманды в своих записках были сконцентрированы на том, как евреи здесь умирали, то авторы антологии — на том, как они здесь жили.

Таким образом, мы имеем дело как раз с некоей внутренней антологией в книге, составленной из произведений, изначально «отобранных» самим Провидением — и не для печати, а для физического спасения! Скомпонованные уже для печати, они, на мой взгляд, дают самое непосредственное представление и самое яркое впечатление о том, что происходило в газовых камерах и крематориях Освенцима. Без тени преувеличения: это — центральные эго-документы Холокоста.

Учитывая фактическую разножанровость всех этих произведений узников, — от подражания пророкам и до бытового письма, — ее можно было бы уподобить еще и как бы воскресшему альманаху, но, боюсь, что замысел редакторов «Ойшвица», при всей его дерзости, был все же гораздо уже.

Тексты членов зондеркоманды на удивление разнообразны и по содержанию, и по жанрам. В них говорится о жизни в различных гетто, о депортациях, о равнодушной луне, о селекциях на рампе и в бараках, о диктате семьи, о жене и дочери, о неудовлетворенной жажде мщения, о высокотехнологичном превращении людей в трупы. Феноменален и жанровый диапазон — от бытового письма жене и дочери и комментария к чужой рукописи до летописного свидетельства, публицистического памфлета и подражания пророкам. Но все они как бы впадают в огромное кровавое море, именуемое Аушвиц-Биркенау.

Три автора из шести представлены в этой совокупности более чем одним произведением. И все трое демонстрируют внутреннее жанровое разнообразие.

2.

Залман Градовский — пророк и обличитель

У Градовского, например, каждый из трех текстов написан в особом ключе. «Дорога в ад» — это, в сущности, реконструированный дневник, пусть и попеременно с литературой; записи делались если и не по ходу действия, то в согласии с реальной последовательностью событий. В тексте «В сердцевине ада» художественность и эпичность сгущаются уже настолько, что заметно теснят событийность и летописность, — это уже настоящая поэзия, отрывающаяся от фактографии как таковой. В ней впервые возникают события, свидетелем которых лично Градовский не был, но о которых слышал от других. Поэтому «В сердцевине ада» представляется нам поэмой в прозе, может быть, неровной и несовершенной, но все же именно поэмой. Она эпична, но эпос ее не дантовский, не драматический, а скорее античный или библейский — по-эхиловски трагический. А вот «Письмо из ада» — это чистое политическое воззвание и памфлет, это письмо потомкам, героический выкрик перед смертью или перед казнью, причем выкрик не только в лицо врагам, но и в лицо союзникам.

Корпус текстов Градовского открывают записные книжки, названные нами «Дорога в ад». В них описывается депортация из Колбасина и первые дни пребывания в Освенциме. Едва ли они писались как нормальный дневник или путевые заметки — по дороге и «день за днем». Записи начались уже в лагере, писались явно по памяти, но все говорит за то, что попытки осознать происходящее начались очень рано.

Своеобразным ключом к этим заметкам явилось введение в их ткань риторической фигуры некоего воображаемого друга, которого автор, вызывающийся быть по отношению к нему своего рода «Вергилием», зовет себе в свидетели и попутчики.

«Дорога в ад» открывается посвящением-перечислением всей погибшей семьи Градовского. Последнее сродни зачинам: трижды — перед каждой главой — оно встречается и в следующей части, «В сердцевине ада», играя роль своеобразного рефрена¹.

Далее текст записных книжек делится на две части. В первой описывается переселение семьи автора из Лунны в Колбасин, вплоть до погрузки в вагоны поезда, отправляющегося в Освенцим. Во второй — описание дороги и самых первых дней пребывания в концлагере. Записки обрываются вскоре после того, как автора зачислили в члены зондеркоманды³.

Второй текст Градовского — «В сердцевине ада» — состоит из трех глав: «Лунная ночь», «Чешский транспорт» и «Расставание»⁴. Каждая посвящена явлениям или событиям, потрясшим автора. О таком вечном «событии», как луна, еще будет сказано ниже, два же других — это ликвидация 8 марта 1944 г. так называемого семейного лагеря чехословацких евреев, прибывших в Освенцим из Терезина (Терезиенштадта) ровно за полгода до этого, и очередная селекция внутри зондеркоманды, проведенная 24 февраля 1944 г.⁵

На первый взгляд, странно, что среди ключевых событий нет ни одного, относящегося к 1943 г. Как и то, что в число таких событий не попало самое яркое — массовая ликвидация венгерских евреев. Но почему, собственно, странно? Ведь речь идет главным образом о внутренних кульминациях индивидуального восприятия Градовского. И потом: разве у нас на руках полный, завизированный автором корпус всех текстов Градовского?

Все три главы «В сердцевине ада» начинаются практически одинаково — с обращения к «дорогому читателю»⁶ и со скорбного перечисления автором своих близких, уничтоженных немцами (иногда они начинаются с упоминания матери, иногда с упоминания жены)⁷. Дважды повторяется и адрес нью-йоркского дяди Градовского. Это придает каждой главке, с одной стороны, некоторую автономность, а с другой — имеет и литературно-композиционный смысл, ибо выполняет роль как бы рефрена, скрепляющего все части воедино.

Какова хронология создания всех трех текстов? Самый ранний из них — «Дорога в ад» — был написан (или завершен?) спустя 10 меся-

цев после прибытия Градовского в Освенцим, то есть в октябре 1943 г. Нет сомнений в том, что тогда же соответствующая записная книжка и была впервые спрятана в земле. Но, скорее всего, Градовскому пришлось ее выкопать и перезахоронить вместе с самым поздним их трех текстов — «Письмом к потомкам», датированным с точностью до дня: 6 сентября 1944 г. Датировке поддается и «В сердцевине ада», причем выясняется, что первой была написана ее третья глава («Расставание»), посвященная селекции зондеркоманды: 15-месячный срок со времени прибытия в Освенцим указывает на апрель, а 16-месячный, маркирующий главу «Чешский транспорт», на май 1944 г. Недатированной (и, по-видимому, сознательно не датируемой) остается лишь первая глава — «Лунная ночь», но все же представляется, что она написана позже обеих последующих глав, то есть летом 1944 г. Ее зачин стилистически приближается к «Письму из ада». Возможно, «Лунную ночь» Градовский писал в конце августа или в начале сентября 1944 г., когда обдумывал и композицию всей вещи⁸.

Образ семьи занимает в текстах Градовского центральное место: разделение семьи, селекцию, он сравнивает с хирургической операцией. Когда с надеждой на спасение собственной семьи пришлось окончательно распрощаться, те же понятия Градовский перенес на лагерное сообщество, на свою зондеркоманду — отсюда и обращение к товарищам как к братьям и многое другое. Отсюда же и братское покровительство мальчишке-земляку Фреймарку.

Да, они и стали его «семьей», его опорой и некоторой промежуточной инстанцией, примиряющей его собственное «я» с трагедией всего еврейства, истребляемого на его глазах и не без помощи его рук. И пусть это была не семья, а ее суррогат, но чувство ее хотя бы частичной утраты заменило ему переживание смерти настоящих своих близких. И недаром он, не оплакавший, по его же словам, и смерть горячо любимой жены, впервые за все время в Освенциме обнаружил в себе слезы и буквально оплакал другую гибель, — еще не наступившую, но неизбежную смерть двух сотен товарищей, с большинством из которых у него наверняка не было и не могло быть никакого осязаемого личного контакта!..

А в «Письме из ада»⁹ перед нами уже человек и вовсе в состоянии, прямо противоположном состоянию робота. Это человек осознанного и прямого действия, точнее — человек накануне такого действия. Он всецело отдан и предан подготовке восстания, скорым исходом которого он и взволнован, и, независимо от исхода, счастлив.

«Письмо...» завершает корпус текстов Градовского. Оно, повторим, написано самым последним из сохранившегося, — 6 сентября 1944 г., то есть всего за месяц до фактического восстания зондеркоманды. Оно и писалось как явное послание потомкам, *urbi et orbi* — «городу и миру», — всем людям на земле.

Начинающееся с описания топографии ям с пеплом и, соответственно, зондеркомандовских схронов вокруг всех крематориев, оно переходит к призыву искать эти схроны везде, где только можно (призыву, увы, после войны не столько не услышанному, сколько проигнорированному).

Нельзя не поразиться точности и тонкости восприятия Градовским геополитической ситуации в мире, поистине невероятной в таких условиях. Но не менее точны и справедливы, хотя и очень горьки, выводы, к которым он после такого анализа приходит: *«Несмотря на хорошие известия, которые прорываются к нам, мы видим, что мир дает варварам возможность широкой рукой уничтожать и вырывать с корнем остатки еврейского народа. Создается впечатление, что союзные государства, победители мира, косвенно довольны страшной участью нашего народа».*

Об исторической ценности записок Градовского можно и не говорить: он нисколько не преувеличивал, когда — сразу на четырех языках — писал: *«Кто заинтересуется этим документом, тот получит богатый материал для истории».* Вместе с записями других членов зондеркоманд это прямой репортаж из самой глубины фабрики уничтожения — и тем самым не что иное, как важнейшее письменное свидетельство о Катастрофе. Одного этого свидетельства Градовского совершенно достаточно для того, чтобы прекратить все дебаты о том, «был» или «не был» Холокост¹⁰.

Его «В сердцевине ада» — единственное из всех аналогичных свидетельств членов зондеркоманды — не было ни дневником, ни письмом, ни газетным репортажем «с петлей на шее» из *Anus'a Mundi*. И хотя не найти в мире места, более неприспособленного для литературных экзерсисов и пестования литературных талантов, чем поздний Аушвиц-Биркенау периода крематориев и газовен, установка самого Градовского была именно литературной.

Он недаром сравнивает место, где ему довелось творить, с преисподней. Ад Градовского, в котором он пребывал и о котором поведал, неизмеримо страшнее дантовского своей вящей реальностью, зауряд-

ной обыденностью и голой технологичностью. Но, в отличие от великого флорентийца, Градовскому не довелось вернуться из преисподней живым.

Ни на «вынашивание замысла», ни на «работу с источниками» или над «замечаниями редактора» времени и возможности у Градовского не было. Еще до войны он показывал свои первые литературные опыты — очерки — своему зятю Довиду Сфарду, известному в Польше писателю на идише, и все волновался: что-то он скажет о его писаниях? Тот, наверное, поругивал своего младшего родственника — за неистребимый сплав сентиментальности и патетики.

Этот сплав присутствует и в публикуемых текстах. Литературным гением Градовский не был. Но его слово, его стилистика и его образность, изначально сориентированные ни много ни мало на еврейское духовное творчество, на позднепророческие ламентации в духе Плача Иеремии, посвященного разрушению Храма в 586 г. до нашей эры, удивительно точно соответствуют существу и масштабу трагедии. Просто уму непостижимо, как он это почувствовал и как угадал, — но в строках Градовского читается уверенность в том, что писать надо так и только так. Его поэтическое слово достигает порой поразительной силы и, вопреки всему, красоты¹¹.

У Градовского впечатляет сама идея создать именно художественное произведение, а не документальное свидетельство¹². Уже в «Дороге в ад», а уж тем более в другой вещи — «В сердцевине ада» — Градовский применяет сугубо литературные приемы. Прежде всего, это обращение к читателю как к другу и свободному человеку, приглашение последовать за ним и запечатлеть трагические картины происходящего¹³.

Этот «читатель» — не просто «лирический герой», это alter ego автора. Если автор погибнет (в чем сам он ни на секунду не сомневается), а рукопись сохранится, то вместе с ней уцелеет и «читатель»: он-то и примет от автора эстафету и передаст ее дальше.

Градовский умеет находить точные слова, например, для самого Освенцима как единого целого — «резиденция смерти». Он знает скрепляющую силу стежков-повторов и охотно к ним прибегает. Ему, как правило, удаются анафорические построения (прекрасный пример — зачин поминальной главки «Снова в бараке...» из «Расставания»). Каждая отдельная данность бытия — луна, кровать, барак, бокс (отсек) в бараке — становится у Градовского де факто персонажем.

Он пытается обобщать не только свой личный опыт (в том числе свои детские воспоминания), но и опыт других людей: так, будучи сам ко времени начала войны бездетным, он много пишет о детях, представляя себе их переживания, их доверчивость, трудности их воспитания и т.п. — все то, что он видит вокруг себя или слышит от других. Привлекая воображение и для того, чтобы еще более оттенить ужас происходящего в Освенциме, он моделирует различные жизненные ситуации, прямым свидетелем которых сам он, может, и не был, но мог быть (например, глава «Он и она» в «Чешском транспорте» или образная, почти аллегорическая, характеристика влюбленности в «Лунной ночи»: *«Два сердца плели золотую нить — и изверг безжалостно разорвал ее»*). Понятно, что такая стилистическая установка Градовского-писателя на практике нередко оборачивается излишней патетикой.

В то же время он не избегает и обличительных, публицистических нот: жестко и беспощадно чеканит он фразы о преступном бездействии союзников или о бытовом — «буквально зоологическом», как он выражается, — антисемитизме части поляков¹⁴.

Сегодня мы знаем о тысячах поляков — Праведниках мира, спасавших, несмотря на смертельный риск, евреев, но в индивидуальном опыте Градовского — в Лунне, в Колбасине и в Освенциме — такие случаи, по-видимому, не запечатлелись.

Не щадит он и «своих» — евреев. Так, он был поражен трусостью и предсмертной покорностью мужчин из «семейного лагеря». Как «старожилы» Биркенау, те не могли уже питать никаких иллюзий относительно того, что произойдет с ними и с их семьями, но, в отличие от всех остальных, прыгивавших с подножки поезда прямо в газовню, у них было время, чтобы подготовиться к этому и оказать хоть какое-то сопротивление (судя по всему, того же опасались и эсэсовцы). И, хотя он сам же и поясняет те иррациональные механизмы, что парализуют евреев в такие минуты, он явно разочарован, и примирительности в его тоне нет.

Не щадит он «своих» и из зондеркоманды, хотя именуется их всех в главе «Расставание» не иначе как «братьями». И здесь — точно такой же «несостоявшийся героизм» евреев, прекрасно понимающих суть происходящей селекции в своих рядах, но расколотых ею надвое¹⁵: одни были неспособны перешагнуть через черту личной безопасности, другие — через черту личной обреченности. Это относится и к нему,

Залману Градовскому, лично, и он полностью признается в своей слабости и признает свой индивидуальный позор, смыть который смогло бы только восстание.

Записки Градовского, в точности так, как он и рассчитывал, были найдены одними из первых почти сразу же после освобождения Аушвица-Биркенау, и это чудо стало каденцией его беспримерной жизни и смерти. Он был не только одной из самых героических фигур еврейского Сопротивления, не только летописцем, конспиратором и оптимистом, но еще и литератором, получившим, наконец, возможность быть услышанным и прочитанным.

Тем поразительней, что ни в одной из центральных экспозиций Шоа — ни в Иерусалиме, ни в Вашингтоне, ни в Берлине, ни в Париже — фигуре и деяниям Градовского не нашлось не просто заслуженного, а вообще хоть какого-то места.

3.

Лейб Лангфус — раввин

Лейб Лангфус — даян из Макова-Мазовецкого — родился в Варшаве около 1910 г. Внук коцкого хасида и выпускник йешивы в Суцмире (Сандомире), он был исключительно религиозным человеком. В 1933 или 1934 г. женился на Двойре Розенталь, дочери Шмуэля-Иосифа Розенталя, маковского раввина. Вскоре у них родился сын — Шмуэл (Самуильчик). Сразу же после немецкого нападения на Польшу тесть переехал в Варшаву, и Лейб стал фактическим духовным лидером Маковской общины¹⁶.

Еще до войны Лангфус утверждал, что Германии доверять нельзя и что Гитлер хочет физически уничтожить всех евреев, чему нужно всячески противостоять, — но никто его не слушал¹⁷. Бывший член маковского юденрата Авром Горфинкель вспоминал, что свою агитацию Лангфус бесстрашно продолжал и под оккупацией, и в концлагере: сопротивление и восстание — лучшее из того, что следовало бы сделать¹⁸.

Вместе с женой и сыном Лангфус покинул Маков с эшелонам 18 ноября и, пробыв в Млаве около трех недель, 7 декабря был увезен с последним эшелонам в Освенцим.

На место эшелонам прибыл 10 декабря 1942 г. Из примерно 2300 человек селекцию не прошли 1976: их увезли на автобусах. В их числе были Двойра и плакса Самуильчик — жена и маленький сын Лангфуса.

Прошли же селекцию только 524 чел., все — мужчины. Из них 70 особо крепких и здоровых попали в зондеркоманду, в их числе и Лангфус — вместе с Залманом Левенталем. Когда прошедшие селекцию спросили, куда увезли их близких и что с ними будет, эсэсовцы вежливо ответили, что их везут в специальные бараки, где они будут жить и где потом с ними можно будет видаться по выходным. На самом деле еще в тот же день или на завтра все они были убиты, а их трупы сожжены: от всего транспорта осталась лишь небольшая горка полусгоревших костей.

В зондеркоманде Лангфус был несомненно наиболее религиозным евреем. Интуитивно восхищаясь прочностью его веры «несмотря ни на что и вопреки всему» и щадя его впечатлительное сердце, капо ставили его всегда на относительно легкую работу: он был или штубовым (постоянным дежурным) в бараке, или же мыл и сушил женские волосы¹⁹. Но поначалу и он работал на сжигании трупов возле бункеров, а затем в Крематориях II и III. После восстания, по-видимому, он еще некоторое время проработал и на разборке остатков героического Крематория IV.

Слово Лангфуса и его пример оказывали на часть зондеркомандовцев колоссальное влияние. В атмосфере распада он как бы светился изнутри и отстаивал свое достоинство человека, борющегося за то, чтобы сохранить образ и подобие Божие.

Лангфус принадлежал к руководству повстанческого движения зондеркоманды. Более того, он с готовностью вызывался остаться на территории крематориев и подорвать свой — вместе с собой, чтобы, как Самсон, погибнуть «с филистимлянами». Такая смерть не противоречила бы его религиозным взглядам.

У рукописи Лангфуса есть авторское название: «Der Geyresh» («Гейреш», или «Выселение», иначе — «Изгнание» или «Депортация»). Судя по сохранившейся нумерации глав, рукопись не полна²⁰, хотя пропусков в пагинации страниц нет. Скорее всего это просто сокращенная версия более обширной рукописи, до нас не дошедшей. Отбирая при переписке фрагменты для своего «дайджеста», автор просто не стал менять нумерацию изначальных глав, зато, по всей видимости, добавил в ряде мест свои позднейшие комментарии²¹. В любом случае это не дневник, а воспоминания, пусть и написанные по горячим еще следам.

Кстати, из девяти текстов пяти авторов-зондеркомандовцев «Выселение» Лангфуса — единственный, посвященный событиям в гетто

исхода. Те обрывки фраз о варварских убийствах и изнасилованиях, что удалось разобрать в самом начале рукописи Левенталея, позволяют предполагать, что о своем изначальном гетто в Цехануве не промолчал и он. Но Градовский начинает (опять-таки — если ограничиться дошедшим до нас!) только с транзитного лагеря-гетто в Колбасино, Наджари с ужасом, но лишь упоминает свой лагерь (а точнее, тюрьму) Хайдари, а Герман и вовсе не касается своего Дранси.

Сохранилась и еще одна единоличная рукопись Лангфуса, найденная в 1952 г. в стеклянной бутылке и долгие годы публиковавшаяся как «Рукопись неизвестного автора».

Ее изначальное авторское название — «Заметки». Во фрагментарной форме в ней описываются самые разные события, как местные, концлагерные и совсем недавние, так и услышанные с чужих слов, например, о Белжеце.

«Заметки» состоят из трех разножанровых частей. Первая, под названием «Случай», представляет собой воспоминания об отдельных эпизодах по памяти. Интересно, что здесь чередуются рассказы о событиях как 1943, так и 1944 гг. Вторая часть — «Садизм» (как раз о Белжеце) — явно записана со слов советских военнопленных. И, наконец, собственно «Заметки» — очень короткий, но самый настоящий дневник.

Самая ранняя его дата — 10 октября, самая поздняя — 26 ноября 1944 г. Так, 14 октября руками зондеркоманды начали разрушать стены крематория IV, изрядно пострадавшие во время восстания за неделю до этого. 20 октября грузовик привез для сожжения картотеки и горы документов, а 25 октября начали демонтировать и крематорий II (при этом Лангфуса поразило, что первым делом демонтировали вентиляторный мотор и трубы — для того, чтобы установить их в других лагерях (в Маутхаузене и Гросс-Розене таких моторов в крематориях IV и V не было) значит, немцы хотят продолжить свое дело в других местах). В сущности, это предсмертный дневник, ибо 26 ноября 1944 г. — в день своей последней записи! — Лангфус, вероятно, стал жертвой последней селекции зондеркоманды.

Лангфусу принадлежат и еще три фрагмента, выявленные внутри рукописи Залмана Левенталея, — два фрагмента на идише («3000 нагих» и «600 мальчиков»), а также лист на польском языке с перечнем эшелонов, прибывших в Освенцим между 9 и 24 октября 1944 г. Со-

бытия, описываемые в «600 мальчиках», датируются, согласно Д. Чех, 20 октября 1944 г.: в этот день в газовой камере Крематория-III было удушено около тысячи мальчиков и юношей в возрасте от 12 до 18 лет, в том числе 357 человек из филиала Дюэрнфурт концлагеря Гросс-Розен²².

Известно, что члены зондеркоманды вели свой учет прибывающих транспортов и регулярно передавали эти сведения польскому подполью в центральном лагере: именно таким документом является, судя по всему, список эшелонов, написанный поэтому по-польски Лейбом Лангфусом и найденный среди бумаг Залмана Левенталь²³.

В своих «Заметках» Лангфус присоединяется к своеобразной поэтике причитания, встречаемой и у Градовского, и у Левенталь. Но пишет при этом подчеркнуто «художественно», с психологическими рефлексиями и повторами, отчего удельный вес каждого слова несколько понижается.

Он прямо обращается к будущим читателям и историкам, а в конце даже просит того, кто найдет рукопись, собрать все его тексты, которые удастся найти, упорядочить их и опубликовать вместе под общим названием: «В содрогании от злодейства».

Эта его воля была даже перевыполнена в 1971 г., когда именно так польские составители назвали весь первый свод текстов членов зондеркоманды.

4.

Залман Левенталь — свидетель и хронист

Залман Левенталь родился в 1918 г. в Цехануве, городе в Варшавском воеводстве. В семье было семеро детей, он был четвертым. О себе он пишет: «Я сам из строго религиозного дома». Так что не удивительно, что и учиться его отдали хоть и в Варшаву, но не в университет, а в йешиву. Там его и застало 1 сентября 1939 г., и он сразу же поспешил вернуться в Цеханув.

В то же время в Варшаве Левенталь тратил на йешиву явно не все свое время. Светские вопросы еврейской жизни, — в частности рабочее движение, — интересовали его, судя по всему, не меньше. В этом отношении его выдает сама лексика, что встречается на его страницах: «масса» (в смысле народная масса), «класс», «слой», «политическая зрелость», «психология», «сознание», «подсознание», «темперамент», «интеллигентность», «элементы», «профессиональные элементы», «психо-

логия» и др. По наблюдению переводчицы, отчасти тут сказалось и влияние немецкого языка, который он, похоже, очень хорошо знал. Оно заметно не только в лексике, почерпнутой скорее всего именно из немецкой литературы, но даже и в орфографии и строе предложений.

Обнаруженные после войны два скрона с текстами, принадлежащими Левенталю, содержат твердые факты и точные даты и помогают лучше понять не только фактографию Холокоста, но и характер их автора. Главный из текстов, бесспорно, «Заметки», охватывающий период с ноября 1942 по 10 октября 1944 гг.

В отличие от «Заметок», комментарий Левенталю к рукописи из Лодзинского гетто чрезвычайно поспешен: он писался в ночь с 15 на 16 августа 1944 г. (видимо, накануне в вещах отправленных на газацию жертв из Лодзинского гетто и был найден «Лодзинский дневник» Хиршберга).

Несмотря на все трудности прочтения, вызванные состоянием оригинала, «Заметки» Залмана Левенталю составляют последовательный и относительно связный текст, вобравший в себя многие кульминационные моменты жизни зондеркоманды, прежде всего подготовку и проведение восстания на крематориях 7 октября 1944 г.

При этом Левенталь не просто описывает события, как хронист, но и размышляет о них в самых разнообразных контекстах — от геополитического и макроисторического до психологического и сугубо бытового.

Залман Левенталь, светский человек с очень левыми взглядами, много страниц посвятил восстанию и его подготовке. Его собственная роль в ней скорее всего была достаточно скромной, иначе бы после подавления восстания СС арестовало бы его и бросило в Бункер, как и Доробуса-Варшавского с Гандельсманом. Вместе с тем он был хорошо информирован и, вероятно, считался, наряду с Градовским и Лангфусом, историографом зондеркоманды.

О восстании — как о его несостоявшемся сценарии, так и о его реализованной, вне всяких планов, версии — он пишет особенно много. Разоблачая как польские интриги и русское полупьяное «авось», так и еврейскую непоследовательность, не позволившие тщательно разработанным планам состояться, он охотно пишет об истинных героях еврейского сопротивления на газовнях в Биркенау.

Особенно проникновенно — о тех, с кем сталкивался уже в силу принадлежности к одной и той же команде на Крематории-III. В част-

ности, о Йоселе Варшавском (Доребусе) и Янкеле Гандельсмане. Как одного из лучших во всей зондеркоманде упоминает Левенталь и Залмана Градовского.

В отличие от Градовского и Лангфуса, ставивших перед собой и художественные задачи, Левенталь подобных амбиций не имел. Он не писатель и не пророк, — но он свидетель, хронист и обвинитель.

Его призвание именно в том, чтобы донести потомкам голую правду об Освенциме. Тем самым он противостоит общему свойству человеческой природы не верить в исторические ужасы и забывать о них, как, впрочем, и тому, что немцы постараются замести все следы. И, в-третьих, тому, что и поляки постараются весь героизм сопротивления и все его успехи приписать одним себе.

Поэтому закономерно, что своего рода нервом повествования Левенталья являются отношения между двумя центрами Сопротивления в Аушвице-Биркенау — польско-австрийским в Аушвице I и еврейским, зондеркомандовским, в Биркенау. Эти отношения, как и вся история совместной подготовки ими восстания весьма поучительны.

И уже после разгрома восстания — в самом конце своей рукописи, как и своей жизни, — Левенталь бросает полякам из общелагерного подполья прямо в лицо обвинения в сознательной недобросовестности, коварстве и антисемитизме. Он как бы говорит: нас, своих еврейских партнеров из зондеркоманды, вы не ставили ни в грош и попросту водили за нос! Даже фотографии, статистику и другие материалы, полученные прямо из крематориев, вы приписывали себе и использовали только для своих целей! Сами же — в решительный момент восстания — всегда обманывали нас, всегда бросали на произвол судьбы: наши жизни, жизни проклятых «зондеров», вам не стоили ничего! *«Дай бог, чтобы один из наших еще раз мог бы встретиться при жизни со всеми этими союзничками»*, — заключает Левенталь свою обвинительную часть.

Было установлено, что указанные записи посвящены исключительно событиям в гетто Лодзи (Литцманнштадта). Они были оформлены как последовательно продолжавшиеся письма автора к другу, причем имя самого автора нигде не было названо. К записям были приложены шесть дополнительных листов, являвшихся своеобразным комментарием к рукописи: они были подписаны Залманом Левенталем, говорившим как бы от имени всей зондеркоманды.

Сам «Лодзинский дневник» прерывается на дате «15 августа 1944 г.». Именно в этот день 2000 лодзинских евреев прибыли в Аушвиц, и только 244 мужчины из этого транспорта уцелели, пройдя селекцию и получив номера от В-6210 до В-6453. Остальные были в тот же день убиты и сожжены, и в их числе, несомненно, и автор дневника, обнаруженного кем-то из зондеркомандовцев, по всей вероятности, среди его вещей, оставленных в «раздевалке». Впоследствии удалось установить, что писавшим был Эммануэль Хиршберг, писатель и поэт из Лодзи²⁴.

Начало дневника написано в форме писем автора к некоему условному «Вилли», оно содержит общие сведения о Лодзинском гетто, но ближе ко второй половине начинаются записи в хронологическом порядке: самая ранняя из дат — около 16 сентября 1943 г.

Шесть нумерованных листов — это беглый комментарий Левенталь к «Воспоминаниям» Хиршберга. Автор явно очень торопился: он читал и писал буквально всю ночь, с 19.15 вечера до 8.44 утра, опасаясь быть застигнутым за этой работой. Возможно, что именно на эти дни первоначально и планировалось восстание зондеркомандовцев: в случае предательства несдобровать было бы никому.

В главной концепции автора «Дневника», — мол, во всем виноват юденрат и его король «Хаим Первый», то есть председатель Хаим-Мордехай Румковский, — Левенталь усматривает интересный и исторически ценный психологический изгиб, но относится к нему критически. Такая «концепция» в его глазах заслоняет главное — неизбежность депортации и последующего за ней убийства, а это не позволяет тем, кого это касается, подготовиться хоть к какому-то сопротивлению (именно Румковский стал символом политики спасения евреев через договоренности с немцами, а не через сопротивление им). Лодзинскому гетто он противопоставляет Варшавское, дерзнувшее на восстание и уже потому победившее, что доказало всем и прежде всего самим себе способность биться и сражаться со своими убийцами. Это для Левенталь главное, а все остальное, как он пишет, он *«передоверяет писателям истории и исследователям»*.

Как и Градовский, Левенталь поражается тому, что даже то обстоятельство, что русские стоят у ворот Варшавы, а американцы и англичане у ворот Парижа, не способно отвлечь немцев от их «главного» дела — тотального уничтожения евреев. *«Рассказ о правде, — заканчивает свой комментарий Левенталь, — еще не вся правда. Вся правда намного более трагична и ужасающа»*.

5.

Хайм Герман — семьянин

Сама рукопись письма Хайма Германа была обнаружена едва ли не первой из всех, что дошли до нас, — в середине февраля 1945 г.

По своему жанру это самое что ни на есть будничное письмо мужа жене, в котором он описывал свою трагическую судьбу и переживания человека, волею судеб работающего в чудовищной зондеркоманде при крематории. Он ясно осознавал, что вскоре погибнет, как погибли уже многие его товарищи, и отдавал жене свои последние распоряжения. Он, в частности, просил ее как можно скорее выйти замуж и ни при каких обстоятельствах не возвращаться и не приезжать в Польшу²⁵.

Накануне своей неизбежной смерти он сетует на то, что не смог обеспечить свою семью материально, и надеется, что после войны, когда наступит нормальная жизнь, его близкие как-то сумеют прокормить себя самостоятельно. И дочь, и жену он просит смело и быстро выходить замуж, в первую очередь дочь: зачем ей жить в доме с отчимом?

Эта трезвая — традиционная для еврейства — серьезность, семейственность и вообще сосредоточенность на житейских делах — но где? на эшафоте! — поистине поражает.

Сам по себе французский язык, которым написано это письмо, не слишком хорош, что совершенно нормально для эмигранта в первом поколении²⁶. Однако интересно, что Герман не стал писать жене на идише, полагая, по-видимому, что так у письма просто больше шансов достичь адресата во Франции.

6.

Марсель Наджари — мститель

Марсель Наджари, по профессии электрик, родился в 1917 г. в Салониках — городе с крупнейшей в довоенной Греции еврейской общиной (около 60 тыс. чел.²⁷).

Убежденный греческий патриот, он был 28 октября 1940 г. призван в греческую армию, воевал в Албании. 15 мая 1941 г., уже после военного поражения Греции, вернулся домой, в Салоники, оказавшиеся внутри немецкой оккупационной зоны.

В феврале 1943 г. два относительно спокойных года под оккупацией сменились насильственным выселением в гетто, причем та его

часть, что примыкала к вокзалу, — так называемый квартал Барона Хирша, — стала транзитным лагерем для депортируемых. Одними из первых были увезены его отец, мать и сестра. 30 декабря 1943 г. в Афинах ээсовцы схватили и его самого. А 2 апреля 1944 г. партию евреев привели на вокзал и затолкали в вагоны. Станцией назначения оказался Освенцим, куда эшелон прибыл 11 апреля. Около 320 человек прошли на рампе селекцию²⁸.

То, с чем ему пришлось столкнуться в зондеркоманде, ежедневно ставило его перед самым страшным для верующего вопросом — о бытии Бога. Наджари принадлежал к тем, кто каждый раз находил в себе силы отвечать на этот вопрос утвердительно. В чем, возможно, ему помогало и общение с Лейбом Лангфусом, — оба работали в бригаде, обслуживавшей крематорий III.

Эта бригада фактически не участвовала в восстании, и именно из нее выжило больше всего зондеркомандовцев, и Наджари был одним из них. По всей видимости, он входил в состав самой последней из зондеркоманд — той, что занималась разрушением крематориев и газовых камер.

Перед эвакуацией всего концлагеря всех живых членов зондеркоманды перевели из изолированной зоны крематориев в общий лагерь в Биркенау²⁹. Марселю, по-видимому, удалось незамеченным переместиться из одной колонны в другую и смешаться с другими узниками. Скрыв таким образом свою лагерную идентичность (однозначно смертоносную!) и не откликаясь на свой номер на перекличках, он уцелел³⁰.

После счастливого освобождения Марсель вернулся в Грецию. Первое, что он сделал после того, как пришел в себя, — написал воспоминания. Дата «15 апреля 1947 г.», проставленная в их начале, — скорее всего относится к концу работы.

В том же 1947 г. Марсель Наджари женился. Спустя четыре года, в 1951 г., вместе с женой Розой и маленьким сыном Альбертом он переехал в Нью-Йорк, где и умер 31 июля 1971 г.

Рукопись, написанная М. Наджари, была обнаружена спустя 9 лет после его смерти: 24 октября 1980 г., при раскорчевке местности около руин бывшего крематория III, на глубине примерно 30–40 см.³¹ Ученик Лесного техникума в г. Бринке Леслав Дурш³² нашел стеклянную колбу от термоса, закрытую пластмассовой пробкой и завернутую в кожаную сумку.

В тексте упоминается освобождение Греции — событие, которое невозможно привязать к одной конкретной дате: оно растянулось с сентября по октябрь 1944 г. Это позволяет датировать весь текст как написанный, скорее всего, в ноябре. А возможно, и 26 ноября, когда слухи о предстоящей — и действительно состоявшейся! — селекции зондеркоманды достигли максимума³³.

Но вне зависимости от даты своего написания текст Марселя Наджари звучит иначе, чем все остальные известные нам тексты. Несмотря на плохую свою сохранность и на традиционное для юга Европы обстоятельное перечисление родственников и друзей, текст Наджари более всего напоминает крик — но крик не о помощи, а о мести.

Есть в его воспоминаниях такие слова: *«Я не о том жалею, что умираю, а о том, что не смогу отомстить так, как я этого хочу и как могу»*. И на тот случай, если он умрет, не отомстив, он перекладывает этот долг на других, на своих близких, и это придает перечислению имен некий особый смысл.

Но есть и такие: *«Каждый день мы задаемся вопросом, есть ли Б-г, и несмотря ни на что, я верю, что есть. И все, чего Б-г желает, пусть будет Его воля»*. Для того чтобы в таких условиях на этот вопрос давать такой ответ, требовалась не только неиссякаемость веры, но и колоссальные внутренние напряжение и мужество.

7.

Авром Левите — составитель литературной антологии

Этот поразительный, написанный на идише текст увидел свет в первом номере журнала «YIVO-Bleter» (Записки ЙИВО) за 1946 г. Весенне-летний номер, в котором он появился, вышел летом или осенью, то есть самое меньшее спустя полтора года после «3 января 1945 г.» — даты, которой этот текст был подписан. Есть в публикации и вторая дата — 14 июня 1945 г., Руан: датировка короткого авторского предисловия (выделено в тексте другим шрифтом).

Авром Левите родился в 1917 г. в местечке Бжезив (Бжозув) в Галиции, недалеко от города Санок. Учился там в хедере.

Когда началась война, он не ушел вместе с другими еврейскими беженцами на восток и дождался прихода немцев. Только тогда, увидев своими глазами, что такое «культурные немцы», он бежал в советскую зону и осел в аннексированном СССР Лемберге (Львове) — сна-

чала на правах беженца, то есть полуполюгально, а после получения «трефного», как он пишет, советского паспорта — в местечке Козово, что близ города Бережаны в современной Тернопольской области на Украине, где Советы устроили тогда что-то вроде резервата для таких легализовавшихся беженцев, как Левите. Когда в 1941 г., на сей раз в Козове, Авром снова оказался во власти немцев, он вернулся в родное местечко. Ему, конечно же, были рады в семье, но с его возвращением у них умерла надежда на то, что хотя бы один член семьи спасется.

8 августа 1942 г. его как трудоспособного депортировали в гетто города Прокачив-Плашув, что под Краковом. А всех его «нетрудоспособных» близких — отца, мать, младшего брата и сестер — через день расстреляли в ближнем лесу.

В марте 1943 г., после того, как плашувское гетто ликвидировали, Авром Левите попал в Освенцим и прошел селекцию. Узники в полосатой одежде и шапках, которых он встретил в бараках, напоминали ему пуримшпилеров, только пуримшпилеров наоборот, — когда Аман праздновал свою победу над евреями, а не они над ним.

Левите направили на работу на угольные рудники в Бржезице-Явишовице³⁴, но ему повезло: он работал не в шахте, а наверху, в ремонтных мастерских. В декабре 1943 г. с переломом ноги он попал в аушвицкую больницу, но, сумев чудом уцелеть в еженедельных селекциях, выжил и тут. Он вспоминал и об «отчаянной лихости» советских военнопленных, и о «пережитках гуманизма» у венгерских евреев, о которых он выразился так: «еще одну веточку отрезали».

Аушвицкий текст Аврома Левите датирован 3 января 1945 г. Жанр, в котором он написан, просто невероятен: это предисловие к антологии художественных сочинений на идише и иврите, написанных несколькими еврейскими авторами в Биркенау. Если Градовский и другие писатели из зондеркоманды в своих записках были сконцентрированы на том, как евреи здесь умирали, то авторы антологии собирались рассказать о том, как они здесь жили. Но авторы погибли, а с ними и сама антология, и уцелели лишь предисловие к ней и его автор, Авром Левите.

18 января 1945 г. концлагерь Аушвиц-Биркенау был эвакуирован. Левите со своей больной ногой выжил и на марше смерти: его пригнали сначала в концлагерь Гросс-Розен, а потом перевезли в Бухенвальд, откуда погнали в сторону Цвикау, но по дороге он сбежал. Стоял уже конец апреля или начало мая.

Он освободился сам, и встреча с американцами только завизировала чудо его спасения. Свой дальнейший маршрут он хотел бы тоже определить сам: преамбула к предисловию зафиксировала его промежуточную станцию — французский Руан в июне 1945 г.

Еще в 1945 г. он оказался в Палестине, где — вероятно, очень скоро — женился. В Израиле Левите был редактором и, по-видимому, инициатором «Книги памяти» своего родного местечка («Сефер зикарон кехилат Бжезив»), вышедшей на иврите и идише в 1984 г.³⁵ Он написал для нее много статей и перевел на иврит свой текст 1945 г. В статье «Годы страха и потери близких» он вспоминает свое местечко, свою молодость, «свой» лагерь Ойшвиц и свое чудесное освобождение. Кроме того, он оставил воспоминания («Путешествие в прошлое. Воспоминания ученика хедера из местечка Бжозув (Бжезив)») и собрал книгу идишских пословиц.

И то, и другое вышло уже после смерти Аврома Левите в 1990 г.: в 1992 — мемуары, в 1996 — пословицы. Но думаю, что не ошибусь, если скажу, что главным литературным трудом Левите были именно те несколько страниц, что он написал в 1945 г. для фантастической литературной антологии.

8.

Касиба³⁶, которая дошла

Десять текстов шести авторов о жизни в гетто, о депортациях, о равнодушной луне, о селекциях на рампе и в бараках, о диктате семьи, о неудовлетворенной жажде мщения, о высокотехнологичном превращении людей в трупы, а трупов в пепел. Феноменален и жанровый диапазон — от бытового письма с наказами жене и дочери и комментария к чужой рукописи до летописного свидетельства, публицистического памфлета и подражания пророкам.

Но все рукописи — разные и о разном — не покидают берегов моря Аушвиц-Биркенау.

И нет в литературе о Холокосте других текстов, написанных с такой малой — лишь руку протянуть! — дистанции от газoven и крематориев. Эти живые свидетельства — центральные и важнейшие.

«Пусть будущее вынесет нам приговор на основании моих записок и пусть мир увидит в них хотя бы каплю того страшного трагического света смерти, в котором мы жили», — так закончил Залман Градовский свою касибу потомкам.

Письмо уцелело и, вместе с другими касибами, легло в основание вышедшей в прошлом году на русском языке книги. Но были и другие рукописи, которые были найдены и выброшены или не были найдены и уже никогда найдены не будут. Тем больший вес ложится на уцелевшие и дошедшие до нас свитки.

Авром Левите отмечает: его бы покорило, если бы зов людей, которые, как и он, оказались в тех условиях и пытались оставить другим сведения о том, что им довелось видеть и пережить, дошел не по адресу. По его мнению, если «грядущие хамы и фарисеи» будут считать своим долгом громко *«сожалеть о нас»* и бросятся произносить свои пустейшие *«надгробные слова»*, а *«милосердные дамы будут вытирать глаза надушенными платочками и скорбеть о нас: ах, несчастные»*.

И даже Того, кого он обвинил в глухоте и нежелании слышать, он тоже не считает адресатом, хотя и просит Его не дать этим узническим запискам пропасть: *«Да будет воля Твоя, не слышащий голос плача, сделай для нас хоть это — сложи слезы наши в кожаный мех Твой. Сохрани эти страницы слез в дорожной суме бытия, и да попадут они в правильные руки и совершат свое исправление»*.

Он словно предугадал адорновскую максиму (*«Это варварство — после Аушвица писать стихи»*, 1949) — и заранее дал на нее возражение.

Да, произошла беспримерная планетарная Катастрофа, как если бы в Землю врезалась комета ненависти и выжгла смертным огнем половину одного небольшого народа. От удара образовался глубочайший кратер, AnusMundi, земная кора растрескалась, но планета не раскололась.

Да, евреев уничтожали, — но евреев не уничтожили. И долг уцелевших — засвидетельствовать и сохранить память об этой Катастрофе, рассказать о ней так, чтобы именно после Освенцима могли бы возникнуть новые стихи — такие, каких еще не знала поэзия. Такие, в которых, — о чем бы они ни были, хоть о пингвинах в Антарктиде, — уже отразились бы подспудно весь опыт аушвицких газoven, бабьярских рвов и развалин восставшего гетто, под которыми прятались последние, как им самим казалось, оставшиеся на Земле евреи.

Примечания

¹ Возможно, эти рефрены писались позднее текстов глав и одновременно — или хотя бы незадолго до него — «Письма...». Для проверки этой гипотезы необходим доступ к оригиналу рукописи (важно было бы проанализировать бумажные носители, чернила, почерк), но такой возможностью мы, увы, не располагали.

³ Последняя страница записной книжки обрывается на фразе «Только недавно я...», — иными словами, текст, возможно, не завершен.

⁴ Две последние главы разбиты автором и на внутренние главки, снабженные авторскими же названиями. Но в «Лунной ночи», не говоря о «Дороге в ад», такого членения нет. Тем не менее принцип внутренней структуризации выдержан, в данном случае составителем, и в них: отдельные смысловые блоки разделены друг от друга спусками.

⁵ Обращает на себя внимание следующий — и, вероятно, не преднамеренный — параллелизм композиции «Дороги в ад» и «В сердцевине ада»: в обоих случаях их завершающим элементом является рассказ о селекции.

⁶ Формально первое предисловие обособлено и играет тем самым роль предисловия ко всему тексту. Но для того, чтобы действительно им являться, оно слишком мало отличается от двух других.

⁷ Это имеет еще и сугубо практический смысл: автор не знал, какую из рукописей и куда он закопает, какая из них сохранится, и оттого время от времени он перемежал изложение такими «визитными карточками».

⁸ Основание для такого предположения, однако, — более чем зыбкое: попытка реконструкции фаз душевного состояния Градовского (подробнее см. в: *Полян П. И* в конце тоже было слово... (вместо предисловия) // *З. Градовский. В сердцевине ада. Записки, найденные в пепле возле печей Освенцима. М., 2010. С. 43–45.*

⁹ Заглавие дано составителями. Другой вариант заглавия, попавший и в публикации: «Письмо потомкам».

¹⁰ Сами по себе эти «дебаты» во многих странах рассматриваются как преступные. См.: *Полян П. Отрицание и геополитика Холокоста // Отрицание отрицания... 2008. С. 21–102.*

¹¹ Образцом иного писательского творчества могут послужить записки другого члена зондеркоманды — Залмена Левенталя, имеющие с записками Градовского очень много общего (восходящая к гетто экспозиция, шок от осознания того, что происходит в Аушвице с евреями и от собственной роли в этом, и многое другое), но отличающиеся от последних своими подчеркнутыми приземленностью и фактографичностью, вплоть до названия — вопреки конспирации — десятков подлинных имен.

¹² При первой и малейшей возможности обитатели ада, как и в своей земной жизни, писали стихи, рисовали картины, создавали музыку (особенно красноречиво свидетельствует об этом пример Терезиенштадта). Иногда творческое начало в человеке проявлялось впервые именно «в аду». Но, как заметила А. Шмайна-Великанова, всегда в таких случаях творчество оказывалось насущным и востребованным, приобретало как для творца, так и для читателей, слушателей или зрителей статус молитвы.

¹³ К аналогичным приемам относятся и многократные повторы вводных фраз (например, «Кто знает...»).

¹⁴ *З. Градовский. В сердцевине ада. Записки, найденные в пепле возле печей Освенцима. М., 2010. С. 63.*

¹⁵ Здесь, как и в «Чешском транспорте», снова появляется дихотомия «мы» — «они», только носит она теперь внутриеврейский характер.

¹⁶ См. свидетельство Иешуа Эйбшица (Архив Яд Вашема — YVA. М 99/944).

¹⁷ Mark E. Notes on the identity of the “Anonymous” author and on his manuscript // Ber Mark. The Scrolls of Auschwitz. Tel-Aviv, 1985. P. 168.

¹⁸ Со слов А. Горфинкеля (Там же, со ссылкой на архив Б. Марка).

¹⁹ См.: Greif G. “Wir weinten tränenlos...” Augenzeugenberichte der jüdischen “Sonderkommandos” in Auschwitz. Frankfurt am Main, 1999. S.30.

²⁰ Вот примерное содержание рукописи (в скобках — номера листов оригинала): Гл. 1. Первое предупреждение (1–30); гл.6. На марше (30–46); гл. 10. В день перед депортацией (46–49); гл. 11. Изгнание (50–55); гл. 12. Млава (55–83); гл. 17. На железную дорогу (83–101). Дальнейших подглавок и разбивок текста нет, но содержание последней из глав много шире ее названия: начиная с л. 88 там описываются прибытие эшелона из Млавы на rampу в Аушвице и сама селекция (88–93).

²¹ В качестве примера могут послужить пассажи из последней главки: «Позже мы убедились, что в первой группе насчитывалось четыреста пятьдесят, а во второй пятьсот двадцать пять человек». Или: «Как я позже узнал, моя жена и мой сын находились в этой же группе...»

²² Czech D. Kalendarium der Ereignisse im Konzentrationslager Auschwitz/Birkenau 1939–1945 / Vorwort Walter Laqueur. Reinbeck bei Hamburg: Rowohlt, 1989. S. 912.

²³ См. ниже.

²⁴ См. атрибуцию: Fuchs H. L. The Heavenly Lodz. Tel Aviv: Y.L. Peretz Press, 1972 (на иврите). P. 184–185.

²⁵ Archiw Panstwowe Muzeum Auschwitz-Birkenau, Oswieçim, Polska (АРМАВ — Архив Государственного музея Аушвиц-Биркенау. Освенцим, Польша) Oświadczenia. Bd. 70. Bl. 212 f. (Отчет д-ра А. Заорского, март 1971).

²⁶ В оригинале, точнее, в снятой с него машинописной копии практически не было запятых. Иногда, по наблюдению переводчицы, автор глотал слова, и получалось несколько коряво. Эту корявость переводчица стремилась, по возможности, сохранить.

²⁷ Среди них — около 300 евреев с итальянским гражданством, некоторое время служившим для них дополнительной защитой. К их числу принадлежал, например, Шломо Венеция (*Venezia S.* (im Zusammenarbeit mit B. Prasquier). Meine Arbeit im Sonderkommando Auschwitz. Das esrter umfassender Zeugnis eines Überlebenden Karl München: Blessing Verlag, 2008. S. 22–23).

²⁸ Сам Наджари в воспоминаниях пишет лишь о 260–270 из примерно полутора тысяч людей в эшелоне (*Natzari M.* Hroniko. 1941–1945. Iðryma Etos Achatm. Фессалоникх, 1991. 66 p. [На англ. яз. рукопись, размноженная на гектографе. 46 P.]. (АРМАВ. Syg. Wsp./ Nadjar / 1073).

²⁹ АРМАВ. D-Mau-3/9/8. Zugänge vom KLAuschwitz, Bl. 90.

³⁰ Подробно эта фаза выживания описана в книге Филиппа Мюллера.

³¹ Л. Коэн писал, что среди узников было распространено закладывание в бутылки писем родным и закапывание их на 30-сантиметровой глубине в пепле.

³² См. соответствующий протокол, подписанный Ф. Пипером 25.10.1984 (АРМАВ. Wsp. / Nadjar Marcel. Bd. 135.).

³³ Тем же числом датированы тексты Лангфуса и Германа. У Левенталя последняя из дат — 10 октября 1944 г.

³⁴ Brzeszcze-Jawischowitz (польск.) — угольная шахта в 12 км от Освенцима (эксплуатируется и по сей день) и один из сублагерей лагерного комплекса Аушвиц-III. Между августом 1942 г. и январем 1945 г. принадлежала концерну ReichswerkeHermannGöring; на ней работало около 2000 заключенных.

³⁵ Ее оцифрованную версию см. на сайте Нью-Йоркской публичной библиотеки, на странице Yiddish Book Center's Spielberg Digital Yiddish Library за № 13715: <http://yizkor.nyu.org/index.php?id=1027>

³⁶ Обозначение писем из мест принудительного содержания (тюрем, лагерей), попавших на волю тем или иным контрабандным способом.

Инесса Двужильная
(Гродно)

**ИСТОРИЯ ОДНОГО СОЧИНЕНИЯ:
В. ХВОЙНИЦКИЙ, Л. КОВАЛЬ
«РЕКВИЕМ ХОЛОКОСТУ. МОЛИТВА РУМБУЛЫ»**

В Рижском гетто не было «мелодий»,
там были реквием, вопли и стоны.

Леонид Коваль

В 2006 г. на экраны российского телевидения вышел документальный фильм известного тележурналиста Владимира Молчанова «Мелодии Рижского гетто», основанный на шокирующих кадрах кинохроники времен Второй мировой войны и воспоминаниях пяти узников гетто, живших на момент выхода фильма в Риге¹. «Там, в гетто, как вспоминали узники, часто звучала музыка — отсюда и название фильма. Обитатели гетто играли на скрипке еврейские мелодии, они жили и наивно надеялись, что им удастся спастись», — говорил в интервью накануне премьеры фильма в Доме кино Владимир Молчанов².

Писатель-публицист из Юрмалы Леонид Коваль, для которого судьбы оставшихся в живых узников гетто, концлагерей Латвии и людей, сопричастных трагическим событиям Второй мировой войны, были небезразличны, так оценил ленту: «В Рижском гетто не было “мелодий”, там были реквием, вопли и стоны»³. Такой взгляд стал возможным благодаря его многолетнему усердному труду по сбору информации от выживших в Холокосте. А десятью годами ранее в Латвии состоялась премьера произведения рижского композитора Владимира Хвойницкого «Реквием Холокосту. Молитва Румбулы», автором либретто выступил Леонид Коваль. Три концертных зала Риги, Юрмалы и Даугавпилса смогли принять слушателей не только еврейских общин Латвии. Его премьера осуществилась благодаря поис-

тине интернациональному составу исполнителей⁴. Пресса отреагировала серией статей с высокой оценкой сочинения.

Прошли годы, и, благодаря фонду Владимира Хвойницкого, возглавляемому его сыном А. Хвойницким, с этим произведением смогли познакомиться тысячи людей, пользователей Интернета: посмотреть видеофильм о премьере, прочесть бережно отобранные рецензии, информацию о творчестве Вл. Хвойницкого и Л. Коваля. Вместе с тем о «Реквиеме» практически не знают в кругах академической музыки и исследователей, занимающихся темой Холокоста. В данной публикации сочинение впервые вводится в научный контекст на уровне осмысления драматургии и стилевых аспектов.

Встреча двух авторов будущего реквиема состоялась в январе 1996 года в Риге и была, вероятно, не случайной. Владимир Анатольевич Хвойницкий (13.03.1928, Ленинград – 30.09.1998, Рига) в годы Второй мировой войны в юном возрасте добровольцем ушел на фронт, был музыкантом в составе прифронтовой бригады. В послевоенное время окончил Воронежское музыкальное училище, сумел состояться как личность, найти свое место в избранной профессии музыканта⁵.

Основным жанром творчества стала песня — произведения Хвойницкого включали в свой репертуар Клавдия Шульженко и Ольга Воронец, Муслим Магомаев и Лев Лещенко, Екатерина Шаврина и др. Композитор был прекрасным мелодистом, тонко чувствовал поэзию и требовательно относился к поэтическим текстам. Авторами текстов к его музыке стали Илья Резник и Михаил Матусовский, Булат Окуджава и Расул Гамзатов, Михаил Пляцковский и др. Писал Владимир Хвойницкий музыку к постановкам театров Риги и Воронежа, а его инструментальные произведения исполнялись оркестром электромузыкальных инструментов Всесоюзного радио и телевидения под управлением В. Мещерина, Рижским эстрадным оркестром, оркестром «Голубой экран» и другими коллективами.

Леонид Иосифович Коваль (Кавалерчик) (05.02.1926, Бобруйск – 19.04.2012, Рига), общественный деятель, писатель-публицист, главной темой своего творчества избрал Холокост, на сбор материала потратил более 50 лет⁶. Высокую оценку деятельности Л. Коваля дал рижский историк Г. Смирин, отметив, что в 1990-е гг. «основные проблемы в исследовании Холокоста в Латвии были поставлены не учеными-историками, а публицистами. Большие заслуги в сборе, систематизации, осмыслении и публикации документов и материалов по

Холокосту (и не только в Латвии) принадлежат латвийскому писателю и публицисту Л. Ковалю, чей вклад в источниковую базу по данной проблеме получил международное признание»⁷. Трилогия романов Л. Коваль — «Корни дикой груши», «Стон», «Прозрение», повести «Спасенная», «Восставший узник», «Заложник гестапо», книга стихов «Вечерний город детства», двухтомник воспоминаний «Дневник свидетеля» стали отражением особого мира фактически погибшей идишской культуры.

Главной работой своей жизни Л. Коваль считал две «Книги спасения» и «Книгу спасителей»⁸. 1500 страниц трехтомника — свидетельство трагических событий, связанных с гитлеровским «решением еврейского вопроса». Первым двум книгам, основу которых составили тысячи писем людей, переживших страшное потрясение, предпослан эпиграф автора: «Холокост — наконецник на выструганной веками стреле антисемитизма». Философский смысл третьей книги, «Книги спасителей», в которой собраны сотни имен Праведников народов мира, автор-составитель видел в том, что «после Холокоста мир должен был исчезнуть, но его спасли Праведники».

Именно материалы из «Книги спасителей» стали основой либретто задуманного Л. Ковалем реквиема «Колокола Холокоста» («Реквием Холокосту. Колокола Румбулы»). С этой идеей он и обратился к Владимиру Хвойницкому.

Из воспоминаний Л. Коваль (илл. 1):

10 января 1996 года, Рига. Я впервые встретился с композитором Владимиром Хвойницким. Я увидел человека талантливого, интеллигентного, беззаветно преданного музыке <...> Мое предложение о создании реквиема «Колокола Холокоста» композитор принял с большим энтузиазмом — он сразу загорелся идеей, темой...

— А на идиш Вы пишете? — вдруг спросил он. — Я имею в виду — стихи.

— Никогда не писал... Говорить на нем уже не с кем — все в ямах...

— Попробуйте, у Вас должно получиться!»⁹

Вечером того же дня я продиктовал композитору по телефону мои первые слова к нашей первой песне на идиш — Ды эриштэ либэ («Первая любовь»)¹⁰.

Илл. 1. Вл. Хвойницкий, Л. Коваль.
Рига, 1996 г.

*Рано утром меня разбудил звонок Владимира Анатольевича:
— Приезжайте немедленно, песня готова. У меня уже сидит
певец Анатолий Савченко. Он готов показать песню.<... >*

И вот мы, семья композитора — его супруга Нина Александровна, дети Светлана и Анатолий. У рояля Владимир Анатольевич... Первые аккорды... Первые слова... Чарующий голос певца... И слезы из глаз исполнителей и слушателей...¹¹

За написанными В. Хвойницким несколькими песнями на идише («Мир флиен цу ды штерн» / «Мы летим к звездам»; «Майн эрште либэ» / «Моя первая любовь»), которые вошли в задуманное сочинение, последовало чтение «Книги спасения» и осознание необходимого для крупного музыкального произведения текстового материала. На одном дыхании были сочинены вокальные и инструментальные номера, которые сопровождалась текстом чтеца.

Жанр произведения авторы определили как реквием. За свою многовековую историю существования реквием¹² привлекал внимание композиторов разных эпох и стилей: Г. Дюфаи (?1435) и И. Окегема (1461), В. Моцарта (1791) и Ф. Шуберга (1818), И. Брамса (1868) и Д. Верди (1874), Ч. Айвза (1911) и В. Лютославского (1937), Б. Брит-

тена (1961) и Д. Кабалевского (1962), Кш. Пендерецкого (1984), В. Мартынова (1997) и мн. др. Обратились к этому жанру и композиторы, отразившие тему Холокоста: Д. Лигети (Реквием «Уцелевший из Транснистрии», 1965) и М. Вайнберг (Реквием для детского, смешанного хора и оркестра на тексты Дм. Кедрина, М. Дудина, Ф. Г. Лорки, 1967)¹³, С. Беринский (Реквием памяти Я. Корчака для солистов, хора, оркестра на канонические тексты, 1979) и Е. Станкович (Кадиш-реквием «Бабий Яр» на текст Д. Павлычко, 1991).

История вносила в канонический жанр свои корректировки и преобразования музыкального языка, формы, композиторской техники. Тем не менее мобильные признаки жанра, существенно его обновившие, подтверждают наличие стабильных признаков, в первую очередь в области содержания. Реквием не перестал быть олицетворением скорби, печали, прощания.

Реквием «Колокола Холокоста» посвящен памяти жертв величайшей трагедии европейского еврейства XX века. Вл. Хвойницкий и Л. Коваль отказались от традиционных частей заупокойной мессы, придав значительную роль тексту. В реквиеме, написанном для чтеца, пяти вокалистов и инструментального трио, не звучит латынь; ее заменили русский язык и идиш.

Прежде всего, произведение вобрало в себя эмоциональную атмосферу «Книги Спасения» Л. Коваля, работа над которой была обусловлена современной автору действительностью. В реквием «Колокола Холокоста» кроме прозаических и стихотворных текстов Л. Коваля вошли фрагменты из речи израильского прокурора Гидеона Хаузнера на процессе Адольфа Эйхмана («Представ здесь перед вами, я не один стою»), письмо Абрама Блоха, адресованное расстрелянному в Румбуле 4-летнему сыну («Готов напоить я сегодня весь свет»), стихи на идише Моше Шуештейна «Идут века» (перевод Л. Коваля).

Значительную роль играет в произведении чтец, выступающий в роли автора, человека современности: в прозаических текстах он освещает исторические факты или представляет философское осмысление трагедии, стихи же чаще являются эмоциональным лирическим отступлением. Музыкальная часть «Реквиема» представлена законченными вокальными номерами (сольными и ансамблевыми), чередующимися с инструментальными интермедиями.

Драматургия реквиема выстраивается в четырехчастную композицию, включающую 21 номер¹⁴:

Часть I. ВСТУПЛЕНИЕ (№№ 1–5)

Инструментальное вступление, фа минор. Напевно.

№ 1. «Голоса услышь из гетто, гетто, ставшие судьбой...» (чтец).

№ 2. Румбула: История-свидетель: «На кромке рва сорвали с них одежду...» (соло баритона), фа минор.

№ 3. Инструментальная интерлюдия № 1, фа минор. Напевно.

№ 4. «Мир флиен цу ды штерн» / «Мы летим к звездам» (соло меццо-сопрано), до минор. Тепло, лирично.

№ 5. Киевские каштаны (соло баритона), ля минор. Сдержанно, печально.

Часть II. РУМБУЛА (№№ 6–9)

№ 6 «Как бесконечна из Риги дорога!» (соло сопрано), соль минор. Проникновенно, скорбно.

№ 7. Инструментальная интерлюдия № 2, соль минор. Медленно.

№ 8. Погружение: «Этот город окружен лесами, что ни лес, то память обо мне...» (чтец).

№ 9. Люди-деревья (квартет), фа минор. Тревожно.

Часть III. ВСЕСОЖЖЕНИЕ (№№ 10–14)

№ 10. Рига: «Город мой, как мне забыть тебя из окна предсмертного подвала...» (чтец)

№ 11. Пожар в аду: «В Риге горит синагога хоральная» (квартет), фа минор. Взволнованно, тревожно.

№ 12. «Майн эрште либэ» / «Моя первая любовь» (дуэт тенора и сопрано), фа минор. Лирично, с чувством.

№ 13. Инструментальная интерлюдия №3, ре минор.

№ 14. Колокола Саласпилса: «Деревья, простите людей» (соло баритона), ре минор. Напевно.

Часть IV. НАДЕЖДА ПОКАЯНИЯ (№№ 15–21)

№ 15. «Готов напоить я сегодня весь свет» (чтец)

№ 16. Инструментальная интерлюдия №4, фа минор. Печально.

№ 17. Покаяние «Нету конца у дороги, ведущей в Румбульский ров» (соло тенора), соль минор

№ 18. Спасители: «Я стану перед Вами на колени» (соло тенора), соль минор.

- № 19. «Идут века, сменяет вождь вождя» (солисты), до минор. Торжественно.
- № 20. «Майн мамэ зингт а игллид, зисэ лид а кошер» / «Птицы мира, птицы счастья войны победите» (соло девочки), ре минор.
- № 21. «Золт зайн» / (квартет), фа минор. Широко, торжественно.

Тезисно определим узловые моменты каждой из частей Реквиема. По мнению музыковед Е. Долинской, в обобщенно-сюжетной драматургии канонического реквиема первая часть всегда выполняет как бы двойную функцию. «С одной стороны, она разворачивает первый этап цепи — жизни человека. С другой, первая часть — это одновременно и образный пролог, и обобщенно выраженное содержание всего цикла»¹⁵.

Не становится исключением и первая часть реквиема «Колокола Холокоста», включающая пять номеров и названная авторами «Вступление». Своего рода прологом, олицетворением основной идеи, темы вечной памяти о невинно убитых людях, становится первый номер реквиема «Голоса услышь из гетто». Под лирический аккомпанемент струнного трио, олицетворяющего идишскую культуру с великой любовью к скрипичной музыке, чтец произносит фрагмент обвинительной речи израильского прокурора на процессе Адольфа Эйхмана 1948 г.:

*«И пало в муках две трети европейского еврейства... Представ здесь перед вами, я не один стою. Со мной вместе в этот час шесть миллионов обвинителей — евреи Польши и Белоруссии, Украины и Молдавии, Литвы и Эстонии, России и Латвии, Нидерландов и Бельгии, Чехословакии и Венгрии, Франции и Австрии, Германии и Италии, Норвегии и Румынии, Люксембурга, Югославии, Греции... Они не могут встать и воскликнуть:
— Я обвиняю!»*

«Дай им вечный покой» — так переводятся с латыни первые слова реквиема, заупокойной католической мессы, давшие название всему вокально-инструментальному произведению.

Души узников Рижского гетто нашли вечный покой в Румбуле. В ходе двух кровавых операций (29–30.11 и 8–9.12.1941) в лесу у станции Румбула в 12 км от Риги было расстреляно около 29 тысяч евреев, среди них 5 652 ребенка в возрасте до 14 лет¹⁶. Во втором номере реквиема — «История-свидетель» (соло баритона) — рассказывается о страшных фактах их уничтожения:

*На кромке рва сорвали с них одежду.
На обувь мертвых тоже будет спрос.
На кромке рва без боли и надежды
стояли люди, выпрямившись в рост.*

И души их обрели вечный покой, но может ли успокоится душа матери, на глазах у которой казнили детей? Мы помним великую роль женщины в еврейской культуре, женщины, зажигающей свечу на шабат, женщины — хранительницы дома. Перед ней, являющейся в образе белого ангела, преклоняют колени и каются в грехах. И звучит нежный голос чтеца:

Мама... Еврейская мама! Скажи мне ты, воспетая в наших песнях, бессонная наша мама, скажи мне, что было с тобой, с твоим сердцем, когда на твоих глазах казнили твоих детей, казнили только за то, что ты родила их евреями?

Тепло и нежно льется песня на идиш (соло меццо-сопрано): «Мы летим к звездам, мама» (№ 3):

*Мир флиен цу ды итерн
Мамэ, мамэ, зэ, ес шайнен итерн...
Волкн швимен вайт ин himл вайт.
Мамэ, мамэ, мирн итерн верн.*

Память возвращает трагедию Холокоста не только в Румбуле, которую называют Бабьим Яром в Латвии. Не потому ли венчает первый раздел реквиема «Колокола Холокоста» песня «Киевские каштаны» (соло баритона) (№ 4):

*Когда я приезжаю в город Киев,
каштаны голо спят... Ни шепотка.
А на земле окатыши чернеют
с застывшим взглядом желтого зрачка.
< ... >
На голых кронах волосы седые,
а на земле каштановый пожар.
Когда я приезжаю в город Киев,
я приезжаю в город Бабий Яр.*

Илл. 2. Мемориал «Румбула», Рига

Наметив узловые моменты трагедии во «Вступлении», авторы пытаются восстановить ее в деталях. «Румбула» — вторая часть реквиема, включающая 4 номера. 12 км дороги, ведущей из Риги в Румбулу, вместили целую жизнь, страницы которой словно «пролистываются» в человеческом сознании в ускоренном темпе (№ 6 «Как бесконечна из Риги дорога!»; соло сопрано):

*Как бесконечна из Риги дорога!
Господи, встань и спаси их, любя.
Господи, вот они – старые дроги,
в них уместилась вся наша судьба.*

Каждое дерево в Румбульском лесу (илл. 2) хранит свою историю. Одна из них (№ 8. Погружение: «Этот город окружен лесами, что ни лес, то память обо мне...») в стихе «Убийца и лось» выразительно звучит из уст чтеца:

*Этот город окружен лесами.
Что ни лес, то память обо мне.
Летом отправляюсь за грибами,
и земля мне пятки жжёт, как снег.*

*Сосны в шоке...
В их самосознании
все еще никак не улеглось,
что из-за ствола, как изваянье,
за расстрелом наблюдает лось.*

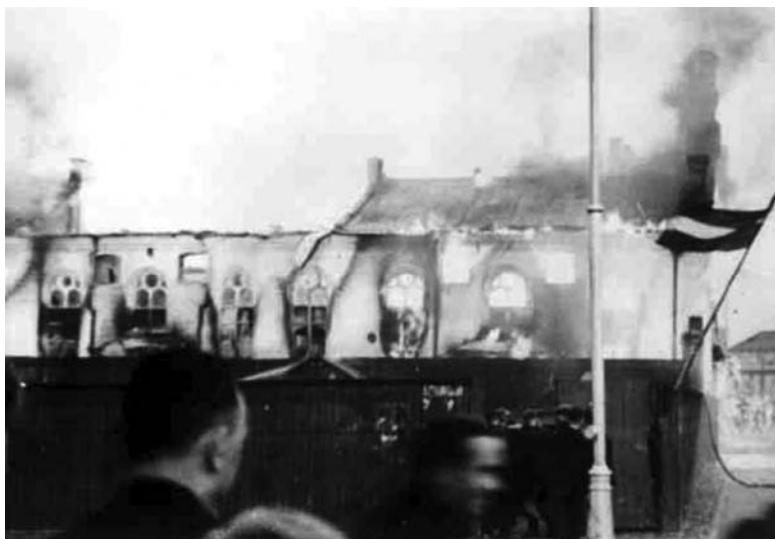
*Каждый выстрел, попадая в сердце,
резал сердце зверя пополам.
Ледяной гулял по шкуре ветер,
шерсть вставала дыбом, как волна.*

*И когда мужчина, взяв ребенка,
раздевать стал жертву донага,
затрубив отчаянно и звонко,
лось убийцу поднял на рога.*

А вот другая история, звучащая в исполнении вокального квартета (№ 9. «Люди-деревья»):

*Падают листья без голоса –
волосы напоминают они.
Кружатся в воздухе девичьи волосы
в эти осенние белые дни.
< ... >
Голос твой праведный слышится,
неугасимый, как свет и любовь.
Травы над рвом, будто дети колышутся
и стонут, как люди, идущие в ров.*

С древнегреческого языка слово «Холокост» переводится как «все-сожжение». Именно так назвали третью часть реквиема ее авторы, возвращая слушателя к событиям, происходящим в Латвии (№ 10. Рига: «Город мой, как мне забыть тебя из окна предсмертного подвала...»):

Илл. 3. Сожжение Большой хоральной синагоги в Риге 4 июля 1941 г.

Чтец: *Рига... Красавица Рига... Почти шесть веков жили евреи в этом городе, и каждая улица может рассказать свою историю.*

*Мамы здесь детей своих качали
в колыбели памятных веков...
Ты зачем их, лес, упрятал в ров?
Я последний в том краю печали,
где расстреляна моя любовь.
Город мой, я пестовал, любя,
улицы твои, твои каналы...
Город мой, как мне забыть тебя
из окна предсмертного подвала...*

День 4 июля 1941 года вошел в историю Латвии как «хрустальная ночь»: в Риге были сожжены около двадцати синагог. Вечером пылала Большая хоральная синагога на ул. Гоголя, 25 (илл. 3). В ее подвалах рижские евреи прятали около 500 евреев-беженцев из Шауля¹⁷, которые стали жертвами коллаборационистов-латышей (отряд Виктора Арайса). В матерей, пытавшихся выбросить детей из окон горящего здания, стреляли из автоматов. Когда старые стены занялись мощным

Илл. 4. Мемориал на месте сожженной нацистами
Большой хоральной синагоги Риги, 1991 г.

пламенем, окна забросали ручными гранатами (илл. 4). Эмоции переполняли авторов реквиема «Колокола Холокоста», вспоминающих этот страшный вечер (№ 11. Пожар в аду: «В Риге горит синагога хоральная»). Почти скороговоркой, взволнованно и тревожно исполняет его вокальный квартет:

*В Риге горит синагога хоральная...
Улица Гоголя, что ты молчишь?
Там, за порогом, дорогой бескрайнею,
люди под сводами Храма сошлись.
<...>
Улицы Риги, глазами оконными
вы поищите в свободной толпе
тех, кто бы бросил детей оголенными
в синагогальное пламя теперь...*

И вновь звучит идиш, напоминающий о еврейской жизни предвоенной Риги, о нежных встречах влюбленных (№ 12. Майн эрште либэ / Моя первая любовь; дуэт тенора и сопрано¹⁸):

Илл. 5. Концлагерь Саласпилс. 1944 г.

*Майн эрите либэ
(моя первая любовь):
«Их тов дос ваин афилэ нит гепрувт...»¹⁹
(«Она была для меня вином в золотом бокале»).*

Это лишь лирическое интермеццо в веренице трагических воспоминаний реквиема «Колокола Холокоста».

Наряду с Румбулой и Большой Хоральной синагогой символом Холокоста в Латвии стал Саласпилс (концлагерь «Куртенгоф»), находившийся в 18 километрах от Риги с октября 1941 г. до конца лета 1944 г. (илл. 5) и предназначенный для содержания в нем советских военнопленных, а также евреев из Чехии, Австрии и Германии²⁰. Суточный рацион состоял из 150–300 граммов хлеба, смешанного наполовину с опилками, и чашки супа из овощных отходов. Отработка трудовой повинности длилась до 14 и более часов. Среди заключенных была очень высока смертность. Весной 1942 г., из-за проводимой в лагере политики голода, большая часть деревьев в расположении

лагеря стояла без коры. Одни пленные грызли кору, другие старались достать нижние ветки и ели их.

Инструментальная интерлюдия, построенная на теме вступления, ведет к одному из наиболее трагических по содержанию номеров реквиема, решенном в жанре вальса (№ 14. Колокола Саласпилса: «Дерева, простите людей за то, что мы вас раздели...»); соло баритона, ре минор):

*Дерева, простите, простите людей!
И сосны, и горькие ели!
За то, что мы стали хуже зверей,
за то, что вас люди раздели.*

Из 5 000 человек к концу лета 1942 г. в концлагере Саласпилс (Куртенгоф) осталось всего около 200 узников. В этих условиях люди могли творить, писать стихи и песни, которые становились актом духовного сопротивления²¹ (илл. 6).

Заключительная часть реквиема «Колокола Холокоста», включающая семь номеров, была названа «Надежда покаяния». Как долго жертвы Холокоста не могли рассказать о тех страшных событиях, свидетелями которых стали. Мысленно они обращались к своим погибшим родным, разговаривая с ними, отмечая совместно праздники (№ 15 «Готов напоить я сегодня весь свет»). Один из них – узник рижского гетто Абрам Блох через шесть лет после Румбулы написал письмо своему сыну — мальчику, погибшему в Румбульском лесу, — ему было всего четыре года. Лейбеле родился 19 января 1937 г., был расстрелян 8 декабря 1941 г.:

*Готов напоить я сегодня весь свет
сыну исполнилось десять лет!
Сегодня мой праздник! Спасибо судьбе!
Так рад я, что волосы рву на себе.
Немея от горя смотрю на портрет.
На сына — в живых уж давно его нет.
Дитя мое! Где ты? Чудесный цветок,
затоптанный в пыль неизвестных дорог.*

Пережившие Холокост смогли простить своих палачей (№ 17. Покаяние «Нету конца у дороги, ведущей в Румбульский ров»); соло тенора):

Илл. 6. Мемориал «Саласпилс», надпись: «За этими воротами стонет земля»

*Нету конца у дороги, ведущей
 В Румбульский белый расстрелянный ров.
 Боже, прости нас, покорно идущих
 на смерть среди пулеметных костров.
 < ... >
 Дай же покаяться душам их черным,
 дай покаянья убийцам... Аминь.*

Как сообщают авторы реквиема, «после освобождения Риги пережившие гетто евреи расписались в школьной тетрадке... В ней 152 подписи... 152 человека из восьмидесяти тысяч евреев, граждан Латвии... Не было бы и этой горстки спасенных, не будь их спасителей» (№ 18. Спасители. «Я стану перед Вами на колени»; соло тенора):

*Я стану перед Вами на колени,
 Спасители, которых я встречал...
 Пусть благодать восходит над Вселенной,
 как Господом зажженная свеча.*

Финалом реквиема в полной мере мог бы быть вокальный номер, написанный на текст идишского поэта Моше Шуештейна «Идут века» (перевод Л. Ковалья). Каждый из куплетов песни-марша исполняет солист:

Баритон:

*Идут века. Сменяет вождь вождя,
сменяется эпоха за эпохой.
И, кажется, что света не дожидясь,
Земля от горя и стыда оглохла.
Из тьмы веков, сквозь беды, плач и стон,
я слышу голос праведного неба.
Бессонным будит колоколом он
людскую совесть, спящую под снегом.*

Меццо-сопрано:

*Покровы льда сковали темноту,
а в ней пылают печи Освенцима...
И детский крик уходит в высоту,
а сами дети стали белым дымом.
Майданек и Панары, Бабий Яр
и Румбула, и Саласпилс сожженный...
Уходят в небо сквозь земной кошмар
и бабушки, и матери, и жены.*

Сопрано:

*Дай руку, узник узнику и верь,
что совесть мира все-таки проснется...
Смотри, как свет во тьме стучится в дверь,
и он к земле истерзанной пробьется.
Нет, не сойдет история с ума —
кому шипы, кому постелит розы...
И королева Датская сама
бесстрашно желтые надела звезды.*

Тенор:

*Мыслители, великие мужи
вселенские делили с нами муки...
Есть в мире соколы, и в мире есть ужи,
и к этой истине я простираю руки.*

Испытав самые страшные потрясения, европейское еврейство выстояло, чтобы дать новую мирную жизнь. Именно ее олицетворяет появляющаяся на сцене девочка, поющая на двух языках нежную колыбельную с символическим припевом (№ 20. «Майн мамэ зингт а игллит, зисэ лид а кошер» / «Птицы мира, птицы счастья войны победите»):

*Майн мамэ зингт а игллит, зисэ лид а кошер.
Майн либэ мамэ, зе вос флит? Эс флиен фойглэн, тохтэр.
Эс флиен вайсэ фойглен файн зей трогн дыр матонэс.
Зэй трогн дыр дэм зуненшайн, аф йонтэв шалахмонес.*

*Спой песню колыбельную мне, дорогая мама.
Увижу стаю белую во сне под облаками.
Там голубиным росчерком все небо расцветает.
И сон твой, моя доченька, там птицы охраняют.*

Припев.

*Птицы мира, птицы счастья, весело летите!
Птицы мира, птицы счастья, войны победите!*

Авторам реквиема «Колокола Холокоста», людям, пережившим войну, все же хотелось закончить произведение на жизнеутверждающей ноте, чем и вызвано появление последней песни (№ 21. Финал, «Золт зайн»), перекликающейся по характеру с № 19. В ней вновь мы слышим два языка, на которых, кроме латышского, разговаривали в предвоенной Риге евреи: идиш и русский. Как завет будущему поколению звучат последние фразы реквиема:

*Наш мир так мал и юн. Наш мир велик и стар.
Добро со злом ведет борьбу не уставая.
Я этот мир храню. И, чтоб он лучше стал,
на дружбу пусть народ народу присягает!*

Значительная роль текста в реквиеме «Колокола Холокоста» не умаляет достоинства музыки. Композитор обратился к камерному исполнительскому составу, отказавшись от оркестра и хора, что придает сочинению личностный характер, акцентирующий внимание на судьбе каждого человека. Музыкальный стиль сочинения в полной мере является отражением стиля его автора — композитора-песенника Влади-

мира Хвойницкого. Этим обусловлен и избранный почти для всех вокальных номеров жанр песни (в ее многоликих градациях), в обращении к куплетной форме.

Стержнем оратории выступает не только текст, но и объединяющие музыкальные факторы: возвращающаяся инструментальная интермедия, прослаивающая вокальные номера, звукопись средствами рояля колоколов Саласпилса, опоясывающих реквием в его крайних номерах. Существуют и более тонкие тематические связи, которые требуют детального изучения партитуры.

Реквием «Колокола Холокоста» В. Хвойницкого и Л. Ковалья может занять достойное место в образовательном процессе особенно школ Латвии, так как в нем ярко выражен региональный аспект событий, которые можно преподносить не только обращаясь к архивным, историческим источникам, но и через открыто-эмоциональный вид искусства — музыку. Отдельные номера реквиема могут звучать и в мемориальных сочинениях, посвященных дням памяти жертв Холокоста. Их музыкальную и поэтическую ценность отметит не только искушенный, но и широкий слушатель.

Примечания

¹ Одна из них — Фрида Михельсон, автор книги «Я пережила Румбулу» — воспоминания узницы Рижского гетто портнихи Фриды Михельсон, написанные ею в 1965–1967 гг. (английский перевод: *Michelson F. I Survived Rumbuli / translated from Russian and edited by Wolf Goodman, New York: The Holocaust Library, 1979*).

² Цит. по: Молчанов в Рижском гетто [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://ru.wikinews.org/wiki/Молчанов_в_Рижском_гетто. Дата доступа: 12.01.13.

³ Цит. по: Коваль Л. В Рижском гетто не было «мелодий». [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.newspb.ru/allnews/640940/>. Дата доступа: 22.01.13.

⁴ Реквием исполнили Нелли Шевченко-Воног (сопрано), Нонна Рахманова (меццо-сопрано), Владимир Савченко (тенор), Владимир Гросманис (баритон), Марина Бисякова (детский вокал); Александр Гольдштейн (чтец); Светлана Бисякова-Хвойницкая (фортепиано), Валентина Йоста (скрипка), Аяя Кантэ (виолончель).

⁵ Подробнее о жизни и творчестве Вл. Хвойницкого читайте в материалах сайта: http://www.muzfond.lv/site/vh_index.html

⁶ Писатель родился в Бобруйске, с 1959 г. жил в Юрмале, где организовал еврейскую общину (1992), вел активную общественную работу (был одним из организаторов Ассоциации еврейской культуры Латвии, возглавлял международное Общество истории гетто и геноцида евреев). Свою биографию он представил в

автобиографических сочинениях: романе «Корни дикой груши», повести «Дневник свидетеля, или восхождение к любви» (фрагмент книги чит.: Мишпоха № 18 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://mishpoha.org/n18/18a22.shtml>).

⁷ Цит. по: *Смирин Г.* Тяжкий груз прошлого: Холокост в Латвии в исследованиях последних лет [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://rigaxx.narod.ru/kollaboro3.html>.

Отдельные вопросы, связанные с Холокостом в Латвии, освещали в своих исследованиях историки разных стран: М. Вестерман, А. Странга, Г. Смирин, Л. Дрибинс, Х. Стродс, И. Клейман (Латвия), И. Арад, А. Шнеер (Израиль), И. Альтман (Россия), К. Кангерис (Швеция), Н. Наймарк, А. Эзергайлс (США). Анализ источников приводится в статье Григория Смирин (там же).

⁸ Книга спасения / Авт.-сост. и литературная запись Л. Коваль. Юрмала, 1993. Ч. 1–2.

Книга спасителей / Авт.-сост. и литературная запись Л. Коваль. Рига, 2001. Ч. 3.

⁹ Годы детства и юность Л. Коваль провел в Бобруйске, белорусском городке, где большинство населения говорило на идише. Именно здесь будущий писатель окончил три класса школы на идише.

¹⁰ Идиш Коваля не всегда соответствуют нормам языка, а его переводы на русский не всегда совпадают с тем, что написано на идише. Поскольку речь идет об авторском тексте на идише и собственном русском аналоге к этим текстам на идише, эти слова публикуются без изменений.

¹¹ Цит. по: *Коваль Л.* Воспоминания о композиторе Владимире Хвойницком [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.muzfond.lv/site/vh_vospominanija_kovalj.html.

¹² Реквием — жанр католической заупокойной мессы, посвященный памяти ушедших.

¹³ В реквиеме М. Вайнберг избирательно подходил к текстам, выбирая из большого архива предельно драматические, максимально соотносящиеся с основной идеей произведения: отражение трагедии личности.

¹⁴ Просмотр произведения Вл. Хвойницкого и Л. Коваля доступен пользователям интернета:

1) <http://www.youtube.com/watch?v=x1Ar1CCuh4s>

2) <http://www.youtube.com/watch?v=8uDuLhQtAwQ>

¹⁵ Цит. по: *Петров В.* Реквием и современность // Израиль XXI: музыкальный журнал [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.21israel-music.com/Petrov_Rekviem_XX.htm.

¹⁶ Сведения приводятся по электронному источнику: <http://rafael-972.narod.ru/photoalbumghetto.html>.

¹⁷ Сведения приводятся по электронному источнику: Погромы в Риге http://ru.wikipedia.org/wiki/Рижский_погром

¹⁸ Песни на идише из реквиема вошли во второй альбом «А лид ви либэ» («Песня как любовь») Владимира Хвойницкого и Л. Коваля из серии «Золотая коллекция композитора Владимира Хвойницкого».

¹⁹ Дословный перевод с идиша: «Я даже не попробовал вина».

²⁰ Лагерь был обнесен колючей проволокой в два ряда и имел площадь 30 гектаров. Узники помещались по 350–500 человек в бараках, рассчитанных на 300 человек.

²¹ О подобном «стихотворчестве» немецких, австрийских и чешских евреев, депортированных в Ригу, мы узнаем из донесения командующего силами полиции безопасности и СД Остланда. После войны бывшими узниками концлагерей Латвии были изданы несколько сборников с лагерной поэзией и песнями: «Песни гетто и концлагерей из Латвии и Литвы. Записаны, собраны, объяснены и снабжены музыкальным сопровождением Иоганной Спектор» (Вена: “AJDC. Austria”. — 1947), Макс Кауфман. “Churbn Lettland. Vernichtung der Juden Lettlands” (Катастрофа Латвии. Уничтожение евреев Латвии). — Мюнхен, 1947.

Kristina Winkler
(Leicester)

THE HOLOCAUST IN ROSTOV-ON-DON
IN EYEWITNESS ACCOUNTS

The Holocaust in the Soviet Union has been the subject of many publications, some of which, like Schwarz's *Jews in the Soviet Union*, appeared shortly after the end of World War II (1951). Apart from early scholarly approaches such as Poliakov's *Harvest of Hate: The Nazi Program for the Destruction of Jews in Europe* (1956) and Hilberg's *The Destruction of the European Jews* (1961), numerous accounts of survivors written in exile have documented the genocide of Soviet Jews and the destruction of Jewry in Eastern Europe.¹ The first systematic approach towards a documentation of the annihilation of Soviet Jewry by German occupation forces was undoubtedly the *Black Book* by Ilya Ehrenburg and Vasilii Grossman. By collecting individual accounts from all over the occupied territories as early as 1943, they delivered an initial draft history of the genocide while the process was still underway. Yet it is a well known fact that the *Black Book* was never published in the Soviet Union since it contradicted Soviet policy to maintain a veil of silence around the special status of Jewish victimhood under Nazi occupation.

The approach to use personal accounts to describe incidents records events that might otherwise fall into oblivion, as Bartov points out.² Despite the critique this approach has faced from historians who argue that "memory was unreliable for research purposes and was distorted by nostalgia"³, the method adds additional perspectives regarding the events. Bartov defends "all forms of evidence provided by individual protagonists in historical events" for the sake of a more comprehensive picture than that created by conventional sources such as perpetrator documentation⁴. Apart from the *Black Book*, other early examinations of the Holocaust on Soviet territory

referred to perpetrator sources or the rare but officially controlled Soviet sources available such as newspapers, periodicals or books. Since the fall of the Iron Curtain and the opening of archives, relevant publications have managed to deliver a more balanced description of events by drawing on additional sources such as judicial documents.⁵

Still, a history of the Holocaust in Rostov that combines primary Soviet and perpetrator sources from regional and central Russian as well as western archives with eyewitness accounts is so far lacking. The very few Russian publications on the subject focus on Russian primary sources and at best include secondary western sources. The same holds true for western research on the subject. The often overt mass killings are now receiving wider attention thanks to Desbois work and other regional studies including that by Michaela Christ on Berdichev.⁶ Meanwhile, earlier works on Operation Barbarossa and on individual memory of war and Holocaust in the former Soviet Union such as Gotzes', Kohl's or Romanovsky's work have not received due attention.⁷ At least for German historiography this might be explained by a perpetrator oriented approach that is still dominant, as Pohl points out.⁸ Exemplified by the case of Rostov, we will see that an approach which includes eyewitness testimony and thus individual memory adds valuable insights to the already existing research results (on the perspectives of victims, bystanders, collaborators and perpetrators).

1. Sources

Among the Soviet sources on WWII and the Holocaust, we find numerous documents collected for later trials held both in the Soviet Union and abroad. All over the occupied territories, witnesses reported to the Soviet authorities after the war or the liberation of their respective town. These testimonies were collected by the Military Commissions of the Red Army and the Extraordinary State Commission in order to document Nazi crimes committed on Soviet territory. In 1942 this Commission "for the Establishment and Investigation of the Crimes of the Fascist German Invaders and Their Accomplices, and of the Damage They Caused to Citizens, Collective Farms, Public Organizations, State Enterprises, and Institutions of the USSR" was established. About 32,000 public representatives proceeded to gather material from all over the occupied parts of the Soviet Union. In addition, about seven million Soviet citizens collected and prepared documents for the commission. The overall material consists of

about 54,000 witness statements and some 250,000 protocols of witness interrogations. About four million reports on the damage caused by the Nazis were compiled based on these testimonies, and some of them were published in English and Russian between 1943 and 1945.⁹ As mentioned above, the evidence was first of all gathered to justify the expected demand for extensive German reparations. Thus without the intention to record history *per se*, the commission nevertheless amassed material which served to document the Holocaust in the Soviet Union. Bezymenskiy argues that the officials who wrote the reports were instructed to avoid stating that the victims of the mass atrocities had been Jews.¹⁰ Many of the reports therefore contain the neutral euphemistic formula ‘innocent Soviet citizens’. Despite the instruction there were occasional lapses, though. In some cases, as with a report stored in the Russian State Archive of the Rostov Oblast, both terms were used to describe the targeted extermination of Jews.¹¹ The same applies to commission documents from other oblasts: According to Feferman, the commission investigators to the contrary sometimes even asked to confirm that the Nazi victims were Jews and not representatives of other nations, as, for instance, in the case of an investigation in Smolensk.¹² In other, more frequent cases, questions about the destruction of the Jewish population were posed. The above mentioned objections towards the commission’s documents can therefore only partly be shared if one takes a closer look at the material in regional archives, in this case Rostov’s GARO. Pohl notes, that albeit justified concerns about the undemocratic nature of the Soviet trials, an analysis of national socialist crimes in Eastern Europe, particularly on the local level, cannot afford to exclude the documents that originated from them because these were produced shortly after the events and sometimes provide the only source there is.¹³

The eyewitness accounts cited in this article are stored in the German Federal Archive in Ludwigsburg (BAL), the Russian State Archive of the Rostov Oblast (GARO), as well as the United States Holocaust Memorial Museum (USHMM). The USHMM archive gradually received Holocaust-related files from major Russian archives including the Russian State Archive (GARF), the Russian Military Archive, the Central Archives of the Ministry of Defence of the Russian Federation, and the Central Archives of the Russian Federal Security Services (FSB, former KGB). Among the sources studied from these archives were selected records from the collection of the Soviet State Extraordinary Commission, reports and investigative materials compiled by the Military Commissions of the Red Army related to the cri-

mes committed by the Nazis and their collaborators on the occupied territories of the Soviet Union between 1942–1945, as well as records relating to war crime trials in the Soviet Union held between 1945–1947. In 2012 the USHMM archive furthermore received copies of Ludwigsburg's Central Office's inventory B 162.

The documents from the German Federal Archive in Ludwigsburg (BAL) were collected in the 1960s by the Central Office of the Judicial Authorities for the Investigation of National Socialist Crimes (*Zentrale Stelle der Landesjustizverwaltungen zur Aufklärung von NS-Verbrechen*), founded in 1958.¹⁴ They were used for the preparation of western German trials against members of *Sonderkommando 10a*.¹⁵ Some of those accounts were from the same witnesses who were questioned by the Extraordinary State Commission 20 years earlier, while others were translations from collaborators' testimonies made after the Krasnodar trial of 1963.¹⁶ In October of that same year, the Central Office had been informed by Soviet authorities that these had evidence about former members of *Sonderkommando 10a* that left no doubt that the former SS men were perpetrators of mass atrocities against Soviet civilians.¹⁷ As a consequence, the senior prosecutor from Munich's district court where preliminary proceedings were conducted against Christmann et al. asked his Soviet colleagues for judicial assistance.¹⁸ Of particular interest were testimonies from eyewitnesses as well as collaborators. Given the availability of evidence, it is troubling that a specific trial regarding the crimes committed in Rostov was subsequently never opened in either western or eastern Germany despite the investigations of the Central Office.¹⁹

The extermination of the Jews of Rostov-on-Don

This article focuses on the mass atrocity committed by *Sonderkommando 10a* during the second occupation of Rostov between 24 July, 1942 and 13 February, 1943. The first occupation in November 1941 lasted merely a week, and during this short period, the occupiers began preparing anti-Jewish measures by installing a Jewish council and publicly announcing the need for registration. The testimonies referring to the second capture deliver a comprehensive picture of the Holocaust in Rostov and cover all stages of it by demonstrating the perspectives of perpetrators, local policemen and civilian observers. We can basically distinguish three episodes leading towards the *Shoah*, all of which are commented on in the testimonies: In the

initial phase, two announcements addressed to the Jewish population were again published shortly after the city was captured. These were first a call to register (4 August, 1942) followed by an order (9 August, 1942) to appear at certain concentration points in the city on 11 August, 1942. In order to avoid suspicion and to organize a massive robbery of Jewish property, the registration was conducted by Jews who had been specifically picked for this procedure by the Germans, according to a NKGB-report from 21 February, 1944.²⁰ Those to be registered were led to believe that they would be resettled and should therefore bring their valuables and keys to their houses to the concentration points. The second episode was the actual gathering process and removal. A large number of people followed the order and appeared at these collection points on 11 August, 1942. From here they were transported to the execution sites where they were eventually murdered by members of *Sonderkommando 10a* which marks the third stage of the mass atrocity.

Regarding the first of these stages, we can draw on accounts from perpetrators, observers and local collaborators (the so called *politsai*) that deliver information on the existence of a Jewish council and its function, the target groups as well as the deceit facilitating first the deportation, followed by the robbery of Jewish property. Several civilian observers reported seeing announcements addressed to the Jewish population instructing people to register and appear at specific collection points on a specific date for relocation. These witnesses remembered that the Jews were ordered to bring their valuables and keys to their houses: Lina Pravdneva recalls: "Around 9 August 1942 the Germans published an appeal ordering all Jews to appear at collection points with their valuables and keys to their flats on 11 August."²¹ The Jews were led to believe they would be relocated. As Lothar Heimbach, former deputy commander of *Sonderkommando 10a*, remembers twenty years after the events, the announcements were intended to insure an uninterrupted deportation and killing: "The intention behind the announcements was to gather the local Jews as smoothly as possible in order to liquidate them as quickly as possible, as intended."²² Heimbach's statement was reassured by Nikolai Vinokurov, a Russian collaborator who remembered that the announcements simulated a resettlement in order to hide the intentional killing. Vinokurov was interrogated in Krasnodar in 1964 by the Chief Inquisitor of the State Security Committee to the Soviet Council of Ministers of the Rostov and Krasnodar Oblasts. The interrogation was conducted due to a request from the Central Office in Ludwigs-

burg one year after the second Krasnodar trial against nine Nazi collaborators had come to an end. Vinokurov testifies that arrangements were made for the liquidation of the Jews straight after the arrival of the *Sonderkommando* members in Rostov. The announcements to the Jewish population were published for the purpose of collecting people and pretended “that all people of Jewish origin would be resettled from Rostov to other populated villages where work and a peaceful life would be guaranteed.”²³ Daria En’kova lived on the second floor of Engels Street No. 60, one of the six spots where the registration procedure took place. En’kova, who testified as a witness at the Krasnodar trial of 1963,²⁴ remembers how the registration was conducted by a German and a local translator in room No. 10 on the first floor of her house: She asked a man who was waiting to be registered why Jews in particular had to follow this procedure and the man said he heard they would be resettled someplace else where they could work and live.²⁵

Regarding the second stage of the Holocaust in Rostov, the concentration and transportation of the Jewish population on August 11, we find accounts from civilian observers and collaborators that provide very important information first of all on the victims, who represented all age groups, children, men and women. But the testimonies also give us an insight into to these peoples’ behaviour and emotional state. Apart from the victims, the accounts also deliver information on local collaborators who worked for the occupants as translators and during the mass executions, on their behaviour as well as the perpetrators’ behaviour. What do we find out in detail? The collection points were situated in residential areas and the testimonies reflect that. The civilian observers were so close to the events that they could not only watch a general scene but were sometimes even part of it. An example is the aforementioned witness Daria En’kova who recalls how the Jews were transported off a few days after the registration: “No resident of our house was allowed to leave the house towards Engels Street and only Jews were admitted to the concentration points.”²⁶ En’kova watched terrible scenes from inside the house and describes how a young Jewish woman was separated from her baby son. The child was thrown into a black vehicle, one of the gas wagons used for the mass execution in Rostov, whereas the mother was forced to board a green vehicle.²⁷ “Two to three days after the deportation of the Jews”²⁸, En’kova spoke to a Soviet prisoner of war and learned that the Jews had not been relocated but brutally murdered. The man had been forced to aid the German perpetrators in the

mass murder and told her about the use of gas vans, how children had been thrown into the ravine alive and adults were shot in front of him.²⁹

Another witness, Ol'ga Golova, who stood near one of the concentration points reported, that she saw Jews hand in their belongings and heard what victims and members of the local Police were saying: "There were elderly, young people, children and adolescents, all in all about 1500 people were gathering. (...) The people were worried, you could hear outcries everywhere: 'Are they going to kill us?' — 'Where are they taking us?' etc."³⁰ The conversations show that the victims were highly alarmed and had a sense that they would not merely be relocated. It is likely that some might have remembered the anti-Semitic terror during the first occupation nine months before when about one thousand Jews were murdered, as Al'tman notes.³¹ According to the eyewitness Klavdiia Tolstikova, members of the Police spoke to the worried people and told them not to be afraid since they would only be resettled: "Russian traitors in German uniforms walked up and down between the assembled Jews and calmed them down. Nobody is going to harm you, they're not going to shoot you."³² Tolstikova heard how the *politsai* referred to the nearby city of Taganrog where according to eyewitness accounts up to 8,000 Jews had been murdered in October of 1941 following the same procedure.³³ According to Tolstikova, the collaborators appeased people by telling them the Jews of Taganrog had also been resettled.³⁴

On 11 August, 1942, witness Lina Pravdneva stood nearby school No. 42 on *Sotsialisticheskaia* Street which was one of the collection points and later reports very detailed how she saw the Jews arrive at the collection points where Germans took their belongings. She also recalls how the people were transported off on lorries towards the *Rabochii* district: "On the appointed date, the Jewish population gathered at the collection point on *Socialisticheskaya* street and *Gazetnyj per./.* with personal belongings and keys to their flats. The Germans took the luggage and the keys off the arriving Jews and put them on a pile whereas the Jews were chased off into the opposite corner of the courtyard. After a while German vehicles drove up towards the school onto which the Germans started to board the Jews. Loaded with the Jewish population, the vehicles were sent towards the *Rabochij* district by the Germans."³⁵ Some observers later testified that they witnessed physical abuse by the Germans, for example, when people couldn't get on the lorries quick enough.³⁶ What all accounts have in common is that the witnesses describe how people were taken away on large

vehicles. Ol'ga Kotnarovskaia was looking for her father at the police headquarters on Krasnoarmeiskaia street when she accidentally witnessed how men and women were loaded on trucks. She knew that the Germans were particularly looking for Jewish Rostovians and had seen the respective public announcements. While she was standing in front of the police station, she identified her former colleague Alexander Rubinstein among them, who shouted "goodbye" to a woman from one of the vehicles. Kotnarovskaia also describes meeting a Jewish acquaintance of hers named Raia a few days prior to watching this scene who had told her that she and her little son would obey the order to appear at one of the collection points which was also on Krasnoarmeiskaia street.³⁷

Among the files from the BAL and the USHMM are also few accounts from those people who collaborated with the occupiers which offer an insight into their perspective of the events. In his testimony, Nikolai Vinokurov describes the scope of his functions during the transportation of the Jews. "I was ordered, together with other comrades, as escort for the moribund victims to the execution site, a task I fulfilled during the entire three days of the operation."³⁸ The role of locals who worked for *Sonderkommando 10a* and thus assisted in the mass atrocities is highly ambivalent as are their motives. Often, these men felt forced to collaborate as various accounts from the Krasnodar trial of 1943 show.³⁹ Many testify that they were afraid they would be killed should they not cooperate. Another reason was the precarious food situation facing local population. Some collaborators joined *Sonderkommando 10a* to avoid deportation because they feared for their families. But some had just lost faith in the Red Army and tried to secure their own well being by assisting those newly in power. Nevertheless, these people assisted in killing fellow citizens with whom they had hitherto peacefully coexisted, and the testimony of aforementioned Klavdiia Tolstikova reflects her emotions as she calls them "traitors".⁴⁰

The testimonies referring to the mass shooting in the Zmievka ravine a few kilometers outside of Rostov, are mainly from local inhabitants. The executions were witnessed by up to 50 inhabitants of the Zmievka settlement, as a secret police lieutenant informs his superior in a report from 14 October, 1943.⁴¹ None of the eyewitnesses had obeyed the order of the occupiers to leave their houses during the time of the executions and their accounts are important for a number of reasons. They first of all deliver information on the victims' ethnicity and presumably how many people were killed, but they also tell us where and how these people were mur-

dered and by whom. In detail, the witnesses name the crime scenes Zmievka ravine and botanical garden and specifically refer to the killing of 15,000–18,000 Jewish victims.⁴² In his report which is based on a conversation with Anna Tolstykh, one of the inhabitants of Zmievka, the above mentioned secret police lieutenant, mentions three shooting sites he inspected and estimates that these were filled with more than ten thousand bodies. According to his report, Tolstykh witnessed the shooting of the Jews of Rostov. Together with other inhabitants she later testified about the horrific events: “From early morning until late in the evening of 11 August, a mass execution of the Jewish population took place in the nursery of the Botanical garden. [...] I saw how the Germans undressed men, women and children until they were nearly naked and how they pulled them almost like idiots to the pit.”⁴³ Marfa Derganova’s house was close to the shooting site and she remembers the tragic scenes she could watch from her garden. Thanks to her testimony we may assume that the victims were aware of the anti-Jewish nature of the crime. Derganova describes how a girl saw her in her garden and called upon her to save her: “When I went onto the stand on the day of that horrible fascist execution, a girl near the pit where the German murderers were shooting cried: ‘Oh auntie, oh dear uncle, rescue me, my mum is Russian and my father is Jewish, rescue me.’ That cry had such an effect on me that I fainted.”⁴⁴ The accounts furthermore inform about the treatment of small children and infants who were poisoned with a yellow substance that was applied onto their lips, or were thrown into the ravine alive.⁴⁵ Zinaida Saprykina testifies that she could hear children cry from where she was standing, begging not to be shot.⁴⁶

While Anna Tolstykh recalls that the victims were undressed, other observers don’t particularly mention this specific fact. As we know from other mass atrocities of the *Sonderkommandos*, it is however likely, that the victims had to undress before being taken to the actual shooting site. Several testimonies from people who were very close to the crime scene suggest that this was the case in Rostov: Leo Maar, a *Volksdeutscher* who worked near the crime scene as an interpreter as well as members of *Sonderkommando 10a* testified that the victims were brought to a transit house near the killing site. Nikolai Vinokurov, who escorted the victims, also mentions this house in his testimony.⁴⁷ According to Leo Maar, there they had to first hand in their valuables and then undress before leaving the house and being driven to the execution site. Maar’s duty was to translate to the victims that they had to undress and leave their valuables: “The

Oberscharführer said: 'The people are going to come inside any minute now, tell them that they should leave their valuables at my table and then undress in a corner of the room. They will then be brought to baths, will be given new clothes and taken to a labour camp.'⁴⁸ It is Leo Maar's testimony thanks to which we know what exactly happened inside this building before the victims were led to the shooting site under false pretence. What he describes is in other words important in terms of understanding the cause of events before the actual beginning of the mass atrocity and it partly explains how it was technically possible to conduct a crime of this scale. First, men, women and children were separated before entering the room where the interpreter awaited them together with an SS man. "While the women came into our room, the men went into the room next to ours." It was always groups of eight to ten women and children who were led into the room at once and Maar then asked the frightened victims to undress after they had handed in their valuables. The naked women and children then left the room and the next group was brought in. According to Leo Maar, the procedure took several hours from early morning until the afternoon and several hundred Jews passed through it that day. He assumes that the victims were loaded on trucks once they had left the building and taken to the shooting site.⁴⁹ It is likely that this was the case, as the inhabitants of Zmievka who witnessed the shooting, gassing and poisoning of the victims, mention trucks on which the people were driven to the crime scene.⁵⁰ Various accounts also mention dark lorries that carried the bodies of those who were gassed which were disposed of into the ravine.⁵¹ A report based on the accounts of the witnesses Tolstykh, Saprykina, Trufanova and Danil'chenko describes that in some cases on the way to the shooting site the victims were loaded from an open truck to closed black vehicles, the gas vans. Upon arrival at the Zmievka ravine, these vehicles were opened and one could see smoke coming out from the inside, while the victims were thrown into the ravine.⁵²

Nikolai Vinokurov's account shows that he as well as other police members had to both prepare and assist or participate in the executions. He testifies that the majority of people was shot rather than gassed and admits that he was among the perpetrators: "The shootings were mainly conducted by the Germans but sometimes, by command of the German soldiers, we had to do it."⁵³ Vinokurov also names one of the main perpetrators, Heinrich Görz, who was never brought to justice for the crimes he committed in Rostov.⁵⁴

Summary

In conclusion, it is shown that all stages of the Holocaust in Rostov are covered by accounts from mainly civilian observers as well as perpetrators and their local collaborators. These accounts describe in very unsettling ways what happened, when and how. The testimonies cited in this article are those that specifically mention the Jewish victims. As pointed out before, in many other Extraordinary Commission reports on Rostov we find the words “peaceful Soviet citizens” instead, when in fact these were Jewish civilians. A current legal dispute between Rostov-on-Don’s Jewish community and the city administration about whether or not the mass atrocity of August 1942 is to be interpreted as a Holocaust-related crime, demonstrates the necessity to take the eyewitness testimonies into account for a more detailed evaluation of the historic events. This might include interviewing the very few witnesses who are still living.

Notes

¹ Frida Michelson’s *I survived Rumbuli* from 1979, originally written in Russian, or Liebe Lozdan’s *Memories of a childhood in Shirvint* are but two examples of a large variety of reminiscences on the Holocaust and destroyed Jewish life in Eastern Europe.

² O. Bartov, Wartime lies and other Testimonies, *Jewish-Christian Relations in Buczacz, 1939–1944 // East European Politics and Societies*, Vol. 25 No. 3, August 2011, p. 486. This is particularly true in the case of the Holocaust on Soviet territory because Soviet sources only scarcely tell us anything about the ethnicity of Nazi victims. On the contrary, they predominantly contain the term ‘peaceful Soviet citizens’ when in fact Jews were the victims of a mass execution such as in Babi Yar.

³ T.J. McKay, *A multi-generational oral history study considering English collective memory of the Second World War and Holocaust*. Leicester, 2012, p. 35.

⁴ Bartov, p. 487.

⁵ Publications such as Altman’s *Victims of Hate*, Angrick’s *Occupation Politics and Mass Murder. The Einsatzgruppe D in the Southern Soviet Union, 1941-1943*, Arads *The Holocaust in the Soviet Union* or Volume 7 of *Edition Judenverfolgung* by the German Institute of Contemporary History

⁶ M. Christ, *Die Dynamik des Tötens Die Ermordung der Juden in Berditschew*, Frankfurt am Main, 2011.

⁷ A. Gotzes, *Krieg und Vernichtung. Sowjetische Zeitzeugen erinnern sich*, (Darmstadt, 2006). P. Kohl, *Ich wundere mich, daß ich noch lebe. Sowjetische Augenzeugen berichten*, (Gütersloh, 1990). D. Romanovsky, *The Holocaust in the Eyes of Homo Sovieticus: A Survey Based on Northeastern Belorussia and Northwestern Russia // Holocaust and Genocide Studies* (1999) Vol. 13 (3).

⁸ D. Pohl, Prosecutors and Historians: Holocaust Investigations and Historiography in the Federal Republic 1955–1975 // *Holocaust and Justice, Representation and Historiography of the Holocaust in Post-War Trials*. Jerusalem, New York, Oxford, 2010, p. 128.

⁹ M.A. Sorokina, *People and Procedures Toward a History of the Investigation of Nazi Crimes in the USSR* // *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. Volume 6, Number 4 (Fall 2005), p. 797–803.

¹⁰ Lev A. Bezymenskii, *Informatsiia po-sovetskiy* // *Znamia*, no. 5 (1998), pp. 191–99.

¹¹ GARO, fond 3613, opis 1, delo 2, list 1ob.–5.

¹² K. Feferman, Soviet Investigation of Nazi Crimes in the USSR: documenting the Holocaust // *Journal of Genocide Research* (2003), 5(4), December, p. 591.

¹³ D. Pohl, Sowjetische und Polnische Strafverfahren wegen NS-Verbrechen — Quellen für den Historiker? / Ed. by J. Finger, S. Keller and A. Wirsching // *Vom Recht zur Geschichte Akten aus NS-Prozessen als Quellen der Zeitgeschichte*. Göttingen, 2009, p. 140.

¹⁴ The Central Office “was initially restricted to investigating crimes that occurred outside Germany and only those related to wartime operations but committed beyond such operations against civilians. In particular NS crimes at concentration camps and similar camps had to be treated.” Information sheet by the Central Office of the Judicial Authorities for the Investigation of National Socialist Crimes, Gen. IV-215, December 2012.

¹⁵ Trial no. 864, *Justiz und NS-Verbrechen XLIV*. Amsterdam, 2011, p. 247–311.

¹⁶ A first trial against local collaborators and former members of *Sonderkommando 10a* was held in Krasnodar in 1943 but was focused on crimes committed in Krasnodar. The trial of 1963, to the contrary treated the crimes committed in Rostov unlike the one in 1943.

¹⁷ BAL, B162/1257, p. 1–3.

¹⁸ BAL, B162/1257, p. 6–12.

¹⁹ In many cases, the Central Office’s preliminary investigations did not result in indictments, and this was the case too regarding the crimes committed in Rostov. Of 172,294 persons against whom the Central Office investigated, only 16,740 were indicted, 6,656 of whom were sentenced to prison. See <http://www.bundesarchiv.de/imperia/md/content/dienstorte/ludwigsburg/strafverfolgungsbilanz.pdf> (accessed 15.05.2013) Three members of *Sonderkommando 10a* who participated in the mass shooting of Jews in Rostov in August, 1942, were for example only sentenced to prison for crimes they committed in Taganrog and Jejsk. It is unclear why the defendants were not charged although preliminary investigations were conducted referring to the defendants’ crimes in Rostov. But the emphasis of the so called *Befehlsnotstand*, that is, acting according to orders, of the mid- and low-level perpetrators often hindered public prosecutors to bring a charge against the defendant and this might have been the case regarding the perpetrators of Rostov. Pohl argues that murder verdicts “almost exclusively applied to excess murders, that is, murder without specific orders.” Pohl, p. 125.

²⁰ GARO, fond 3613, opis' 1, delo 2, p. 15.

- ²¹ GARO, fond 3613, opis' 1, delo 2, p. 5.
- ²² Translation from German original version. USHMM RG 14.101 M, B 162/1219, p. 1335.
- ²³ Translation from German original version. BAL, B162/1262, p. 15.
- ²⁴ M. Andriasov, Palachi derzhat otvet, *Molot* No. 251, (24 October 1963).
- ²⁵ BAL, B162/1262, p. 55.
- ²⁶ Translation from German original version. BAL, B162/1262, p. 54, 55.
- ²⁷ BAL, B162/1262, p. 56.
- ²⁸ Translation from German original version. BAL, B162/1262, p. 57.
- ²⁹ Ibid.
- ³⁰ GARO fond 3613, opis' 1, delo 2, list 3 ob.
- ³¹ I. Al'tman, *Opfer des Hasses Der Holocaust in der UdSSR 1941–1945*, (Gleichen, 2008), p. 333.
- ³² GARO fond 3613, opis' 1, delo 2, list 3 ob.
- ³³ Kholokost na territorii SSSR. Entsiklopediia. Moskva, 2011, p. 962.
- ³⁴ GARO fond 3613, opis' 1, delo 2, list 3 ob.
- ³⁵ GARO fond 3613, opis' 1, delo 2, list 3.
- ³⁶ GARO fond 3613, opis' 1, delo 2, list 3, 3 ob.
- ³⁷ BAL, B162/1262, p. 64.
- ³⁸ BAL, B162/1262, p. 6.
- ³⁹ Relevant testimonies can be found in documents by the Central Archives of the Federal Security Services (FSB, former KGB) of the Russian Federation (records relating to war crime trials in the Soviet Union, 1939–1992). USHMM, RG 06.025, reel 15–17, Krasnodar trial (H-16708).
- ⁴⁰ GARO fond 3613, opis' 1, delo 2, list 3 ob.
- ⁴¹ GARO fond 3163, opis' 1, delo 6, list 1.
- ⁴² GARO fond 3163, opis' 1, delo 30, list 1 ob.
- ⁴³ GARO fond 3163, opis' 1, delo 30, list 22.
- ⁴⁴ GARO fond 3163, opis' 1, delo 30, list 16.
- ⁴⁵ GARO fond 3613, opis' 1, delo 2, list 4–4 ob.
- ⁴⁶ GARO fond 3613, opis' 1, delo 30, list 11.
- ⁴⁷ BAL, B162/1262, p. 16.
- ⁴⁸ Translation from German original version. USHMM RG 14.101 M B 162/1230, p. 3801.
- ⁴⁹ USHMM RG 14.101 M B 162/1230, p. 3803.
- ⁵⁰ BAL, B162/1262, testimony of Maria Trufanova, p. 70–71, BAL, B162/1262, testimony of Uljana Kireewa, p. 80, BAL, B162/1262, testimony of Marfa Derganova, p. 85.
- ⁵¹ BAL, B162/1262, testimony of Maria Trufanova, p. 74, BAL, B162/1262, testimony of Uljana Kireewa, p. 80, GARO fond 3613, opis' 1, delo 30, list 11, testimony of Zinaida Dmietrievna Saprykina, GARO fond 3613, opis' 1, delo 30, list 13, testimony of Varvara Ivanovna Filenko.
- ⁵² Akt No 1231 (23 November, 1943), GARO fond 3613, opis' 1, delo 30, list 9.
- ⁵³ BAL, B162/1262, p. 17.
- ⁵⁴ Ibid.

Summaries

Alexander Ermakov

(Yaroslavl)

**Nazi Antisemitic Propaganda as Viewed
by Soviet Propaganda, 1933–1939**

Criticism of Nazi antisemitism and of the anti-Jewish policy of the Third Reich was an important, but not the main focus of Soviet anti-Nazi propaganda. The dynamics and content of this criticism were determined both by the differing stages of discrimination and persecution of the Jews in Nazi Germany and by the need to support Soviet domestic and foreign policies. Soviet propaganda presented Nazi anti-Semitism as an integral stage of capitalist social development, that was totally alien to socialism, and the persecutors of the Jews in the Third Reich were presented as successors of the tsarist pogromists, while antisemitic actions were interpreted as signs of the imminent fall of the Nazi regime due to internal pressures.

Ilya Altman

(Moscow)

**The USSR and the Transit of Jewish Refugees
in 1940 and 1941 via the Soviet Far East**

On the basis of documents from the Foreign Policy Archive of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation the article analyzes the circumstances of the transit of several thousand Jewish refugees across Soviet territory in 1940–1941. The author elucidates the motives of the relevant Soviet authorities (diplomats, the NKVD, and *Intourist*). He also focuses on the negotiations regarding the rejection by the Japanese of the Jews who arrived from Vladivostok with false papers in March 1941 and the role of the USSR in arranging their return to Japan.

Boris Kovalev

(Velikiy Novgorod)

**The Spanish “Blue Division” and the Jewish Population
in the Northwest Part of the Soviet Union, 1941–1943**

The article deals with the history of the relations between Spanish soldiers, the personnel of the Spanish Blue Division of the Wehrmacht, and the Jewish population during World War II. The focus is on features of the anti-communism and anti-semitism of the Spanish Falangists. The article also discusses Spanish soldiers’ attempts to help prisoners of the ghetto in Riga and anti-semitic publications in the Blue Division’s publication “Hoja de Campana.”

Mikhail Shkarovsky

(St. Petersburg)

**The Romanian Orthodox Church and the Holocaust
on the Territory of the USSR**

The article discusses the relation of the Romanian Orthodox Church to the Holocaust, primarily in Transnistria, the southwestern part of Ukraine that was occupied by Romanian troops. The leadership of the Romanian Patriarchate submitted to a greater degree than the other Orthodox Churches to pressure from the Third Reich in regard to the Jews, as well as in regard to other issues. In the fall of 1941, under pressure from the Antonescu government, the Romanian Patriarchate banned all applications from Jews to convert to Romanian Orthodoxy. During almost all of the war the position of the leadership of the Romanian Orthodox Church to the Jews was suspicious and even negative, although it did not support their annihilation. At the same time some priests in the Moldavian and Odessa Regions sympathized with the Jewish victims and attempted to save them.

Alexander Kruglov

(Kharkov)

**The Holocaust on the Territory of the USSR:
Regional Features and Periodization**

The author argues for a periodization of the Holocaust in the USSR that is based not on a quantitative change but on a qualitative one in the Nazi policy of mass murder of Jews. He defines this shift as a shift from the policy of annihilating specific segments or categories of the Jewish population to the latter’s complete destruction. This shift took place in different parts of the USSR at different times. Initially, at the beginning of July 1941, it took place in Western

Belorussia (Belostok *Oblast*) and in Latvia. The author believes that this was indicated that the decision to liquidate the Jews of the Soviet Union within the framework of pursuing the struggle against “Judeo-Bolshevism” was taken *before* the German invasion of the USSR.

Sergei Novikov

(Minsk)

**The Trostinets Murder Site in the Context of Source Studies
and the Historiography of the Holocaust**

Article surveys the state of research about Trostinets, one of the major death camps on Nazi-occupied Soviet territory on the basis of a comparative analysis of archival documents and the historiography of the Holocaust itself. By analyzing the studies of Belarusian and foreign researchers the author provides data about the number of victims in Blagoshchina, one of the murder sites of this camp, while introducing new documented facts into scholarship on this topic.

Alexandra Tcherkasski

(Bohum)

**The Place in the Soviet Memorial Landscape
of the Commemoration of Jews Murdered during World War II**

This article examines the soviet memorialization of Jewish victims who were killed during the Second World War on Soviet territory. The process of the perpetuation of their memory will be outlined based on the basis of selected examples. The main attention is paid to the question of where and under what circumstances Jewish victims were allocated in the Soviet politics of memory and the collective memory of the World War II. What were the deciding factors by which Jewish victims were regarded as a special category of political victims, and thus what forms were adopted to perpetuate their memory in the Soviet memorial landscape?

Pavel Polian

(Freiburg)

**Writings by Members of the *Sonderkommando*
and the Internal Diversity of Their Texts**

This article examines nine surviving texts left by Jewish members of the *Sonderkommando* in Auschwitz-Birkenau who worked under Nazi command in

the gas chambers and crematoria of the camp. The author of the article analyzes the behavior of these people and their evaluations of what was happening and their reactions to the annihilation of their fellow Jews and to the own situation in the camp. He concludes that these texts, written in extremis, have a biblical, tragic-epic nature. At the same time, some of the texts were primarily political declarations or pamphlets, letters that might, hopefully, reach the writers' descendants, or final screams before death directed toward both the Nazi enemy and the Allies.

Inessa Dvuzhilnaya

(Grodno)

**The History of a Composition —
“Requiem for the Holocaust: The Prayer of Rumbula”
by Vladimir Khvoinitsky and Leonid Koval**

The article analyzes memorial compositions of Riga authors, the composer and song-writer Vladimir Khvoinitsky (1928–1998) and of the journalistic writer Leonid Koval (1926–2012). The article focuses on the libretto of a requiem that expresses the ethnic aspect of commemoration of Holocaust victims in Latvia. Of equal significance is the Jewish component of the requiem's music, which reflects the tradition of Yiddish song culture.

Christina Winkler

(Leicester)

The Holocaust in Rostov-on-Don in Eyewitness Accounts

The Holocaust in Rostov-on-Don in eyewitness accounts. The paper focuses on eyewitness accounts to the Holocaust in Rostov-on-Don where a mass atrocity nearly comparable in size to Babi Yar was committed by *Sonderkommando 10a* in August 1942. Based on documents from the Soviet Extraordinary Commission, reports and investigative materials compiled by the Military Commissions of the Red Army as well as files from the Central Office of the Judicial Authorities for the Investigation of National Socialist Crimes it is demonstrated that all stages of the Holocaust in Rostov-on-Don are covered by accounts from mainly civilian observers as well as perpetrators and their local collaborators.

Сведения об авторах

Альтман Илья Александрович, сопредседатель Центра «Холокост», профессор, Российский государственный гуманитарный университет (Москва, Россия)

Винклер Кристина, докторант, центр изучения Холокоста и геноцида Стенли Бартона (SBC) (Лейчестер, Великобритания) и Учебного центра им. Эрнста Людвиг Эрлиха в Берлине

Двужильная Инесса Федоровна, канд. искусствовед., Гродненский государственный музыкальный колледж, Гродненский государственный университет им. Я. Купалы (Гродно, Республика Беларусь)

Ермаков Александр Михайлович, д-р ист. наук, доцент Ярославского государственного педагогического университета им. К.Д. Ушинского (Ярославль, Россия)

Ковалев Борис Николаевич, д-р. ист. наук, профессор, Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого (Великий Новгород, Россия)

Круглов Александр Иосифович, канд. филос. наук, Харьковский национальный университет радиоэлектроники (Харьков, Украина)

Новиков Сергей, кандидат исторических наук, Минский государственный лингвистический университет (Минск, Республика Беларусь)

Полян Павел, доктор географических наук, профессор, Института географии РАН, Ставропольский государственный университет, научный сотрудник Исторического института Фрайбургского университета.

Черкасски Александра, аспирант Научно-исследовательского института по исследованию диаспор и геноцидов при Рурском Университете г. Бохум (Бохум, Германия)

Шкаровский Михаил Витальевич, д-р ист. наук, Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (Санкт-Петербург, Россия)

About the Authors

Ilya Altman, PhD., co-chairman of the Russian Research and Educational Holocaust Center, Professor at the Russian State University for Humanities (Moscow, Russia)

Inessa Dvuzhlnaya, PhD, Grodno Musical College, The State University of Y. Kupala (Grodno, Belarus)

Alexander Ermakov, PhD, Yaroslavl State K.D. Ushinskiy Pedagogical University (Yaroslavl, Russia)

Boris Kovalev, Professor, Novgorod State Yaroslav the Wise University (Veliky Novgorod, Russia)

Alexander Kruglov, PhD, Kharkov National University of Radio-electronic (Kharkov, Ukraine)

Sergei Novikov, PhD, Minsk State Linguistic University (Minsk, Belarus)

Pavel Polian, PhD, Professor at the Institute of Geography of the Russian Academy of Sciences, Professor at the Stavropol State University, Researcher at the Institute of History at Freiburg University

Mikhail Shkarovsky, PhD, Central State Archive of St. Petersburg (St. Petersburg, Russia)

Alexandra Tcherkasski, PhD student, Institute for Diaspora Research and Genocide Studies at Ruhr-University / Bochum (Bochum, Germany)

Christina Winkler, PhD student, Stanley Burton Centre for Holocaust and Genocide Studies (Leicester, UK) and Ernst Ludwig Ehrlich Studienwerk (Berlin, Germany)

Содержание

От редколлегии	5
<i>Александр Ермаков</i> (Ярославль). Критика нацистского антисемитизма и антиеврейской политики Третьего рейха в советской пропаганде 1933–1939 гг.: этапы и особенности	7
<i>Илья Альтман</i> (Москва). Транзит еврейских беженцев в Японию через территорию СССР в 1940–1941 гг.	25
<i>Борис Ковалев</i> (Великий Новгород). Испанская Голубая дивизия и еврейское население на Северо-Западе СССР (1941–1944)	32
<i>Михаил Шкаровский</i> (Санкт-Петербург). Румынская православная церковь и Холокост на оккупированной территории СССР	47
<i>Александр Круглов</i> (Харьков). Холокост в оккупированных регионах СССР: Проблема периодизации и региональных особенностей	59
<i>Сергей Новиков</i> (Минск). Тростенец в контексте сравнительного источниковедения и историографии Холокоста	72
<i>Александра Черкасски</i> (Бохум). Место Холокоста в советском мемориальном ландшафте	85
<i>Павел Полян</i> (Фрайбург). Тексты членов зондеркоманды Освенцима и их внутреннее разнообразие	104
<i>Инесса Двужильная</i> (Гродно). История одного сочинения: В. Хвойницкий, Л. Коваль «Реквием Холокосту. Молитва Румбулы»	128
<i>Кристина Винклер</i> (Лейчестер). Холокост в Ростове-на-Дону в показаниях свидетелей	148
Summaries	161
Сведения об авторах	165
About the authors	166

Content

From the Editorial Board	5
<i>Alexander Ermakov</i> (Yaroslavl). Nazi Antisemitic Propaganda as Viewed in Soviet Propaganda, 1933–1939	7
<i>Ilya Altman</i> (Moscow). The USSR and the Transit of Jewish Refugees in 1940 and 1941 via the Soviet Far East	25
<i>Boris Kovalev</i> (Velikiy Novgorod). The Spanish “Blue Division” and the Jewish Population in the Northwest Part of the Soviet Union, 1941–1943	32
<i>Mikhail Shkarovsky</i> (St. Petersburg). The Romanian Orthodox Church and the Holocaust on the Territory of the USSR	47
<i>Alexander Kruglov</i> (Kharkov). The Holocaust on the Territory of the USSR: Regional Features and Periodization	59
<i>Sergei Novikov</i> (Minsk). The Trostinets Murder Site in the Context of Source Studies and the Historiography of the History of the Holocaust	72
<i>Alexandra Tcherkasski</i> (Bohum). The Place in the Soviet Memorial Landscape of the Commemoration of Jews Murdered during World War II	85
<i>Pavel Polian</i> (Freiburg). Writings by Members of the <i>Sonderkommando</i> and the Internal Diversity of Their Texts	104
<i>Inessa Dvuzhilmaya</i> (Grodno). The History of a Composition — “Requiem for the Holocaust: The Prayer of Rumbula” by Vladimir Khvoynitsky and Leonid Koval	128
<i>Christina Winkler</i> (Leicester). The Holocaust in Rostov-on-Don in eyewitness accounts	148
Summaries	161
About the Authors	166